

О. А. КУЗНЕЦОВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

О. Д. КУЗНЕЦОВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

(лексикализация
фонетических явлений)

Ответственный редактор Ф. П. ФИЛИП

Ленинград
Издательство «Наука»
Ленинградское отделение
1985

Книга посвящена малоизученной проблеме диалектной лексикологии — исследованию лексикализованных фонетических особенностей русских говоров. В ней описан основной состав лексикализованных особенностей, определены их типы и разновидности, ареалы, характер функционирования в говорах. Предлагается решение ряда актуальных проблем диалектной лексикологии: лексикализации фонетических явлений, ее причин, проблемы тождества и отдельности слова, лексической и фонетической вариантности и др. Результаты анализа и теоретические обобщения могут быть использованы в лексикологических, этимологических и лексикографических работах.

Книга рассчитана на специалистов по истории и диалектологии русского языка, научных работников, преподавателей вузов, учителей-словесников, а также студентов филологических факультетов.

Рецензенты: К. С. ГОРБАЧЕВИЧ, Г. И. ДЕМИДОВА

Развитие русской диалектологии в последние годы ознаменовалось успешными работами в области лингвистической географии, лексикологии и в особенности лексикографии. Кроме уже вышедшего тома Диалектологического атласа составлен сводный Атлас русских народных говоров; интенсивно, главным образом по тематическим и лексико-семантическим группам, изучается диалектная лексика. Опубликовано девятнадцать выпусков сводного «Словаря русских народных говоров»,¹ уже изданы и издаются многочисленные диалектные словари отдельных областей.

Исследование вопросов диалектной лексикографии, обсуждение теоретических принципов построения диалектных словарей (большая часть которых составляется на основе дифференциального принципа), выработка методов и способов лексикографического описания словарного состава — все это способствовало дальнейшему развитию русской диалектной лексикологии. Опубликованные диалектные словари дали в руки лексикологов, этимологов и историков языка новые лексические материалы, значительная часть которых вводилась в науку впервые. Это создало возможность исследовать многие новые вопросы, значительно продвинуть разработку сложных проблем диалектной и исторической лексикологии, этимологии, по-новому взглянуть на старые научные проблемы, не получившие до сих пор разрешения, объяснить многие языковые факты, остававшиеся не интерпретированными.

Накопленные знания по фонетике, грамматике, лексике и словообразованию русских народных говоров позволяют в настоящее время выдвигать и углубленно анализировать важные проблемы, имеющие большое теоретическое и научно-прикладное значение. Одной из таких проблем является проблема исследования нерегулярных лексикализованных фонетических особенностей на материале русских народных говоров.

Лексикализованные явления охватывают весьма значительную часть словарного состава говоров (значительную по количеству и разнообразию по своему характеру). Без детального исследования этой части диалектного словаря невозможно составить правильное и объективное представление о лексическом составе русских говоров. Изучение проблемы о нерегулярных фонетиче-

¹ Словарь русских народных говоров. Л., 1965—1983, вып. 1—19.

ских изменениях, о лексикализации фонетических явлений важно в теоретическом отношении в плане определения понятия регулярных и нерегулярных изменений, выявления и интерпретации их соотношений и взаимозависимостей в диалектных системах, выявления характера и своеобразия нерегулярных фонетических явлений, их отличий от явлений регулярных. Эта проблема теснейшим образом связана с вопросами о тождестве и отдельности слова, об изменениях фонетического облика слова, о причинах и условиях таких изменений, с понятием варианта.

Исследование нерегулярных фонетических особенностей наряду с основными структурными свойствами говоров даст возможность составить более правильное представление о диалектных системах в целом, о закономерностях этих систем, с их связями, исключениями и отклонениями. Оно позволит более четко, в деталях увидеть основные закономерности, точнее очертить сферу их проявления. Изучение, например, лексикализованных особенностей, возникших на почве действующих фонетических явлений, дает возможность проследить их реализацию в каждом отдельном слове.

Такое изучение позволит представить диалектные системы в движении, в развитии, в отмирании одних особенностей и нарождении новых. В то же время оно позволит отчетливее увидеть своеобразие отдельных систем и их отличия друг от друга.

До недавнего времени лексикализованные фонетические явления почти не привлекали внимания исследователей, особенно когда в русских говорах были выявлены и определены закономерные свойства и интерес исследователей сосредоточился именно на них. Между тем «изучение языка, его отдельных уровней и категорий должно опираться на взаимодействие общего и отдельного».²

Лишь в самое последнее время исследователи начинают обращаться к анализу фактов, связанных с лексикализацией фонетических особенностей в говорах. Отчетливо проявившийся интерес к указанной теме объясняется различными причинами, и прежде всего: 1) самим состоянием современных говоров, в которых многие регулярные особенности разных уровней под влиянием литературного языка теряют регулярность, реализуются в отдельных словах или в замкнутых группах слов; 2) высоким уровнем современной русской диалектологии, характеризующимся завершенностью работ по выявлению основных структурных закономерностей, установлением отличий говоров по паречиям, группам, подгруппам и зонам и, следовательно, позволяющим перейти к задачам другого характера; 3) начавшейся работой над диалектными дифференциальными словарями, разработкой теоретических принципов дифференциального словаря.

К словам, в которых реализовались лексикализованные фонетические явления, относят «слова с теми же корнями, аффиксами

² Будагов, 1978, с. 230—236.

и значениями, что и в литературном языке, но с фонематическими различиями, не составляющими фонетических и морфологических закономерностей, т. е. не являющимися элементами фонетических и морфологических систем языка. Когда различия в фонематическом составе слова имеют «индивидуальный» характер, они начинают играть роль лексических признаков, становятся структурными элементами слова как лексического явления».³ Разряд диалектных слов с лексикализованными фонетическими особенностями составляют «слова с такими особенностями произношения, которые не являются элементами фонетических закономерностей и имеют „индивидуальный“, лексикализованный характер (*амбар* — *амбар*; *снэгирь* — *снегирь*; *вишыя* — *вишья*; *оляной* — *льняной*; *пашмурный* — *пасмурный* и т. п.)».⁴ При этом предполагается полное тождество значений с соответствующими словами литературного языка.

Таким образом, лексикализованными называются фонетические особенности, реализующиеся в отдельных словах, характеризующие фонематический состав конкретных слов и служащие их различительными индивидуальными признаками.

В генетическом плане они не однородны, являются результатом действия различных тенденций и направлений развития диалектных систем. Можно наметить, по крайней мере, три типа лексикализованных явлений: а) явления, утратившие регулярность реализации, лексикализовавшиеся в отдельных словах; б) отклонения, отступления от основных структурных свойств говоров; в) явления, по своему направлению «обратные» основным структурным особенностям, и некоторые другие.

Современные народные говоры, испытывающие мощное воздействие литературного языка, дают исследователям богатые материалы для наблюдения и изучения лексикализации регулярных в недавнем прошлом фонетических явлений.

Отличие лексикализованных явлений от регулярных заключается в особом характере их реализации, проявляющемся в том, что реализация лексикализованных явлений не всегда и не строго связана с определенной позицией. Но она непосредственно связана с конкретными словами, с замкнутым кругом слов, результаты ее характеризуют фонетический облик этих слов, являются их индивидуальной приметой. В этом, между прочим, проявляется межуровневый пограничный характер явления. Результаты его, воплощенные в отдельных словах, являются неотъемлемым признаком их фонематического состава. Выполняя роль лексических признаков, они становятся, по словам Ф. П. Филина, «структурными элементами слова как лексического явления».⁵

В большинстве случаев каждое лексикализованное явление реализуется в небольшом количестве слов. При этом, что особенно

³ Филин, Проект, с. 37.

⁴ СРНГ, вып. 1, с. 6.

⁵ Филин, Проект, с. 37.

важно, ряд слов, в которых происходит реализация такого явления, закрыт.

Однако количество самих таких явлений весьма значительно, и, вероятно, их даже больше, чем известных регулярных диалектных особенностей. Поэтому состав слов, в которых они реализуются, весьма обширен, что само по себе говорит о значимости их в лексической системе диалекта.

Несмотря на то что каждое такое явление получает реализацию в небольшом количестве слов, лексикализованные особенности играют важную роль в диалектных системах, оказывая влияние на их структурные характеристики. Как уже отмечалось, лексикализованные фонетические особенности относятся к числу междуровневых, пограничных лексико-фонетических языковых феноменов. Известно, что между разными сторонами языка существует тесная связь, и нередко фонетический процесс подготавливает почву для изменений другого уровня, и наоборот. О важности изучения пограничных, междуровневых явлений пишет Р. И. Аванесов. По его мнению, пограничные явления «весьма интересны как для исторической фонетики, так и для исторической морфологии, и они не должны упускаться исследователями».⁶

В науке накопилось достаточно материалов, свидетельствующих о наличии в говорах нерегулярных, асистемных явлений. Статьи и работы ученых конца XIX—начала XX в., когда еще не были установлены основные закономерности, регулярные особенности говоров, содержат сведения и материалы об особенностях нерегулярных. Значительные материалы можно найти в диалектных словарях того времени, в ответах на академические программы и программы МДК. Работа над сводным Словарем русских народных говоров и другими диалектными словарями дала в свою очередь обильный приток новых диалектных записей, заставила в то же время разыскивать все опубликованные ранее и находящиеся в рукописях старые материалы. Тщательный просмотр всех этих источников позволил автору выявить многочисленные случаи лексикализации фонетических явлений, разнородных по своему характеру, причинам и сферам реализации.

Предметом исследования в настоящей работе являются фонетические лексикализованные особенности, отразившиеся в диалектных словах, тождественных по значению соответствующим литературным словам, но отличающихся от последних фонематическим составом.

Изучение лексикализованных фонетических особенностей сопряжено с большими трудностями теоретического и практического порядка. Сложность изучения этих явлений заключается не только в неизученности их, но также в самом характере этих явлений, лежащих на границе фонетики и лексики.

В работе в общем плане рассматривается вся совокупность лексикализованных фонетических явлений (совокупность эта

⁶ Аванесов, 1947, с. 13.

достаточно велика и разнообразна). Привлечение в сферу исследования всех выявленных фактов дало возможность предложить определенную классификацию лексикализованных явлений, исследовать причины их появления и определить сферу реализации каждого из них. Лексикализованные явления, представляющие наибольший интерес для решения основных теоретических вопросов, поставленных в монографии, рассматриваются особо.

Такому специальному рассмотрению подвергаются: а) лексикализованные явления, наблюдаемые в начале слова, и прежде всего слова с протетическим *j*; б) севернорусские слова с *a* на месте *e* после шипящих (в неударенном слоге) — загадочное явление севернорусского вокализма, неоднократно привлекавшее внимание А. А. Шахматова; в) слова с отпадением начальных гласных и выпадением гласных в середине слов; г) многие разряды слов с диалектными формантами, образованными в результате лексикализации определенных фонетических процессов на русской диалектной почве (глаголы с приставкой *yva-* и слова с суффиксом *-’оба*); д) отдельные лексикализованные случаи, появившиеся в результате действия различных причин.

Перечисленные разряды слов охватывают основную часть лексикализованных явлений в русских народных говорах. Изучение этих явлений особенно важно в теоретическом плане для выяснения и уточнения многих принципиальных вопросов (определение понятий «лексикализация», «лексикализованное явление», установление причин и условий лексикализации и т. п.). Исследование диалектных лексем с выпадением гласного, не имеющих коррелятов в литературном языке, важно для теории и практики диалектной лексикографии (отбор слов в дифференциальный областной словарь, решение вопроса о полисемии и омонимии, о структуре словарной статьи и т. п.).

Многие лексикализованные особенности были выявлены в процессе работы над словарем русских народных говоров. Лексикографическая проблематика при работе над областными словарями, впрочем как и при составлении словарей литературного языка, тесно связана с теоретической разработкой лексикологии, семантики, морфологии и других областей языкознания.

Задачей настоящего исследования является комплексное изучение процессов лексикализации в русских говорах, выявление диалектных особенностей, обусловленных этими процессами, происхождение характеристик, свойств и признаков таких особенностей, вскрытие причин и условий, вызывающих лексикализацию, определение места лексикализации фонетических явлений в языковой системе.

В работе также ставится задача определить понятие лексикализации фонетических явлений и лексикализованных случаев, рассмотреть регулярные и нерегулярные явления в их соотношении и противопоставлении, разграничить первичные и непосредственные причины лексикализации.

Исследование проводится в синхронно-диахроническом аспекте: изучается не только функционирование лексикализованных особенностей в современных говорах, определение их ареалов и т. п., но также рассматривается их происхождение.

Источники исследования. При написании настоящей работы использовались разные виды источников: а) специальные лексические материалы — материалы двух словарных картотек Словарного сектора Института русского языка (Большой Словарной картотеки, картотеки Словаря русских народных говоров, Ленинград)⁷ и материалы картотеки Брянского словаря, хранящейся в ЛГПИ им. А. И. Герцена;

б) диалектные материалы, из которых извлекались сведения по лексике: ответы на академические программы (1895—1896), ответы на краткую программу 1906 г.,⁸ ответы на программу МДК,⁹ архивные материалы первого тома Диалектологического атласа, хранящиеся в Ленинграде;

в) диалектологические описания конца XIX—начала XX в., в особенности таких ученых и диалектологов, как А. А. Шахматов, Н. И. Дурново, М. А. Колосов, В. Мансикка, О. Брок, А. С. Машкин, М. Г. Халанский, Д. К. Зеленин, К. Филатов, В. Резанов, Е. И. Резанова, Н. М. Каринский, А. А. Никольский, Н. И. Виноградов, В. А. Водарский, А. Градильевский, Н. Т. Смирнов, Б. и Ю. Соколовы, Н. Тиханов, В. И. Чернышев, А. И. Косогоров, Н. Белоруссов, М. К. Герасимов, Н. С. Ефименко, А. В. Карнов, Г. И. Куликовский, Ф. И. Покровский и многие другие, а также статьи и книги современных исследователей диалектов: Р. И. Аванесова, Е. К. Бахмутовой, С. С. Высотского, А. И. Гвоздева, Н. Г. Голанова, Н. И. Грипковой, С. А. Еремينا, С. М. Кардашевского, Е. А. Компиловой, С. А. Копорского, С. И. Коткова, Н. С. Кузнецова, В. Г. Орловой, М. А. Кустаревой, В. И. Лыткина, В. А. Малаховского, Г. Г. Мельниченко, Г. Я. Симпшой, Н. С. Меркурьева, О. С. Мжельской, А. М. Пашковского, Л. И. Пироговой, Н. А. Расторгуева, В. И. Сидорова, Ф. И. Филина, В. И. Чагишевой, Н. Я. Черных, Г. В. Шайтановой, А. С. Ягодинского и др.;

г) многолетние собственные наблюдения над говором д. Выворотково Курского (бывш. Бесединского) района Курской области (1954—1965) и лексические записи этого говора.

Помимо источников чисто диалектного характера в качестве материалов привлекались фольклорные сборники, в особенности тех собирателей, которые отличались наиболее бережным отношением к языку, стремившихся точно передать языковые особенности народных произведений. Такой подход к использованию фольклорных произведений объясняется тем, что фольклористы, как известно, не всегда сохраняют местные особенности произноше-

⁷ Полный список источников картотеки СРНГ см.: СРНГ, вып. 1.

⁸ Матер. для изуч. великорус. говоров, 1896—1922, вып. 1—11.

⁹ Тр. МДК, 1908—1931, вып. 1—12.

ния и нередко при публикации своих материалов даже уничтожают диалектные черты, как «затрудняющие чтение текстов». Такие известные фольклористы, как Б. и Ю. Соколовы, пишут буквально следующее: «В целом ряде случаев нами сознательно допускалась замена фонетического письма литературным для того, чтобы облегчить несколько чтение текстов».¹⁰ Таким преобразованиям подверглись и тексты печорских былин в сборнике «Песни Печоры». В предисловии к этому сборнику (От составителей) редактор его, перечисляя особенности, которые были сняты в текстах, пишет: «Эпизодически встречающееся смягчение звука „у“ и замена его звуком „ю“ („юлка“, „юлица“ вм. „улка“, „улица“ и т. п.) заменяются общепринятой транскрипцией».¹¹

Со специальной целью, таким образом, были просмотрены фольклорные материалы П. Е. Оичукова, собирателя, внимательно относившегося к языку записываемых произведений.¹² Как свидетельствует В. П. Чернышев, читавший корректуру печорских былин, П. Е. Оичуков «прилагал все усилия, чтобы передать точно звуки живой речи».¹³

Были использованы тексты песен и плачей, записанных О. Х. Агренево-Славянской¹⁴ от И. А. Федосовой, сборник архангельских былин А. Д. Григорьева,¹⁵ затем записи беломорских былин В. П. Чужимова,¹⁶ сборник пермских песен В. Шинюко,¹⁷ севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова.¹⁸

Среди использованных источников по южновеликорусским говорам большое место занимают фольклорные и диалектные записи В. П. Добровольского. Они представляют собой огромное, ни с чем не сравнимое собрание материалов, записанных в Смоленской губернии.¹⁹ Характерной особенностью этого замечательного собирателя является то, что при записи фольклорных текстов и просто диалектных материалов В. П. Добровольский стремился как можно точнее передавать диалектное произношение слов. «В моем словаре, — пишет он в предисловии к Смоленскому словарю, — примеры передают местное произношение жителей».²⁰

Записи В. П. Добровольского, филолога по образованию и прекрасного знатока смоленских говоров, имеют большую ценность

¹⁰ Соколовы, 1915, с. CXVIII.

¹¹ Песни Печоры, с. 7.

¹² Оичуков, Печорские былинны; Оичуков, Сев. сказки.

¹³ Чернышев, 1904, с. XXXVI.

¹⁴ Агренево-Славянская, 1887-1889, ч. 1-3.

¹⁵ Григорьев, 1901-1910, т. 1-3.

¹⁶ Чужимов, 1935.

¹⁷ Шинюко, 1882.

¹⁸ Никифоров, 1961.

¹⁹ Добровольский, 1891; Добровольский, 1914.

²⁰ Добровольский, 1914, с. I.

и представляют собой настоящий памятник живой диалектной речи конца XIX—начала XX в.

Использованы также записи брянских песен А. Д. Нечаева, сделанные им в 1912 г.,²¹ орловских песен В. П. Добровольского.²²

Обращение к источникам этого времени, их использование объясняется следующими соображениями. Старые материалы, хотя и не всегда дают систематическое описание диалекта, однако содержат самые разнообразные сведения о фонетических особенностях говоров конца XIX—начала XX в., в том числе и о лексикализованных отличиях. Собранные внимательными наблюдателями, старавшимися ничего не упустить при описании говоров, старые записи заключают в себе сведения весьма ценные, иногда уникальные. Передко только в них можно найти свидетельства о лексикализации того или иного явления. К тому же старые источники отражают традиционные системы диалектов, еще мало затронутые пивелирующим влиянием литературного языка. Особое значение имеют записи говоров наиболее консервативных, которые в силу определенных условий сохранялись в относительной нетронутости. В связи с этим они приобретают большую ценность и могут оказаться незаменимыми при изучении лексикализованных явлений.

Диалектологи и собиратели XIX—самого начала XX в. уже отмечали признаки разрушения старых диалектных систем. Так, М. А. Колосов, например, еще в середине XIX в. вынужден был сказать следующее: «Можно бы привести и не один, два, а много примеров того, что особенности говоров, видимо, исчезают, сохраняясь лишь между стариками, а еще чаще между старухами».²³ Все же наши предшественники имели дело с говорами более традиционными; проявление диалектных черт таких говоров отличалось большей последовательностью. Именно в классических описаниях диалектов чаще всего получали отражение рассматриваемые особенности. О некоторых особенностях можно судить вообще только по старым записям, поскольку в современных диалектах такое явление или утрачено совершенно, или от него сохранились только остатки в виде отдельных слов. Все возрастающая в этом плане значимость старых источников теперь осознается всеми диалектологами.²⁴

С целью выявления лексикализованных фонетических особенностей специально обращалось внимание на диалектные записи из тех мест, где лучше сохранялись консервативные говоры с чертами старинны. Именно на этом основании использовались диалектные и фольклорные записи севернорусских поморских говоров, записи смоленских и брянских говоров.

²¹ Нечаев, 1912.

²² Добровольский, 1905.

²³ Колосов, 1876, с. 4.

²⁴ См. об этом: Русск. диалект., 1972, с. 85.

Об архаическом характере поморских говоров было известно еще в XIX в. Писатель-этнограф С. Максимов, побывавший в 1856 г. в Архангельской губернии и наблюдавший там старинные славянские обычаи, нравы, уклад жизни, был также в восхищении от языка поморов, который казался ему в точности повгородским диалектом.²⁵ Конечно, такое утверждение С. Максимова является преувеличением, однако в нем есть и доля истины. Безусловно, особые географические и социальные условия, существовавшие на протяжении многих веков, способствовали консервации поморских говоров.

Фольклорист А. Д. Григорьев, объясняя, почему старинны сохранились в Архангельской губернии, в качестве одной из главных причин, способствующих этому, называет «удаленность и отрезанность тамошних местностей от остальной России».²⁶ По его мнению, особенно чувствуются эти условия в Поморье и по р. Кулою, где нередко непогода и распутица на долгое время прерывают сообщение с остальным миром. Тем же причинами объясняет сохранность былин на Печоре известный фольклорист Н. Е. Оичуков: «Страшная глушь Печоры, ее отрезанность от всей остальной России и раскол служили главными причинами, что старинны до сих пор удержались на Печоре. Заброшенная в суровом климате за Полярным кругом, недалеко от Ледовитого океана, совершенно в стороне от жизни всей остальной России, Печора до самого последнего времени жила укладом жизни и духовными интересами, но крайней мере, конца XVII в.»²⁷ В предисловии к сборнику северных сказок Н. Е. Оичуков следующими словами характеризует весь русский Север: «... суровый, дикий, глухой край, отдаленность от центров, раскол — это общие черты всего русского Севера».²⁸

Специалисты не раз отмечали глубоко консервативный характер поморских говоров. Знаток современных пинежских говоров Г. Я. Симина наблюдала наличие у них архаических черт в области фонетики и в других сторонах языковой системы (элементы музыкального ударения, слабая редукция безударных гласных, наличие гласных на месте старых *ъ* и *ь*: *лѣтоком* 'лотком', *руцѣй* 'ручьи', *зѣмокнута* 'замкнута', *замокнѣт* 'замкнет', *жорѣла* 'жрала', *зѣйцѣ* и 'зайцы' и т. п.)²⁹ На Севере еще живы русские полногласные формы слов, замененные в литературном языке неполногласными старославянскими или вовсе утраченные им, как *ворѣтник* 'привратник', *боронѣться* 'защищаться', *середѣ* 'среда', *сморѣд* 'запах горелого, смрад', *оболокаѣть* 'одевать', *оболокаѣться* 'одеваться', *оболочка* 'верхняя одежда', *болѣе* 'хорошо' и др. Собиратели заметили также такую особенность по-

²⁵ Максимов, 1859.

²⁶ Григорьев, 1904, т. 1.

²⁷ Оичуков, Печорские былины, с. XXI.

²⁸ Оичуков, Сев. сказки, с. XXI-XXII.

²⁹ Симина, 1963, с. 171—184; Симина, 1976, с. 3—4.

морских говоров, как произношение гласных в конце слов на месте старых глухих (*идѣто* 'идет', *станѣшо* 'станешь', *идѣшо* 'идешь'. Шенк. Арх., Шешенин, 1886; *противо* 'против'. Онеж. Арх., Олчуков; *ѣсте* 'есть'. Плещ. Арх., Матер. 1-го т. Атласа; *гріѣсти*, *ѣсти*. Пилеж. Арх.).

Хорошо сохранили диалектные особенности смоленские и брянские говоры. Своеобразие этих говоров, наличие многих архаических черт широко известно в научной литературе.³⁰

³⁰ См. об этом: Расторгуев, 1960; Орлова, 1961, с. 6; а также Словарь смол. говоров, вып. 1—3; Словарь брян. говоров, вып. 1—3.

ПЕРЕГУЛЯРНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ГОВОРАХ

1. ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ГОВОРОВ И ПЕРЕГУЛЯРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Первая половина XX в. в языкознании ознаменовалась зарождением и распространением структурализма. Постепенно идеи и методы этого направления проникли во все области науки о языке, в том числе и в русскую диалектологию. Именно в этот период были выявлены и определены основные закономерные особенности русских говоров.

Системный характер исследования диалектов безусловно представлял собой шаг вперед по сравнению со старыми (конца XIX — начала XX в.) приемами, когда закономерности говоров еще не были установлены и изучение диалектов сводилось к описанию разнородных фактов, попавших в поле зрения диалектолога. Определение закономерных особенностей позволяло установить тип говора, его структуру, систему, наметить тенденции развития говора. Кроме того, диалектные фонетические особенности описывались теперь не атомистически, по отдельности, изолированно друг от друга, а в их связях и отношениях друг с другом.

Определение структурных особенностей давало возможность противопоставления одних говоров другим (севернорусских — южнорусским, юго-западных — юго-восточным и т. п.). Такой метод изучения находил объяснение в объективных условиях развития диалектологии. Он диктовался необходимостью доказать существование диалектных систем; именно поэтому все внимание обращалось на структуру диалектов, на важные системные особенности говоров. В диалектологических работах стало традиционным исследовать главным образом эти регулярные особенности. При описании севернорусских говоров, в частности севернорусского вокализма, после определения количества фонем говорилось о их реализации в ударном и неударных слогах, т. е. описывались оканье, еканье, ёканье и другие явления, а при описании акающих говоров — типы яканья и аканья. Сравним в этом отношении высказывание С. С. Высотского о том, что «в традиционной русской диалектологии с самого начала ее возникновения существует взгляд, что типы предударного вокализма являются важным критерием для классификации русских говоров».¹

¹ Высотский, 1975, с. 3.

Однако и такой метод исследования говоров имеет свои недостатки: он дает довольно приблизительное, в известной степени упрощенное представление о диалекте и его системе, сводя последнюю к отдельным характерным особенностям, на которые по традиции обращается все внимание исследователей. Изучение закономерных особенностей открывало большие возможности углубленного исследования их, но в то же время оно не позволяло учесть всего многообразия отдельных фактов живого языка. Объектом изучения, таким образом, оказывалась не живая речь носителей диалектов во всей ее сложности и многообразии, в движении и изменении, а лишь отдельные наиболее характерные черты ее.

Уместно вспомнить здесь слова Ленина о том, что «явление *б о г а ч е* закона», что «закон берет спокойное — и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приближителен».²

Закономерности, эти основные особенности языка, помогают понять тенденции развития, но в то же время они не могут охватить всего богатства явлений. На это обращают внимание уже представители Пражского лингвистического кружка. В. Матезиус, например, писал о том, что в каждом диалекте имеются целые группы слов, «занимающих особое положение с точки зрения фонологии».³ Он указал на обычную ошибку при изучении языков, когда обращается внимание только на главные черты, те, к которым применимы «примитивные методы анализа». По его мнению, эта ошибка приводит к тому, что мнимая простота языковых явлений рассматривается не как следствие лингвистического метода, а как действительное свойство этих языковых явлений. Не случайно один из крупнейших представителей современной славистики В. Дорошевский увидел опасность в преувеличении роли системности в языке: «Требование подхода к языкам как к системам часто превращается в догму», — пишет польский ученый. Он критически относится к тем, кто по теоретическим соображениям при исследовании говоров учитывает только системные факты, опуская все то, что отклоняется от системы, т. е. производит «отбор материала до его анализа».⁴ «В некоторых случаях, например, при изучении синтаксиса говора, а также фонетики, это приводило бы (а иногда и приводит) к бессмысленности, к распределению фактов по заранее составленным умозрительным схемам».⁵

Известная ограниченность методов структурализма, определенные недостатки его отдельных направлений не могли не вызывать критического отношения к работам структурального направления, особенно к работам последних лет, в которых интерес лингвистов сосредоточился исключительно на явлениях систем-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 136—137.

³ Матезиус, 1967, с. 43.

⁴ Дорошевский, 1973, с. 107—108.

⁵ Там же, с. 206.

ного характера, и исследование языка вследствие этого стало приобретать характер статический. Особенно острой критике (не только у нас, но и на Западе) подверглись формально-лингвистические построения и схемы западноевропейских и американских структуралистов (глоссематика, дескриптивная лингвистика, порождающая грамматика). В книге Н. Parret «Discussing language», представляющей собой запись диалогов автора книги с рядом известных ученых, большинство западноевропейских и американских лингвистов решительно высказалось против идей порождающей грамматики Хомского, лишаящих человеческий язык его коммуникативной функции, против идеализма, излишней формализации (А. Мартине, М. Халлидей, С. М. Лем), абстрактного теоретизирования (Д. Лакофф), сведения естественного человеческого языка к формально-логическим «репрезентациям» (У. Л. Чейф).⁶ Основываясь на сосюрровском противопоставлении синхронии и диахронии, некоторые представители современного структурализма высказывают тезис о непротиворечивости, уравниваемости системы. По их мнению, система языка играет лишь регулирующую роль⁷ и поэтому причину языковых изменений следует искать во внешних обстоятельствах.⁸ Представление о языке как о замкнутой, обособленной из внеязыковой действительности системе или, по выражению Л. Ельмслева, «имманентной непротиворечивой и специфичной структуре»⁹ вызывало многочисленные споры¹⁰ и не разделялось всеми представителями структурализма, например членами пражского лингвистического кружка, что нашло отражение в известных Тезисах этого научного общества.¹¹

Примечательно в этом плане также мнение В. Дорошевского, который считал, что язык следует изучать не как сосюрровскую систему «чистых ценностей», а в его связях с внешней средой. Для В. Дорошевского характерен подход к языку как к «гигантскому механизму условных рефлексов». Такое представление о языке дает возможность, по его словам, «достигнуть убедительного синтеза в исследовании необыкновенно сложных частных фактов». По образному выражению польского ученого, «слова светятся отраженным светом вещей, и мы погасили бы этот свет, если бы захотели расшифровать систему языковых знаков, исследуя только отношения между словами, отрывая слова от тех раздражителей, условными рефлексами которых они являются». По его убеждению, имманентная детерминация элементов, составляющих определенное целое, образующих определенную систему, возможна только в том случае, если система образует замкнутое целое, компоненты которого не имеют другой ценности, кроме

⁶ См. рец.: Ахмапова, 1976, с. 131—137.

⁷ См.: Togeby, 1960, p. 401—413; Baldinger, 1963, 558.

⁸ Haudricourt, Juilland, p. 11.

⁹ Ельмслев, 1960, с. 279.

¹⁰ См.: О соотн. синхр. анализа, 1960.

¹¹ Тез. Пражск. лингв. кружка, 1967, с. 18.

той, что они входят в состав системы (являются элементами множества). С этим случаем мы имеем дело в классах чисел, но не в системах языковых знаков или даже в каких-либо других». ¹²

Не случайной представляется страстная защита Р. А. Будагова самого языка как «матери науки». По его мнению, «ученый не должен, больше того, он не имеет никакого права пренебрежительно относиться к „конкретностям“ своей науки, своего объекта изучения». ¹³ Изучение языка должно опираться на взаимодействие общего и отдельного, частного. «Не только абстрактно всеобщее, — читаем у Ленина, — но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного». ¹⁴

Кроме того, что формально-логические схемы структуралистических построений далеки от сложной языковой действительности, философские основы этих формалистических теорий находятся в противоречии с марксистско-ленинской философией. ¹⁵ «Абсолютизируя роль отношений, в которых находятся друг к другу языковые единицы: в формировании их качественной определенности, структурализм, — пишет В. Панфилов, — вместе с тем отрицает связи, отношения и взаимоотношения языковых явлений с неязыковыми, т. е. ограничивает действие принципа всеобщей связи и взаимодействия лишь пределами языка». ¹⁶ По мнению Р. А. Будагова, в сосюровском истолковании языка «вовсе не оказывается места даже самой идее развития, так как развитие языка невозможно без внутренних противоречий, заложенных в его структуре. «Непротиворечивость» исключает здесь всякое представление о развитии». ¹⁷

Такое истолкование сосюровского учения не оставляет возможности говорить о наличии в языке наряду с явлениями закономерными, играющими важную, определяющую роль в его структуре, явлений незакономерных, представляющих собой исключения из закономерных явлений, отклонения от них и т. п. Представители Пражского лингвистического кружка всегда подчеркивали тот факт, что не существует языка, который имел бы абсолютно уравнивленную систему. ¹⁸ Благодаря тому что «язык — это всегда процесс, а не мертвое равновесие», такая система невозможна: в нем наблюдаются не только системные явления, но и асистемные, исключения, отклонения от закономерных явлений. Изучение языка необходимо поэтому проводить с учетом диахронии, только оно может дать результаты, наиболее точно отражающие языковую действительность. ¹⁹ По мнению

¹² Дорошевский, 1973, с. 102—109.

¹³ Будагов, 1974, с. 135—136.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 90.

¹⁵ См. об этом: Будагов, 1965 (2); Будагов, 1972, с. 401—412; Будагов, 1974, с. 123—136; Савченко, 1972, с. 21; Панфилов, 1975, с. 31—36 и другие работы.

¹⁶ Панфилов, 1975, с. 31.

¹⁷ Будагов, 1965 (2), с. 31—35.

¹⁸ Вахек, 1967, с. 110.

¹⁹ Будагов, 1978, с. 234.

Ф. Н. Филиппа, «в любой системе, в любой группе связей всегда обнаруживаются противоречия (примеров можно было бы привести бесчисленное множество из каждого языка на каждом этапе его истории). Только благодаря наличию этих противоречий и стремлению к их преодолению происходит изменение языка согласно его внутренним законам развития».²⁰ «В каждой фонетической системе имеются пробелы, нарушения симметрии и «конфигурационного давления» (Ч. Хоккет).²¹

Общезвестно, что современные диалектные системы и сами по себе и вследствие все усиливающегося влияния литературного языка представляют собой сложное явление: регулярные особенности в них сосуществуют и переплетаются с особенностями нерегулярными. Причем действие первых нередко ограничивается действием вторых. Именно поэтому реализация регулярных явлений часто отличается разнообразными причудливыми отклонениями. Столкновение одной особенности с другой приводит к различным осложнениям фонетических закономерностей. Нельзя не учитывать и того важного обстоятельства, что в настоящее время интенсивное влияние литературного языка приводит к разрушению закономерностей диалектов, к потере ими регулярности, к реализации их в определенных морфологических категориях или даже в отдельных словах. Имея это в виду, Р. Н. Аванесов говорит, например, об изучении фонетических явлений «в их реальном бытовании», т. е. «в необходимых случаях даже исчерпывая весь лексико-морфологический состав».²² По его мнению, только в этом случае можно решить, что относится к фонологической системе, а что лексикализировано или морфологизовано. Изучение даже отдельных проблем, например проблемы происхождения какой-либо фонетической особенности, можно проводить только при исследовании этой особенности во всей ее сложности, со всеми исключениями и дополнениями.²³

На существование незакономерных фонетических особенностей обращали внимание еще критики младограмматизма. Как известно, понимание звуковых законов, особенно старшими младограмматиками (В. Шерером, Г. Остгофом, К. Бругманом), их мнение о том, что «каждое звуковое изменение, поскольку оно происходит механически, совершается по законам, не знающим исключений», вызывало возражения. Критика Шухардта и Бодуэна де Куртене была направлена на то, чтобы обратить внимание ученых на непоследовательность звуковых законов, на наличие в языке исключений. Крупнейший теоретик младограмматизма Герман Пауль, учитывая наличие отступлений от фонетических закономерностей, вынужден был формулировать определение фонетического закона следующим образом: «Звуковой закон не

²⁰ Филипп, 1978, с. 19.

²¹ Hockett, 1963, p. 20.

²² Аванесов, 1974, с. 4.

²³ См.: Мораховская, 1960, с. 93.

содержит в себе указаний на то, что непременно должно наступить всякий раз при данных общих условиях, он констатирует лишь регулярность определенной группы исторических явлений».²⁴ Безусловность звуковых законов представлялась невероятной и Б. Дельбрюку.

Классические описания говоров конца XIX—начала XX в. — А. А. Шахматова, Е. Будде, П. Дурново, О. Брока, В. Мансикки, В. Филатова, М. Г. Халанского, Е. Резановой и др. — почти не содержат утверждений о том, что реализация данной языковой особенности в одинаковых условиях происходит всегда тождественно. Наоборот, ученые старались представить картину реализации диалектной особенности во всей ее сложности. Интересно в этом отношении описание говоров к западу от Мосальска О. Брока.

В ивонинском говоре, по наблюдению О. Брока, на месте старого *e* произносилось несколько звуков *v*, *w*, *й*, *и*; при этом между ними не было четкого различия. Олаф Брок писал: «Хотя *v* встречается часто, но его очевидно малоэнергичное образование уже приближает его по звуку к губногубному *w*, стушевывая границу; артикуляция *w*, по-видимому, обыкновеннее; не могут указать ни одного положения, где бы произносилось только *v*, а не также и *w*. Можно было бы довольствоваться одним знаком, *w*, сохраняя притом *и*, где артикулируется действительно гласный *и*. Но также встречаются и такие переходные оттенки, где наблюдатель затрудняется в выборе между *w* и *и*; малоэнергичное *v* переходит, как всякому легко убедиться, через неумовимые переходы в артикуляцию *и*. Притом стоит указать на очевидную не только в ивонинском говоре склонность предпочитать артикуляцию *v* при палатализации (*v'*). Вот почему я не решился собрать эти разные знаки в один общий. Пестрота в этом отношении соответствует звуковому характеру ивонинского говора и произношению всей местности».²⁵

В. Мансикка, наблюдавший говоры Шенкурского уезда Архангельской губернии, пишет о «вполне правильном переходе *e* в *и* перед мягкими согласными независимо от ударения в южной части этих говоров и о наличии исключений из этого правила в северной части их».²⁶ В Верхней Паденге, например, говор которой относится к северной группе, В. Мансикка отметил закономерность: произношение звука *и* на месте старого *ѣ* в первом предупредном слоге только перед мягкими согласными. В других положениях, как пишет В. Мансикка, «*ѣ* и *и* чередуются, причем установить правило для употребления того или другого оказалось невозможным».²⁷ В одном из ответов на академическую программу из Мещовского уезда Калужской губернии (1897) собиратель Корнеев

²⁴ Пауль, 1960, с. 87.

²⁵ Брок, 1916, с. 13—14.

²⁶ Мансикка, 1912, с. 98—99.

²⁷ Там же, с. 99.

сообщал, что на месте заударного *e* в закрытом слоге произносится «и с слабым оттенком я» (*осишь, камись* и пр.), в слове *будеть* — среднее между *и* и *я*, в *хочить* — всегда *и*.²⁸

Такие отступления от известных закономерностей в конце XIX—начале XX в., когда еще достаточно хорошо сохранялись традиционные системы диалектов, отмечались довольно часто. Олаф Брок при описании мосальских говоров постоянно указывает на отклонения от фонетических особенностей. Говоря о реализации звуков в заударных конечных открытых слогах, где, как правило, произносится редуцированный гласный (*карѣтъ, ка'ѣнь, мама*), О. Брок сообщает о произношении в этом положении и звука *a* (в окончаниях существительных). Появление последнего он объясняет морфологическими факторами: *xalst'ina, dis'et'ina, čet'ina, iéto* и подобные отражают влияние случаев с *á, ó*, например, *zъrá, adnó* при *rabót'n'ikъ* в одном мгновении выговаривается *rabót'n'ickâx* (жен. род) в другом. Он указывает на наличие и других исключений, объясняемых склонностью к «выдвижению» конечного слога, особенно открытого, побочным ударением». ²⁹ В говорах Шенкурского уезда Архангельской губернии, по наблюдению В. Мансикки, *e* в открытом слоге сохранялось без перехода в *o* (*идите 'идѣте'*); однако вопреки этому правилу в двух словах произносился *o*: *веденьё* (введение) и *сватаньё*.³⁰

Е. И. Резанова при описании произношения гласных на месте *e, ѣ* и *a* (после мягкого согласного) в заударном закрытом слоге на конце слов в говоре деревень Масловки и Хитровки (Суджанский у. Курской губ.) замечает, что «звуки *e, ѣ* и *я* переходят большей частью в *и*, но встречается и *я*». Говоря о произношении гласных на месте тех же звуков в предударных слогах после мягких (или бывших мягких), Е. И. Резанова отмечает колебание звуков (то *и*, то *a*) в числительных *пятьсот, шестьсот, семьсот*.³¹

В севернорусских говорах при ёканье перед сочетанием твердого согласного с последующим мягким в предударном слоге нередко произносится не *o*, как следовало бы ожидать, а *и* или *e* (*п'оклá, но п'икл'и, т'оклá, но т'икл'и*). Подобное же отклонение наблюдается при переходе от ёканья к умеренному яканью (*п'аклá, но п'икл'и, т'акл'и, т'аклá, но т'икл'и*).³² Происхождение этого отклонения окончательно не установлено.³³ Такие же отклонения от систем аканья и яканья представляют собой произношения гласных среднего подъема в предложениях, приставках и отрицательных частицах.

И в современных диалектологических работах можно встретить замечания о наличии отступлений и исключений при реализации

²⁸ Матер. для изуч. великорус. говоров, вып. 11.

²⁹ Брок, 1916, с. 64—65.

³⁰ Мансикка, 1912, с. 97—98.

³¹ Резанова, 1912, с. 225—226.

³² Аванесов, 1974, с. 167.

³³ Пожарицкая, 1959, с. 119—131.

определенных фонетических явлений. К. Ф. Захарова, например, изучая архаические типы диссимиллятивного яканья, говорит об исключениях даже при описании говоров с последовательным архаическим типом диссимиллятивного яканья.³⁴ В. Г. Орлова, используя материалы Н. Т. Войтович и Атласа центральных областей к западу от Москвы, отмечает сходные архаические явления в северо-восточных белорусских и смоленских говорах. При этом архаические черты этих говоров по своему характеру не укладываются в рамки той тенденции, которой подчиняется вокализм первого предударного слога этих говоров. Так, при диссимиллятивном аянье и яканье здесь наблюдается усиленная лабиализация гласных: на месте *о* в первом и втором предударном слогах и соседстве с губными согласными или при наличии звука *у* в предшествующем слоге произносится гласный *у*: *пу́нйла*, *лупа́тка*, *хуту́ра*, *путкува́цца*. По мнению В. Г. Орловой, «факты подобной лабиализации являются в данных говорах реликтом той системы вокализма, от которой как смоленские, так и белорусские говоры совершали переход к аканью».³⁵

Таким образом, наблюдения над говорами русского языка показывают, насколько сложной и многообразной бывает языковая действительность. В диалектах сосуществуют, сталкиваются, перекрещиваются друг с другом тенденции весьма различные, иногда прямо противоположного направления. В говорах южного берега Кольского полуострова, например, замечалась тенденция прикрытия начальных *о* и *у* протетическим *в* (*вбстрой*, *востро-хвбстой*, *вострэ* 'острее', *вўмный*, *на вбсень*, *вбсенью*, *Вольга* 'Ольга', *Волюшка*, *воддабўт* 'отдают', *вўлица*, *вонá*). В то же время в этих говорах появляются новые слова с начальным *о* (в результате отпадения фрикативного *г*, не свойственного севернорусским говорам): *осудáрь*, *осудáрство*, *оспóнь*. При этом отмечаются слова, в фонетическом облике которых имеется *в* на месте *г*, появление которого объясняется непрекращающимся действием первой тенденции.³⁶ В диалектах, которые наблюдал в начале XX в. в Грязовецком уезде Вологодской губернии В. Маненка, сочетание нескольких явлений в начале слова, возможно, было более сложным: с одной стороны, здесь отмечался в ряде слов протетический *в* перед начальным *о* и *а* (*воўтарь*, *варган* 'орган'), с другой — отпадение начального фрикативного *г* и последующее появление на его месте протетических согласных (*в* или *й*): *восудáрь*, *восподин*, *енераў*, *Ермањья*, *Енадей*.³⁷

Сложность языковой системы заключается и в том, что отдельные стороны ее находятся в тесной связи друг с другом, оказывают влияние друг на друга. О связи различных уровней языка отчетливо говорили еще П. А. Бодуэн де Куртене.³⁸

³⁴ Захарова, 1959, с. 6—55.

³⁵ Орлова, 1961 (2), с. 6.

³⁶ Меркурьев, 1962, с. 4—5.

³⁷ Маненка, 1914, с. 76.

³⁸ Бодуэн де Куртене, 1963 (4), с. 163—174.

Примечательно в этом отношении высказывание Р. И. Аванесова о том, что каждый отдельный диалектный факт представляет собой, так сказать, линию пересечения ряда разнокачественных явлений — фонетических, грамматических, лексических.³⁹

По мнению литовского ученого А. Степонавичюса, звуковой уровень языка предстает как сложная система, в которой можно выделить «субфонемный (фонетический) и фонологический уровни, а также как спитагматический и парадигматический, так и сегментный и супraseгментный (просодический) планы».⁴⁰ Звуковой уровень языка тесно связан с другими его уровнями: морфологическим и лексическим. На это обратил внимание еще А. А. Шахматов, утверждая, что «по форме слов, образованных при посредстве суффиксов, так же трудно судить о фонетических законах, как по падежным формам имен: на звуковую сторону тех и других влияют постоянно слова родственные или тождественные по образованию».⁴¹ Именно поэтому свойства языка не могут изучаться изолированно, в отрыве друг от друга.

Учет нерегулярных особенностей нередко проявляет действие особенностей регулярных, позволяет более тщательно и более глубоко исследовать эти особенности, определить более точно сферу их действия. В смоленских говорах, например, в конце XIX в. употребление протетического *j* носило незакономерный характер, охватывало незначительное количество слов.⁴² Всестороннее изучение этого вопроса показало, что оно и не могло быть другим: использование *j* являлось составной частью системы прикрытия начальных гласных, в которой основную роль играл протетический *в*. Таким образом, исследование употребления протетического *j* в то же время дало возможность определить границы употребления протетического *в*.

Исследователь постоянно встречается с нарушениями и непоследовательностями в реализации языковых явлений. Один и тот же фонетический процесс протекает не всегда одинаково. Так, наличие разных условий в системе древнерусского языка обусловило появление в нем двух суффиксов *-ство* и *-ество*. Вопреки распространенному мнению о старославянском происхождении слов с суффиксом *-ество* Б. А. Зильберт, исследовавший историю этих суффиксов, показывает, что суффикс *-ество* мог образоваться и на русской почве. Его образование обязано наличию тех разных условий, в которые он попал после падения глухих. Как известно, в современном русском языке после согласных, за исключением *ж*, *ш*, *ч* и *щ*, употребляется суффикс *-ство*, после *ж*, *ш*, *ч* и *щ* — суффикс *-ество*. Появление *-ество* на русской почве объясняется Б. А. Зильбертом невозможностью исчезновения *ь* после упомянутых согласных в силу их физиоартикуляционных свойств (наличие у них в тот период долготы, сложной

³⁹ Вопр. теории лингв. геогр., с. 24.

⁴⁰ Степонавичюс, 1975, с. 218.

⁴¹ Шахматов, 1893, с. 78.

⁴² По материалам В. Н. Добровольского.

артикуляции и полной степени мягкости). Совокупность этих особенностей создавала произносительные неудобства при переходе к следующему твердому зубному согласному с (суффикс *-ство*) и способствовала появлению гласного звука.⁴³

С. С. Высотский, говоря о тинах предударного вокализма современных южнорусских говоров, характеризует их как явления сложные, с наличием отклонений от регулярных позиционных чередований гласных, нарушающих стройность таких чередований. Отклонения группируются по лексическим и морфологическим категориям. «Однако следует предполагать, — пишет далее С. С. Высотский, — что в целом картина этого явления во всех его компонентах обладает еще большей сложностью и отягощена приводящими обстоятельствами, природа которых во многом еще не поддается раскрытию».⁴⁴

Хорошо известно мнение русских диалектологов о том, что при описании и исследовании диалектных явлений «необходимо обращать внимание как на общие закономерности, так и на особенности, связанные с отдельными словами», а также убеждение в том, что картографировать следует «как явления, отражающие общие закономерности, так и явления, характеризующие отдельные слова».⁴⁵ В связи с этим представляется весьма плодотворной мысль С. С. Высотского о ведущей роли при изучении потока живой речи структуры фонетического слова, «единицы, в которой, собственно, и реализуются явления звукового строя русского языка и его говоров».⁴⁶ Фонетический облик диалектных слов изменяется не только под воздействием закономерных регулярных свойств говоров, но также и нерегулярных. Передки случаи, когда в слове реализуются не одно, а два или три нерегулярных явления, что приводит к значительным отличиям в фонематическом составе диалектных слов от соответствующих слов литературного языка. Это хорошо известно составителям областных словарей, изучающим судьбы тысяч слов и постоянно встречающимся с фактами изменения значений, материального облика слов, которые нельзя объяснить действием регулярных явлений и закономерностей.

Этимологи все чаще приходят к выводу о невозможности опираться при этимологизировании слов только на фонетические законы, о том, что определенная часть лексики с их помощью не может быть интерпретирована. Одна из причин этого — сложность историй, судеб отдельных слов: «На протяжении своей истории одно и то же слово может иметь несколько этимологических связей, т. е. несколько этимологий одного и того же слова могут оказаться верными, особенно в связи с метафоризацией, народной этимологией и другими видами контаминации».⁴⁷

⁴³ Зильберт, 1973, с. 136.

⁴⁴ Высотский, 1975, с. 12.

⁴⁵ Русск. диалект., 1973, с. 28.

⁴⁶ Высотский, 1975, с. 11.

⁴⁷ Маковский, 1978, с. 93.

Автор этимологического словаря чешского языка В. Махек, столкнувшись с отклонениями и отступлениями от установленных фонетических законов, объяснил их присутствием в языке легко поддающейся изменениям экспрессивной лексики: как известно, эта лексика часто не укладывается в рамки существующих в языке фонетических закономерностей.⁴⁸ Английский лексиколог Г. Д. Меритт, исследовавший древнеанглийские рукописи, обнаружил в них так называемые «мнимые» слова, получившиеся в результате ошибок, неверной интерпретации отдельных букв переписчиками, объединения отдельных частей разных слов в одно. Некоторые «мнимые» слова, как это ни странно, получают жизнь в языке и употребляются наравне с другими.⁴⁹ Еще на одну из возможных причин произвольного изменения материального облика слов указывает М. М. Маковский — это сокращение и наращение слов, как, например, при слиянии со словом артикля или частиц и предлогов. Естественно, что все эти слова не поддаются анализу на основе закономерных звуковых соответствий.

Таким образом, в науке накапливается все больше и больше фактов, не укладывающихся в рамки известных фонетических закономерностей, фактов, свидетельствующих об отклонениях от таких закономерностей.

Изучение языка, ориентированное только на строгую системность языковых фактов, является односторонним, недостаточным. Неверно само представление о простом, прямолинейном пути слов на протяжении их длительной истории; на самом деле путь слов в истории языка сложен, с отклонениями и отступлениями, с различными изменениями материальной стороны слова и его семантики, обусловленными нерегулярными свойствами говоров, народной этимологией, контаминацией и другими, нередко случайными, явлениями. Семантические и формальные изменения слов, вхождение их в язык или уход из него в ряде случаев не могут быть объяснены какими-либо внутренними, системными закономерностями. «Нет никакой гарантии того, что данное слово в своем развитии обязательно примет то или иное значение или форму или, наоборот, не будет выступать в этом значении или форме». «Любая система в языке обладает достаточной гибкостью, чтобы допускать бесконечное число связей, отношений, свойств и их комбинаций», — пишет М. М. Маковский.⁵⁰

Дать объяснение наличию отступлений от фонетических закономерностей пытаются и представители диахронической фонологии. В. К. Журавлев, например, считает, что диахроническая фонология «дает возможность предсказать, где следует ожидать, где следует искать регулярные соответствия, а где вероятны и допустимы фонетические дублиеты и каков их фонетический облик».⁵¹

⁴⁸ Machek, 1957.

⁴⁹ Маковский, 1972, с. 387—392.

⁵⁰ Маковский, 1977, с. 55—72.

⁵¹ Журавлев, 1969, с. 117.

Он полагает, что такой тип фонологических изменений, как трансфонологизация (превращение вариантов фонем в самостоятельные фонемы), может объяснить наличие дублетов в одной языковой системе: «...одна или несколько фонем, ранее слабо включенных в систему, получают новый для них, но старый для всей системы признак. Вот здесь-то, наряду со случаями последовательного проведения фонетических процессов, через всю толщу морфемного и лексического материала может проявиться и непоследовательность, могут остаться фонетические дублеты, нарушающие чистоту соответствий». Таким образом, диахроническая фонология допускает возможность отступлений от фонетических законов, и источник их она видит в причинах внутреннего характера. «Трансфонологизация фонем не происходит мгновенно, процесс „нащупывающего выбора“ весьма длителен и идет он обычно через этап сосуществования систем. В конце концов одна из сосуществующих фонологических систем генерализуется, но следы прежней фонологической системы в том или ином реликте могут сохраниться».⁵²

2. ПОНЯТИЕ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ. ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В ГОВОРАХ

В конце 50-х—начале 60-х гг. XX в. при выработке принципов СРНГ и вообще диалектных словарей дифференциального типа появилась необходимость в номинации диалектных отличий, не имеющих регулярного характера. Нерегулярные изменения фонетического облика слов в диалектах, заключающиеся в отпадении (гарод, гурец, княи), прибавлении (альяной, аряканой), замене (гумага, жеперал) фонем и т. п., реализуются в отдельных словах или в замкнутых группах слов. Они характеризуют фонетический облик конкретных слов, являются неотъемлемым признаком их фонетического облика. Такие фонетические особенности проявляются, следовательно, на лексическом уровне. Диалектные слова, отражающие подобные особенности, обычно незначительно (одной-двумя фонемами) отличаются от литературных; но эти особенности являются результатом действия различных тенденций диалектных систем, поэтому и самые слова приобретают специфически диалектный характер.

«Обычно незакономерные фонетические и морфологические особенности слов, ввиду того что они выпадают из фонетической и морфологической систем языка (диалекта), называют лексикализованными, а сам процесс перевода живого закономерного явления в отмершее, разрушающееся или вовсе разрушенное и сохранившееся только в „отдельных“, пережиточных примерах — лексикализацией». «Указанные особенности, — замечает Ф. П. Филипп, — переставая быть элементами фонетической или морфологи-

⁵² Там же, с. 117.

ческой систем, теряя свою регулярность, „растворяются“ в корнях слов, таким образом становясь элементами лексики». ⁵³

В основе такого понимания лексикализации лежат взгляды представителей пражской школы («лексикализованные фонологические различия»). Однако истоки такого подхода можно найти и в отечественном языкознании. Так, И. А. Бодуэн де Куртене говорил о двух родах фонетических изменений: «... одни повсеместные, всеобщие, распространяющиеся на все случаи появления данных звуковых сочетаний; другие же не столь сильные и парализуемые противодействием со стороны ассоциации форм». ⁵⁴ А. А. Шахматов допускал возможность изменения фонетического облика слов по причинам нерегулярным, т. е. признавал наличие фонетических особенностей, характеризующих отдельные слова («*посядѣць* вм. *посидеть* объясняется лексикологически»). ⁵⁵

В звуковых диалектных различиях Р. И. Аванесова и Л. П. Жуковской, не относящихся к фонетической системе языка, собственно надо видеть те же лексикализованные диалектные особенности. ⁵⁶ Позже в книге «Русская литературная и диалектная фонетика» Р. И. Аванесов для обозначения таких явлений пользуется термином «лексикализованный». ⁵⁷

В русистике стало обычным называть термином лексикализованные фонетические явления, реализация которых нерегулярна и ограничена определенным (небольшим) кругом слов. «Как лексикализованное явление существует произнесение *э* на месте этимологического *а* между мягкими согласными под ударением, а также произнесение *и* на месте *э*: *ан'эт'*, *пл'им'ен'н'ик*, *пл'им'эн'ища* (по *м'ач'ик*); *д'нв'ир'*», — пишет Е. А. Комшилова. ⁵⁸

Термины «лексикализация, лексикализованные особенности» в этом значении получили всеобщее признание и прочно вошли в научный оборот (см. в книге «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» (М., 1970), в Русской диалектологии под ред. И. А. Мещерского (М., 1972), в книге Р. И. Аванесова «Русская литературная и диалектная фонетика» (1974), а также в статьях многих авторов: И. Д. Самойловой (1959), И. С. Козырева (1961), И. А. Оссовета (1962), А. И. Ивановой (1964), Т. Г. Папикаровой (1967), Л. Л. Касаткина (1967), В. В. Титовской (1969), С. С. Высотского (1975), М. И. Лекомцевой и С. А. Толстой (1968), Т. В. Назаровой (1977) и др.).

Эти термины стали применяться и к явлениям литературного языка, а также к языковым фактам исторического порядка, реализовавшимся в замкнутом кругу слов. ⁵⁹

⁵³ Филли, 1966 (2), с. 27.

⁵⁴ Бодуэн де Куртене, 1963 (3), с. 42.

⁵⁵ Шахматов, 1912, с. 102.

⁵⁶ Вопр. теории лингв. геогр., с. 43—46, с. 160—165.

⁵⁷ Аванесов, 1974, с. 4, а также с. 137—138, 166—167.

⁵⁸ Комшилова, 1959, с. 259.

⁵⁹ См., например: Трубачев, 1974, с. 20—41; Горбачевич, 1978.

Чаще всего лексикализации подвергаются отмирающие фонетические явления, утрачивающие регулярность реализации. Такие явления особенно актуальны для современных говоров. Широко известны случаи, пишет Р. И. Аванесов, когда предупредительный вокализм уже не имеет позиционной обусловленности: «Он как бы заостеневает, грамматикализуется или лексикализуется и характеризует уже не определенное звено фонологической системы как таковой, а парадигму, группу слов или даже отдельное слово».⁶⁰ Говоря о наличии гиперизмов типа *желадный, глинядный* в среднерусских говорах с севернорусской основой, В. В. Колесов замечает, что такое произношение в этих говорах в настоящее время лексикализуется.⁶¹

Современные говоры располагают значительным набором лексикализованных явлений. Исследователи современных диалектов все чаще пишут об исчезновении, утрате отдельных фонетических особенностей. Поскольку процесс этот происходит постепенно, то остатки таких явлений все еще сохраняются в отдельных словах. И. А. Оссовецкий, говоря об утрате говорами фонем *б, ё*, слиянии этих фонем с *о* и *е*, замечает: «Следы бывшего несовпадения сохраняются в некоторых лексикализованных случаях, которые, по-видимому, тоже близки к исчезновению, например: *занавѣска* (при варианте *занавѣска*), *дѣверь, сѣвер, берѣѣга, котѣмка* и др.»⁶²

Поэтому, говоря о лексикализации фонетических явлений, большинство диалектологов имеет в виду в первую очередь лексикализацию явлений отмирающих, исчезающих. Считается, что источником лексикализованных явлений служат явления, утрачивающие позиционную обусловленность.

Исходя из этого, лексикализация фонетического явления представляется следующим образом. Фонетическое явление в отличие от явления лексикализованного характеризуется двумя особенностями: позиционной обусловленностью и реализацией в неограниченном кругу слов, т. е. оно ограничено только фонетической позицией. Отмирая, фонетическое явление теряет с последней связь. Оно или морфологизуется, т. е. становится показателем определенных морфологических категорий, форм, или лексикализуется, т. е. становится принадлежностью фонемного состава определенных слов. Фонетическое явление утрачивает при этом и вторую свою особенность: связанное ранее с определенной позицией, ограниченное ею, оно в то же время не было ограничено определенным кругом слов; в процессе лексикализации эти две особенности им утрачиваются. Однако на смену старым приходят новые качества. Лексикализованное явление ограничено определенным кругом слов, обычно небольшим. Так, по мнению Л. Л. Касаткина, произношение в ряде севернорусских и среднерусских

⁶⁰ Аванесов, 1974, с. 166.

⁶¹ Русск. диалект., 1972, с. 84.

⁶² Оссовецкий, 1962, с. 113—114.

говоров именн *Ольга* как *Ольа* является не чем иным, как сохранением результатов прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных только в слове *Оль|j|я*, т. е. типичным случаем лексикализации фонетического явления.⁶³

Дальнейшее изучение лексикализованных явлений, исследование причин их происхождения, выяснение роли конкретных факторов, приводящих к лексикализации фонетических особенностей, позволило сделать важные выводы об источниках и сущности лексикализованных явлений. Это изучение показало, насколько различны и многообразны источники и причины их появления. Генетическое разнообразие лексикализованных явлений имеет в своей основе сложный характер диалектных систем, в которых регулярные структурные явления находятся в связях и взаимоотношениях с явлениями нерегулярными, лексикализованными. Сложность отношений этих явлений в фонетической системе проявляется в том, что действие одной закономерности может сталкиваться с действием другой, и это «столкновение» разных фонетических закономерностей создает осложнения фонетических законов. Лексическое наполнение фонетических явлений демонстрирует сложную и многообразную картину связанных друг с другом явлений.

Современное состояние диалектологии предполагает такое изучение говоров, которое включало бы не только исследование главных структурных свойств говоров, но также отклонений, новых тенденций, неструктурных свойств, а также причин и факторов, вызывающих все эти особенности. При описании и исследовании диалектных явлений необходимо обращать внимание как на общие закономерности диалектных систем, так и на особенности, связанные с отдельными словами или замкнутыми лексическими группами.

Замечено, что одно и то же явление может существовать как общая закономерность и может быть ограничено отдельными словами. Так, в ряде севернорусских говоров на месте *a* между мягкими согласными является [e], например [gr'és'] — 'грязь'. В среднерусских и южнорусских говорах *a* между мягкими согласными сохраняется, но в некоторых словах произносится [e]; причем в разных говорах слова эти могут быть разные.⁶⁴

Важно в этом отношении мнение Р. И. Аванесова о необходимости изучения не вообще фонетической системы, а «в ее реальном бытовании, в инвентаре слов и морфем языка, по возможности очерчивая весь лексико-морфологический состав говора».⁶⁵

Изучение закономерных особенностей в сочетании с нерегулярными позволяет во всей полноте представить систему диалекта, более подробно, со всеми деталями увидеть основные закономерности, более точно очертить круг их действия. Изучение, напри-

⁶³ Касаткин, 1967, с. 173.

⁶⁴ Русск. диалект., 1973, с. 27—28, 36.

⁶⁵ Аванесов, 1947, с. 14.

мер, лексикализованных особенностей, возникших на почве действующих фонетических особенностей, дает возможность более детально увидеть действие фонетических особенностей, вплоть до отдельных слов.

Редукция гласных во втором предударном слоге, наблюдаемая во многих (главным образом среднерусских и южнорусских) говорах русского языка, имеет нерегулярный фонетический характер. Она проявляется в огромном количестве слов, т. е. ряд слов, в которых она реализуется, остается открытым. По наблюдению собирателей, редукция является неполной и к тому же факультативной; в результате фонетический облик слова сохраняется. Однако в отдельных случаях у некоторых слов происходит полная редукция гласного и старый облик слова не восстанавливается (ср. *борноволѡк*, *морзобѡй* и др.). Изучение таких лексикализованных случаев дает возможность познания не только самих этих случаев, но более глубокого исследования вообще данного фонетического явления, его характера, причин его происхождения, сферы действия.

3. ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫХ ЯВЛЕНИЙ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И В ОПИСАНИЯХ ГОВОРОВ

Вторая половина XIX—начало XX в. в истории русской диалектологии характеризуются прежде всего накоплением, собиранием фактов, стремлением выявить основные закономерности говоров и их распространение на территории России. В отдельных описаниях диалектов встречаются сведения о наличии тех или иных нерегулярных лексикализованных случаев. Но при этом в перечне диалектных особенностей, как правило, не делалось различия между регулярными и нерегулярными явлениями, не устанавливались связи между теми и другими и не очерчивались области их действия.

Проблема выявления лексикализованных случаев как практическая задача вставала перед диалектологами в связи с составлением первых диалектных словарей. Как известно, диалектные словари второй половины и конца XIX в. были дифференциальными. Их составители, следовательно, при отборе слов практических отличиях русских говоров. Однако теоретическому осмыслению эта проблема не подвергалась.

Такое положение отразилось и в предисловии к Опыту областного великорусского словаря. В перечне слов, помещаемых в словарь, говорится о словах, «уклонившихся от нормального употребления языка, нередко искаженных до крайности».⁶⁶ Из этого определения диалектных слов, подлежащих, по мнению авторов

⁶⁶ Опыт, 1852, с. 11.

Опыта, помещению в словарь, видно, что его составители и редакторы не делали различия между словами, отражающими закономерные фонетические свойства говоров, и словами, в фонетическом облике которых получили отражение лексикализованные особенности. В предисловии выражено определенное намерение и те и другие слова помещать в словарь: «Целью оставить без внимания и неправильности искаженных простолудинами слов, указывающие, как выше было замечено, на общие законы звуко-сочетаний. Простолудин говорит: *фляушка* вм. *хваляшка*, *само-хвалка*; *харланан* вм. *гарланан*, *крикун*; *харпун* вм. *хрупун*; *хау-туры* вм. *хавтуры*; *хвортка* вм. *фортка*; *хотомка* вм. *котомка*».⁶⁷

Известно, что А. Х. Востоков рассматривал все фонетические варианты слов как самостоятельные слова. Против этой точки зрения выступил И. И. Срезневский. «Одно и то же слово может быть произносимо в разных местах очень различно: оттого одно слово, однако, не делается многими словами».⁶⁸ Он считал невозможным помещать в словарь все слова, в которых реализуются диалектные фонетические особенности («все выговоры всякого слова»). По его мнению, в словаре следует объяснять только слова, в которых отразилась «случайная прихоть говора». Конечно, И. И. Срезневский исходил из чисто практических соображений составления диалектного словаря, сознания практической невозможности показать все слова с отражением закономерных особенностей в алфавите словаря. Он справедливо считал, что об основных фонетических особенностях диалектов достаточно сказать в предисловии к словарю.⁶⁹ Подобного мнения держался и В. И. Даль. Считая, что фонетические отличия русских говоров невелики, не затрудняют понимания, он полагал, что слова с отражением таких отличий не должны помещаться в словарь.⁷⁰

По существу в Опыте и Дополнении эта проблема оказалась все-таки не разрешенной. Отбор слов происходил скорее интуитивно, и в словаре можно найти отдельные слова с отражением закономерных отличий. Но в основном в Опыт и Дополнение помещались слова с отражением нерегулярных лексикализованных особенностей. В словаре нашли место разнообразные лексикализованные фонетические отличия: слова с отпадением начальных гласных (*киян* 'океан'), слова с отпадением начальных согласных (*ко́лько* 'сколько'), слова с отверждением конечных согласных (*гвозд* 'гвоздь'); слова, отличающиеся одной гласной фонемой в корне: слова с *e* на месте *и* (*лэвень* 'ливень'), слова с *ы* на месте *и* (*кыса*, *кыска*), слова с *и* на месте *ы* (*глиба*), слова, отличающиеся одной согласной фонемой в корне (*гумага* 'бумага', *гля*, *кля* 'для', *квести* 'цвести', *лента* 'лента', *коронить* 'хоронить'); слова, отличающиеся количеством фонем; слова с «лишней» гласной фоне-

⁶⁷ Там же, с. III.

⁶⁸ Архив АН СССР, фонд 1, опись 1, № 108.

⁶⁹ Балахонova, 1961, с. 106–110.

⁷⁰ Даль, О парениях русского языка, с. XXX.

мой (*гѣлобѣцъ* 'голубец'); слова, отличающиеся порядком следования фонем (*гнила* 'глина') и другие особенности.

Точно так же подходили к отбору слов и авторы диалектных словарей конца XIX—начала XX в.: А. О. Подвысоцкий, Г. П. Куликовский, П. А. Дилаторский, П. М. Васнецов, В. П. Добровольский. Исходя из практики составительской работы, они интуитивно находили правильный путь. К тому же на принципы составления областных словарей, безусловно, повлияли Опыт и Дополнение к нему. В них получили отражение слова с лексикализованными фонетическими особенностями и отсутствуют (за редким исключением) слова, в которых реализуются только закономерные особенности диалектов.

Как известно, образцом составительской практики для авторов последующих диалектных словарей явился словарь архангельского наречия А. О. Подвысоцкого. В словаре А. О. Подвысоцкого нашли отражение многие лексикализованные фонетические явления, имеющие широкое распространение в русских говорах, как, например, слова с полногласием, соответствующие в литературном языке старославянским по происхождению словам с неполногласием (*вередѣть* 'вредить', *верех* 'верх'), распространенные преимущественно в говорах севера и северо-запада, но известные также и в других говорах; слова, генетически более старые, чем литературные, как *доржать* 'держать', восходящие к индоевропейскому корню с твердым *д*, слова *гнила* 'глина', *долбнь* 'ладонь'; слова, отличающиеся от литературных корневой согласной (*гумѣга*, *гумѣжный*), и др. Достаточно широко представлены также лексикализованные особенности говоров, имеющие специфически севернорусский характер, известные в этих говорах как незакономерные явления, реализующиеся в отдельных словах. К таким явлениям надо отнести слова с протетическим *в* (*вѣлка*, *вѣлочка*),⁷¹ слова, отличающиеся гласными фонемами в корне: слова с *е* на месте *и* (*ѣстинно* 'истинно'), слова с *о* на месте *а* (*загѣдка* 'загадка'); слова, отличающиеся согласными фонемами в корне (*андел* 'ангел', *борбатать* 'бормотать'); слова, отличающиеся количеством фонем (*вража* 'вражда'), и др.

В. П. Добровольский, составивший словарь смоленских говоров, широко включал в него слова с лексикализованными фонетическими особенностями. Здесь получило отражение такое распространенное в смоленских говорах явление, как приставка гласного в начале слова: *авраг* 'враг', *авражий* 'вражий', *аграбли* 'грабли', *аквас* 'квас', *алицийтсья* 'лишиться', *алынябой* 'лыняпой', *арвѣть* 'рвать', *аржѣть* 'ржать', *атѣта* 'здесь' и т. п. Это явление имеет распространение преимущественно в юго-западных говорах. Кроме того, в словаре В. П. Добровольского нашли отражение и другие особенности, известные главным образом в южно-

⁷¹ Как известно, в юго-западных говорах это явление имеет закономерный характер.

русских говорах: слова с протетическим *j*: *ягиль* 'ангел', *ягонек* 'огонек', *Яриав* 'Варшава' (*j* появился после отпадения *в*) и др.; слова с отпадением начального *а* (из *о*): *кушёрка*, *Ликсандр*, *Ракчеев*, *бед* 'обед' и др.; слова со звуком *в* на месте *у* — так называемая обратная мена, наблюдаемая в говорах, где на месте *в* (в литературном языке) произносится *w*, *у* и *ў*: *вдарить* 'ударить', *вбить* 'убить'; слова в типично восточнославянской форме, соответствующие в литературном языке старославянским по происхождению словам: *вередить* 'вредить', *бервенё* 'бревню', *бервенцо* 'уменьшит. к бервеню'; слова типично южнорусские, появившиеся на почве якашья и вследствие переноса акцента на начальный слог: *бляснути* 'блеснуть' (о молнии). В словаре находим такие слова, в которых результаты незакономерных особенностей сильно изменили их фонетический облик. Обычно они отличаются от соответствующих литературных не одной, а несколькими фонемами, а также их количеством: *авдот* 'удод', *авжё* из *ужо* 'пу, а вот, может быть' (ср. также смол. *авшат* 'ушат'. Слов. смол. говоров. Смоленск, 1974) — вследствие появления *в* на месте *у* и последующей приставки гласного *а* (ср. Курск. *авжёткать* 'делать что-либо после, потом.' СРНГ).

Таким образом, авторы диалектных словарей XIX—начала XX в. выделяли лексикализованные фонетические особенности и слова, в которых последние реализуются, помещали в словарь. Совокупность этих особенностей, их лексическое наполнение в старых диалектных словарях дают возможность в предварительном плане говорить об ареалах лексикализованных особенностей. Наряду с явлениями широкого распространения, известными как севернорусским, так и южнорусским говорам, в диалектах наличествуют также лексикализованные особенности, которые встречаются преимущественно в севернорусских или в южнорусских говорах. Имеются также особенности, являющиеся принадлежностью исключительно тех или других говоров.

Отдельные замечания об индивидуальном фонетическом облике слов, о реализации фонетических явлений в конкретных словах встречаются в статьях и исследованиях конца XIX—начала XX в. Е. Будде, например, в описании говоров Казанской губернии постоянно отмечал, когда фонетическое явление реализуется в открытом ряду слов, а когда — только в отдельных словах: «Наконец мы заметим случай отпадения начального гласного *о* в слове *отвёдали*, которое произносится как: *т'с'а'ёдали* — с. Сунгурово Казан. у. Выпадение гласного *а* слышно в слове *пароход* — *п рохёт* — везде». «Замена звука *д* звуком *р* слышится в слове *сварьба*». «Звук *х* в словах *пасха* и *хлев* переходит в *к*: *пáска*, *клéф* — Сунгурово, в слове *хорошить* — *корби́шь*». ⁷² Так же у Олафа Брока в описании мосальских говоров: «III в. С я слышал в *šyš-nadcył* 'шестнадцать, *skarłúra*'. ⁷³ В. Мансикка, говоря о произ-

⁷² Будде, 1894, с. 96, ⁷⁹.

⁷³ Брок, 1916, с. 80.

ношении *e* на месте *и* в говорах Шенкурского уезда Архангельской губернии, приводит конкретные слова, в которых оно реализуется. Среди них слова главным образом перусского происхождения: личные имена *Лукея*, *Марея* и некоторые другие, а также *кадрель*, *деван* и т. п. Что касается слов русских, то с таким произношением В. Мансика записал только слова с корнем *лив-*: *левень*, *залевной*, *налевать*, *долев*.⁷⁴ В говоре с. Зимницы Якиздринского уезда Калужской губернии собиратель Щенетов в ответе на программу МДК отмечает произношение *y* и *ŷ* на месте *e*. В то же время он сообщает о наличии в этом говоре «обратной» мены: произношении *e* на месте *y* в определенных конкретных словах, как *вышла* 'ушла', *вдарить* 'ударить', *не имеет*, *непор* 'в упор', *въехал* 'уехал'.⁷⁵

При описании одного из говоров юго-восточной части Дмитриевского уезда Курской губернии собиратель Коростелев, говоря о произношении *a* между мягкими согласными, пишет: «Только мечик, глядя» и добавляет при этом: других слов, где бы *a* с ударением перешло в *e*, я не слышал». ⁷⁶ О реализации этого же явления в говоре деревень Масловки и Хитровки Суджанского уезда Курской губернии сообщает Е. Н. Резанова: «*E* вм. я встречается в отдельных словах: *мечик*, *плимешник*, *здучеть*, *здучел* (вм. *стучать*, *стучал*).⁷⁷ И другие собиратели, говоря о реализации этого явления в южнорусских говорах, замечают, что оно ограничено определенным кругом слов: «Только мечик», — сообщает в описании говора Петровской волости Егорьевского уезда Рязанской губернии.⁷⁸ «Племешик, мечик, в других — *a*» — в описании говора с. Покров Медынского уезда Калужской губернии ⁷⁹ и т. п.

Замечания такого рода встречаем и в позднейших статьях. Например, в говоре с. Семеновского на р. Водле Р. И. Аванесов отмечает произношение *e* на месте *и* в слове *пир* (*пер*); других примеров такого произношения он не приводит.⁸⁰ В статье А. С. Ягодинского, посвященной описанию говоров Чарозерского р-на Вологодской области, говорится: «В Чаронде Чарондского с/с встретилось *зал'эзный*. По это, видимо, явление не фонетического, а лексического порядка». Или о том же явлении: «Слово *железо* звучит в некоторых населенных пунктах (Русино и Семеновское Печенгского с/с, Чаронда) как *зол'эзо*». ⁸¹ Такие же замечания встречаются и в статье известного диалектолога М. Д. Мальцева: «Отпадение *o* в слове *гарот* — 'огорог' или *ш*, *ж* и *ц* твердые, а *ч* — мягкий; *и* вместо *e* в словах *шышицац*,

⁷⁴ Мансика, 1912, с. 97—98.

⁷⁵ Тр. МДК, вып. 3, с. 82.

⁷⁶ Матер. для изуч. великорус. говоров, вып. 11, с. 65.

⁷⁷ Резанова, 1912, с. 228.

⁷⁸ Матер. для изуч. великорус. говоров, вып. 11, с. 121.

⁷⁹ Там же, с. 40.

⁸⁰ Аванесов, 1949 (1), с. 246.

⁸¹ Ягодинский, 1941, с. 96.

и *шкарлѣнка*; с вместо ш в словах *салаши, сабаши, син'ѣт', самувар засип'ѣл*».⁸²

В последнее время лексикализованные особенности русских говоров все больше начинают привлекать внимание диалектологов. Происходит постепенное накопление фактов, которые, однако, не систематизируются и не подвергаются теоретическому осмыслению. Между тем дальнейшее развитие диалектологии, расширение и усовершенствование методов и приемов анализа диалектного материала и особенно обсуждение теоретических и практических вопросов диалектной лексикографии выдвигают на передний план проблему исследования явлений лексикализации в говорах в самом широком аспекте: не просто выявление лексикализованных фонетических особенностей, но исследование многообразных причин и факторов, участвующих в их происхождении, установление основных свойств и характеристик лексикализованных явлений, их отличий от явлений регулярных, их роль в диалектных системах и т. п.

4. ЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Объектом исследования в настоящей работе являются нерегулярные фонетические особенности говоров, реализующиеся в замкнутом ряду слов и имеющие поэтому лексикализованный характер.⁸³

Диалектные лексемы, в которых реализовались лексикализованные фонетические особенности говоров, считаются самостоятельными словами в отличие от лексем, в фонетическом облике которых нашли отражение регулярные особенности говоров: ср. *горѡд* 'огород', *гурѣц* 'огурец' и, с другой стороны, *в'аснѣ*, *с'олѡ*. В первом случае результат лексикализованного явления служит индивидуальной приметой фонетического облика конкретных слов, т. е. проявляется на лексическом уровне; во втором результаты яканья и ёканья характеризуют определенную фонетическую позицию, а не слово, поскольку ряд слов, в котором получают реализацию яканье и ёканье, открыт и не может быть исчислен.

При этом в исследовании принято следующее ограничение. Как уже отмечено выше, лексикализованные фонетические особенности могут проявляться в составе фонем слова, их количестве, порядке следования, а также в качестве отдельных фонем (*н'ѣр'вийй*, *в'ер'х*, *вишня*, *високій*). В работе исследуются все эти особенности, исключая последние, проявляющиеся в качестве отдельных фонем. Конечно, они также характеризуют фонетический об-

⁸² Мальцев, 1941, с. 170—171.

⁸³ Лексикализованные явления морфологического и синтаксического характера в работе не рассматриваются.

лик диалектных слов, являются их индивидуальной приметой. Такое ограничение основывается на том, что известным свойством русской фонологической системы является следующее: для различения слов служат отличия в составе фонем, их количестве и порядке следования; различия в качестве отдельных фонем для этой цели служить не могут.⁸⁴ Поэтому фонетические комплексы, отличающиеся от литературных хотя бы одной фонемой, количеством или порядком их в слове, образуют самостоятельные диалектные слова.

Следует заметить, что признание за диалектными лексемами с лексикализованными фонетическими отличиями отдельности, самостоятельности возможно при рассмотрении их в сопоставительном плане с литературным языком (как элементов «диалектного языка», противопоставляемого языку литературному) или как явления одной диалектной системы, в которой отсутствуют соответствующие лексемы, идентичные по значению, с незначительными отличиями в фонематическом составе (как, например, *горбд* и *огород*, *угород*, *игород*). Сосуществование таких лексем в одной диалектной системе предполагает их рассмотрение в качестве вариантов слов.

Имеются случаи, когда фонематический состав слов с лексикализованными фонетическими особенностями значительно отличается от соответствующих слов литературного языка. Вследствие реализации не одного, а нескольких лексикализованных явлений состав фонем в слове может заменяться наполовину. По утверждению К. С. Горбачевича, фонематические несовпадения вариантов слов обычно не превышают двух фонем (при условии, что одна из них гласная).⁸⁵ Следовательно, более значительные расхождения в фонемном составе образуют разные слова. В этих случаях различие с исходным фонетическим обликом столь велико, что новый фонетический комплекс следует считать новым словом. Ср. в этом отношении замечание К. С. Горбачевича о том, что «варьирование слова обычно осуществляется в определенных акцентологических и фонематических границах. Эти ограничения имеют объективный и необходимый характер, так как формальные различия языковых единиц, воспринимаемых как одно слово, не могут быть слишком значительными. Нарушение этих условий ведет к необратимым формальным изменениям и разрушению тождества слова».⁸⁶

Объектом настоящего исследования стали не все лексикализованные фонетические особенности. Так, слова, отличающиеся от соответствующих литературных не только своим фонетическим видом, но также другими особенностями (грамматическими: родом, парадигмой, например, *аблок* 'яблоко'), были исключены из исследования. Таким образом, изучались лексикализованные

⁸⁴ Аванесов, 1974, с. 35—37.

⁸⁵ Горбачевич, 1978, с. 14.

⁸⁶ Там же, с. 13.

фонетические особенности «в чистом виде»; диалектные слова, отражающие лексикализованные фонетические явления, без наложения каких-либо других.

Это ограничение было принято исходя из теоретических и практических соображений. Исследование явлений в «чистом» виде дает возможность лучше, отчетливее видеть его сущность, точнее определить его свойства. При работе со словами, в которых исследуемые явления получили отражение в комплексе с другими особенностями, это сделать намного труднее, поскольку те и другие явления взаимно влияют друг на друга и осложняют их изучение.

В исследовании в качестве объекта изучения используются некоторые заимствованные слова. Такое решение объясняется следующим. Заимствованные слова из-за отсутствия родственных связей чаще, чем другие слова диалекта, подвергаются действию тенденций развития языка: они гибче, подвижнее, легче вовлекаются в сферы действия диалектных тенденций и различных процессов, следовательно, легче и свободнее подвергаются изменениям. Однако при этом необходимо заметить, что речь идет о таких заимствованных словах, для которых известна исходная фонетическая форма, т. е. форма, в которой они появились в русском языке. Это главным образом слова иностранного происхождения, пришедшие в говоры из литературного языка.

Все выявленные диалектные слова с лексикализованными особенностями приводятся далее в виде сводки-классификации. Эта сводка представляет собой итог большой работы по обнаружению и классификации таких особенностей. Для ее составления были просмотрены все лексические материалы картотеки СРНГ (более двух миллионов карточек-цитат, иллюстрирующих около 300 000 диалектных слов), а также многочисленные фольклорные источники и специальные исследования. Это первая попытка приведения большой совокупности лексикализованных явлений и их классификации.

Поскольку проблема лексикализованных особенностей говоров не изучена, не выявлен набор их и лексическое наполнение, то в приведенной ниже сводке явлений мы старались показать по возможности наибольшее количество таких особенностей, найденных в источниках, и состав лексем, характеризующих каждую из них. Естественно, что в этой сводке приведены не все лексикализованные особенности русских говоров (их количество, очевидно, очень большое), однако основные типы их учтены и включены в работу. Перечень лексикализованных особенностей с предложенной классификацией свидетельствует не только о большом количестве этих явлений, но и об их сущностном и генетическом разнообразии.

В основу классификации положен фонетический принцип; учитывается также положение явления в слове: в начале, середине и конце слова. Тем самым обеспечивается показ в одном месте, рядом явлений однотипных, явлений одной позиции, а также явле-

ний, вызванных одной тенденцией. При каждом слове указывается место записи; таким образом, при перечислении лексикализованных особенностей каждая из них характеризуется с двух сторон: со стороны набора лексем, в которых она реализуется, и со стороны географического распространения приведенных лексем.

1. Слова, отличающиеся количеством фонем.

Особенности, проявляющиеся в начале слова.

а) Слова с отпадением начальных гласных *а, о и и*: *гарѣб* (Курск., Калуж., Тул., Орл., Смол., Брян., Ворон., Городниц. Пенз. и др.), *гурѣц* (Смол., Сызр. Симб., Земетч. Пенз.), *кйяи* (Север., Торон. Пск., Смол., Дон., Нижегород., Вят., Урал), *ладыя* 'оладыя' (Жиздр. Калуж.), *лаьди* 'оладыи' (Зап. Брян.), *палѣй* 'аналой', *петѣт* 'аштетит', *рестанит* 'арестант' (Шинск. Арх.), *жырѣлки*, *жырѣльи*, *Л'аксѣй*, *Л'аксѣйдр*, *Кул'ина*, *пр'ид'ал'ит* (Городниц. Пенз.), *згольвье* 'изголовье' (Смол., Костром., Яросл., Вят., Урал., Зауралье), *згольвьеце* 'уменьш.-ласк. к згольвье' (Север., Твер., Смол., Тул., Костром., Вят.), *зголюдытсья* 'изго-лодаться' (Пск.), *здалека* 'издалека' (Ленингр., Пск., Зап. Брян.), *здали* 'издали' (Твер., Пск., Зап. Брян.).

б) Слова с отпадением начальных согласных: *в: зглянуть* и *зглянуть* (Север.), *стречать, дорожить, ставить* 'вставлять', *змагнуть* 'взмахнуть' (Усть-Цилем. Арх.); *стретили. стрета, стречать, зглянет, зревело, ставал, сколыбалась. спорол* 'испорол' (Помор. Арх.), *переди* 'вперед', *дорожали, ставал, сё, змагнул, зглядыват, звёл. дорожали, змолился, звеселило, не звеселилось, звела, плакала, здох* 'вдох', *зволновались, зридовался, зревел, зворачиват* (Печор. Арх.), *згляну, звысилось* (Шенк. Арх.), *звоз, звозье* (Холмог. Арх.), *згленул, згленула, згленёт змолилась, стречала, стрицают, спорхнул, спыхнул, спрел* 'вспрел', *спарился, спомнил, ставаю, сколыкалось, стречать, зволновалось, здорить* (Арх.), *здор, здумать, спомнил, стать* 'встань' (Никол. Волог.), *згляд* 'взгляд' (Волог., Сев.-Двин., Перм., Пркут.), *стричей* 'встречай' (Междуреч. Волог.), *здор, здвиженьё, здымать, сток* из *восток* 'восток' (Пудож. Олон.), *змолиться* 'взмолиться' (Север.), *зморье* 'взморье' (Новг., Пск.), *згрустнёт* 'взгрустнуть' (Пск.), *стал* (Белозер. Новг.), *зрадывалъс* (Осташк. Твер., Арх.), *скапал, скуп'ел, здумалыс'а, с'отъж'и, с'оравио, м'ёс'т'и* (Городиц. Пенз.); *ладать* из *владать* (Пудож. Олон., Читин. Читин); *спомянешь, спорхнул, стреча. спомнил, здумал, здор* (Медвн. Калуж.), *спамянишь, спархнул, збисилась, стрелси, стреча. здумал, здор, наздбрили* (Судж. Курск.), *злюбленный. спаминить* (Дмитров. Орл.), *стретила* (Стародуб. Брян.); *юи* из *выюи* 'угорь' (Карач. Брян.), *двоём* 'вдвоём' (Арх., Волог.), *зыгрануть* 'взыгрануть' (Вят.); *бз'ле, окруж* 'покруг', *озмю, озмий, озмийте, сё, черанниго* 'вчерашнего' (Казан. Казан.); без начального *с: мотри* 'смотри' (Вельск. Арх.), *колько* 'сколько' (Север., Поволжье, Южн., Вят.,

амховой (Дмитриев. Курск.), *амшаник* 'яма для пчел', *аржа* 'рыбачина', *игруша* (Путивл. Курск.), *алён*, *анасля*, *акрамя* 'кроме', *авторник*, *алимон*, *аржаной*, *ариней* 'реней', *амшить* 'мшить', *ишел*, *ишла*, *ишли*, *ирвать*, *изделалась*, *ильну*, *на ильницу*, *йржи*, *иструб* 'сруб', *игруша*, *издесь*, *ильгота* (Обоян. Курск.), *алляйя*, *ирвала*, *Амченск*, *акрамя*, *аграмиднай* (Курск.), *игде* (Козл. Тамб.), *ореней* (Ворон.), *аработала*, *арас* (южн.), *ахлев* (Лит. ССР), *исрубы*, *йсерьги*, *исерёжи* (Вят.), *аржаной*, *ал'я'анбой*, *аржаство* (Городинц. Пенз.), *авторник*, *артищева* (Духовн. Саратов.), *аряшкй*, *асилётка*, *акрамя* (Черкас. Ростов.); *аржаной* и *оржаной*, *авторник*, *омшаник*, *артуть* (Холмог. Арх.), *оржаной*, *ольняной* (Плесец. Арх.), *охлевь* (Няндом. Арх.), *артуть*, *аржаной*, *акромя* (Вельск. Арх.), *икажной* 'каждый', *икажинной* 'каждый', *йсерьга* (Сев.-Двин.), *икажной* (Петрозав. Олон.), *офторник*, *омшить*, *оржаной* (Грязов. Волог.), *оржаной* (Костром.), *аржаной*, *авторник*, *омшеник*, *омшаник* (Муром. Влад.).

г) Слова с приставными начальными согласными фонемами.

Здесь относятся прежде всего слова с приставными фонемами с или з, получившие особенно широкое распространение в фольклорных произведениях: *спроводить* (Плесец. Арх.), *сповянешь* (Шенк. Арх.), *спровожать*, *спровожают* (Онеж. Арх.), *спотешаитсе* (Кем. Арх.), *спровожают*, *спроводить*, *спроводины*, *спокидать*, *сполюбовница*, *спожения*, *сполюбить*, *спобывать*, *спобьешь*, *спожаживает*, *сполетывать*, *споправился*, *спокить*, *спомру*, *спогулять*, *спотешать*, *сповьрежу*, *спозвати*, *спопальвать*, *спогаядывать*, *спожаловать*, *спопеволить*, *спройду*, *спокидать*, *спорусиночка*, *спогульливенькая* (Печор. Арх.), *спосуда* 'посуда' (Тихв. Повг.), *сиына* 'шнна' (Боров. Повг.), *спобывал* (Кадн. Волог., Перм.), *сподломиться*, *сповидать*, *спокипнуть*, *спавадился*, *спакидати*, *спадавала* 'подавала', *спаймала*, *спазнала* (Дмитров. Орл.), *спалажить* (Дмитриев. Курск.), *спогубить*, *споймать*, *спозабыть*, *спокипнуть*, *справажают*, *спадманивай*, *спазнал*, *спадецлесь*, *сподивиться*, *спалюбить*, *спавейтя*, *спачивать*, *спазнайся*, *спашивать*, *звернуйся*, *знайдеца*, *знашла*, *знайти*, *знайтись* (Смол.), *сполюбить* (Стародуб. Брян.), *спотопула* (Котельн. Вят.), *спотопнуть*, *спотоплять*, *сподвинуть*, *спомри*, *спожени*, *споровить*, *спобывать*, *спобуживать*, *спокаяться* и др. (Екатеринб. Перм.).

Слова с протетическими согласными: *ялый* (Брян.), *ёкуи* (Трубч. Брян.), *ягуль* 'ангел' (Зап. брян.), *ягрус* из *агрус* 'крыжовник' (Брян.), *ямшарйна* из *амшарина* (Пушкиног. Пек.), *ялтарь* (Землян. Ворон.), *ярмяк* (Шенк. Арх., Чарозер., Пришекн. Волог., Пудож. Олон.), *ермяк* (Белозер. Повг.), *елементы* 'алименты' (Пинеж. Арх.), *юзолочик* 'узелочик' (Печор. Арх.), *юположник* из *уположник* 'положник' (Ряз.).

Севернорусские слова с протетическим *в*: *восница*, *вбстрый*, *Волью* *Всеславевича*, *Вольина* *матушка*, *Вольин* *Всеславевичу*, *вумный*, *под Вастрахань* (Печор. Арх.), *под Вастрахань*, *вострую*,

вотчина, вотчины (Усть-Цплем. Арх.), остро, острою (Пустооз. Арх.), вострому, вѣтках (Шенк. Арх.), ко вострыи (Кем. Арх.), вѣспица, вѣстрой, вострыйть, вострыяк 'палка с острым концом', вѣзмиь, вѣсень, вѣлица, вѣкна, вѣтка (Сев.-Двин.), вѣлка, вулочка, вѣстрой, вѣстро (Арх.), вѣстрой, вострахвѣстой, вострѣ 'острее', на вѣсень, Вѣльга 'Ольга', вѣддайт 'отдают', вѣсенью, Вѣлюшка, вѣпъ, вѣлица, вѣмный (Мурм.), вѣточка (Сыктывд. Коми АССР), вѣйт-арь, варган (Грязнов. Волог.), вѣченно (Петрозов. Олон.), вутка, вокно, вулица (Старорус., Демьян., Валд. Новг.), вѣзмиь, вѣсень, вѣлица (Меленк. Влад.), вѣзмиь, вѣкна, вѣсень, вѣтка, вѣлица (Никол. Волог., Ветл. Костром.), вѣспица, у вѣбѣх 'у обеих' (Казан. Казан.), вѣсна, вѣльга, вармия, на вѣлице, вѣсна (Вят.).

Слова с протетическим г: *гáрба* 'арба' (Ряз., Орл., Курск., Дон., Ворон., Ейск. Кубан., Сев. Кавказ), *гб́льха* 'ольха' (Брян.), *гох* 'ох' (Жиздр. Калуж.), *гб́стрый* 'острый' (Новооскол. Курск.), *гостропéзый* (Дон.).

Особенности, проявляющиеся в середине и конце слова:

а) Слова с выпадением корневых гласных: *бортовать* (Ряз., Нек., Твер., Лит.ССР, Эст.ССР, Смол., Калуж., Моск., Влад., Нижегород., Пенз., Саратов.), *виртянб*, *кблкал* (Судж. Курск.), *збгвинь* (Курск.), *парнѣк*, *парнѣчек* (Смол.), *прасѣнка* (Можар. Ряз.), *барнавать*, *бърнѣвълочкя*, *парсѣнѣк*, *парсюк*, *бразншк* 'бороздник' (Ворон.), *веретнб* (Плесец. Арх., Тотем., Верховаж., Вохом., Никол., Чарозер. Волог., Белозер. Новг.), *парнѣк* (Шенк. Арх.), *вирѣтнб* (Пудож. Олон.), *парнѣк* 'парень' (Тотем. Волог.), *платнб* из *полотнб* 'белье', *лѣчкб* из *лѣчкб* 'верхняя широкая часть прядки, к которой прикрепляется волокно' (Новг.), *парнѣк* 'паренек', *корнѣк* 'коренек' (Волог.), *парнѣк* 'паренек', *корнѣк* 'коренек' (Курмыш. Симб.), *парнѣк* (Перм.) и др.

б) Слова с выпадением корневых согласных: *кушйн* 'кувшин' (Ворон., Липец., Волгогр.).

в) Слова с *жд* на месте *ж*: *урождай*, *ждница* 'жница', *вождак* 'вожак' (Холмог. Арх.).

г) Слова, имеющие большее, чем в литературном языке, количество гласных фонем в корне или приставке: *сошнть*, *сожечи*, *соежжалисе*, *солеталась*, *соравнялась*, *соллеталисе* (Усть-Цилем. Арх.), *доложно*, *воблизе* 'вблизи', *сожато*, *изо хлева* (Няндом. Арх.), *соходить*, *состянул* (Онеж. Арх.), *черенёц* 'чернец', *скатерётка*, *тёрбоф* 'торф', *кёрбам* 'корм', *чётвереть*, *доложна*, *доложон*, *доложность*, *сожигать*, *сожог*, *сомеркаться*, *твёрёзой* (Пинеж. Арх.), *гореница* 'горница', *солезал*, *сожигал*, *сожог*, *соймить* (Мезен. Арх.), *возабыль*, *скатереть*, *челонёк*, *четвереть*, *маланья*, *молонья*, *молонья*, *верёх*, *ледина*, *карабель*, *мысел*, *казень*, *долина*, *сбитыи*, *сошутылисе*, *соходить* (Арх.), *жарать* 'жрать' (Сев.-Двин.), *ковёрйга* 'коврига' (Волог.), *маланья*, *чёлон*, *чёлон*, *вирёх*, *лётотный* 'льготный', *доложиб*, *долок* 'долг', *цетвирить*, *цетвирик*, *смирётушка*, *скатирить* (Шудож. Олон.), *лавёка*, *верёх*, *смерётушка*, *сокрутилась* (Олон.), *долина* 'длина', *соходить*, *сошнть*, *баёнбк* 'банк' (Грязов. Волог.), *жорите*, *жб-*

рево 'еда' (Тотем. Волог.), *гѣроб* 'горб' (Новг. Новг., Волхов., Ленингр. Ленингр., Пск.), *горобѣк* (Кириш. Ленингр.), *горобѣчек* (Пск. Пск.), *гѣрон* из *горн* (Пск., Ладок. оз.), *столѣн* (Ленингр.), *верѣх*, *добѣр*, *горѣсточка*, *серен*, *скѣтереть* (Новг.), *молонья* (Торон. Пск., Углич. Яросл.), *журавѣль* (Яросл., Влад., Нижегород., Варнав. Костром., Твер., Ряз., Калуж., Тул., Оря., Курск., Дон., Ворон., Липец., Кубан., Перм.); *марѣзь* 'мразь' (Пск., Твер.), *вирух*, *столоб* (Холм. Пск.), *легѣше*, *крепѣше*, *тонѣше*, *наверѣх*, *смерѣтное*, *челонок*, *мѣлонья*, *кором*, *сакатились*, *ка заупрени* (Пск.), *сталон*, *корѣм*, *смяр'одушка*, *йерон'ерш'*, *рѣжаной*, *варок* 'овраг', *карамысел*, *руб'ыл*, *зарѣс'ыл*, *сашила*, *савивают* (Останк. Твер.), *спѣлошь* 'сплошь', *сошѣй*, *сожал* 'сжал' (Влад.), *жорѣшь*, *молонья*, *вихорь*, *доложю* (Вят.); *кырапива*, *кыравать*, *гырячиха* (Новосил. Тул.), *пашаница*, *пашаничанька*, *сы паланочи*, *сахадилися*, *савыкѣтца* (Дмитров. Оря.), *гарячиха*, *каравать*, *пашано*, *пашаница* (Мцен. Оря.), *пашанишину* (Карач. Оря.), *пашано*, *пышанийца*, *гаречиха*, *горечийшый*, *бессмеретныйя*, *долинѣ*, *каравать*, *карапива*, *таварог*, *скаварец*, *самародина* (Калуж.), *горечиха* (Дубен. Тул.), *горечийшый* (Киздр. Калуж., Дубен. Тул., Смолен.), *момышья*, *подполѣз*, *разобѣл*, *сотереть*, *соскинул*, *сотрать*, *жѣстоко* 'жестко' (Весьегон. Твер.), *журавѣль*, *пашаришлся*, *маладѣнец* (Белгор. Курск.), *Курѣс(ц)к*, *Путѣвель*, *жагуций* 'жгучий', *чалѣн* 'челн', *бадѣр*, *храбѣр*, *дабѣр*, *пашано*, *пашаница*, *карапива*, *гарячиха*, *бирявно* (Курск.), *лягѣта* из *льгота* 'свобода', *маладѣнец*, *кыравать*, *молонья*, *пашаница*, *пашанишная*, *нарѣв*, *наравитесь*, *начанем* 'начнем', *начанеть*, *смерѣтнай*, *снежѣнай* 'снежный', *саладость*, *пѣлѣцуются* 'плещутся', *самѣнилыся*, *самилывались*, *сабирывали*, *подуросткыѣ* 'подростков', *сыкатиться*, *сыкачила* 'скачила', *соронить* 'сронить', *сорядить*, *сорядиться*, *соряжѣнный*, *сыкованы* 'скованы', *сыдяржи* 'сдержки', *савенчаюсь*, *салучилася* 'случилася', *сапалняить*, *сарастались*, *обухѣдчик* (Смогл.), *пышанѣ*, *за рѣжай* (Ряз.), *пашанѣ*, *пашанийца* (Пижнедев. Ворон.), *самародина*, *волак* 'волк', *хыварост* (Ворон.), *ховорост* (Дон.), *пашано*, *скаварец*, *пашаница*, *коровать*, *карапива*, *скаварец*, *сомародина*, *шелея* 'шлея', *таварог* (Мокш. Пенз.), *пышано*, *кыравать*, *тыварог*, *скыварец*, *пышиничный*, *кынут* 'кнут' (Чембар. Пенз.), *гѣресть* (Корсун. Симб.), *малонья* (Екатеринб. Перм.), *жеволѣк* 'жевлак' (Крив. Том.).

д) Слова с вставной согласной фонемой в корне.

д, т: *зѣря*, *зѣрил*, *зѣдрил*, *напѣдраситься*, *попѣдривились*, *строку* (Печор. Арх.), *зѣреть* 'зреть', *идравиться*, *зѣрение* 'зрение', *страженье* (Пинеж. Арх.), *страм*, *строчно* (Вельск. Арх.), *страм* (Чарозер. Волог.), *зѣрѣнье*, *зѣря*, *зѣрѣли*, *напѣдрилась*, *страм*, *струб* (Тотем. Волог.), *идрав*, *страженье* (Норх. Пск.), *идравитца*, *напѣдрился*, *страм*, *страмить*, *дѣстак* 'досок', *струн*, *иструн* 'сруб' (Белгор. Курск.), *страженье* (Дон.).

с: *дѣспрос* 'допрос' (Север., Олон., Волог., Новг., Костром.), *дѣспришавать* 'допрашивать', *дѣспросить* (Арх., Олон., Новг., Влад.), *дѣспришаваться* (Каргон., Олон., Новг., Калуж., Курск.).

Эпентическое *в* или *л*, *ј*: *навучи́ть* (Касим. Ряз.), *навучи́ть* (Медын. Калуж.), *мявѣ́кать* (Мещов. Калуж., Изобильн. Ставроп.), *невѣ́ж*, *невѣ́шта* 'разве, неужели', *невѣ́шта* 'не очень', *невѣ́ж* 'лентяй, неуч', *навѣ́даль* 'поодаль', *новосе́ни* 'осенью', *навѣ́ж*, *навутѣ́на*, *суравѣ́жка* 'сыроежка' (Зап. брян.). *наву́ка*, *траву́р*, *навѣ́ж*, *о́дновѣ́кий* из *о́дноо́кий*, *на́давѣ́мнѣть* 'надоумить', *навѣ́жж*, *вы́страи́вка* из *о́строо́кая*, *навѣ́тру*, *на ка-раву́ли*, *навѣ́жнѣ́ннѣть*, *навѣ́тнѣ́на*, *навѣ́чирѣ́ди*, *навѣ́чарѣ́днѣ*, *навѣ́жнѣ́нѣ*, *навѣ́жнѣ́нѣ*, *навѣ́жнѣ́ннѣть*, *привѣ́краши́на*, *правѣ́шнѣ́кая*, *перевѣ́жнѣ́ннѣ* из *перевѣ́жнѣ́ннѣ*, *привѣ́бръ́лѣ* (Смол.), *приба́лутки*, *Левѣ́нѣ*, *шампѣ́новѣ*, *навѣ́ж* (Шнеж. Арх.), *рѣ́дѣ́во*, *навѣ́ж*, *навѣ́ж*, *каравѣ́лѣ́ть*, *оплѣ́ву́ха* (Мурм.), *полѣ́тора* *миллѣ́новѣ*, *покаравѣ́льте* (Мезен. Арх.), *каравѣ́лом* (Усть-Цилем. Арх.), *каравѣ́льнѣ́нѣ*, *хѣ́вѣс* из *хѣ́вѣс* (ветер) (Печор. Арх.), *Рѣ́дѣ́новѣ*, *Лѣ́вѣ́ннѣ́ннѣ*, *каравѣ́лѣ́* (Пудож. Олон.), *Левѣ́нѣ*, *Рѣ́дѣ́новѣ* (Грязов. Волог.), *навѣ́жка*, *навѣ́ж* (Школ. Волог., Ветл. Костром.), *навѣ́ж* (Меленк. Влад.), *навѣ́ж*, *каравѣ́лѣ́*, *каравѣ́лѣ́ть*, *каравѣ́льнѣ́жнѣ*, *приба́ютка* (Вят.).

II. Слова, отличающиеся от соответствующих литературных одной гласной корневой фонемой.

Лексикализованные особенности, проявляющиеся в начале слова:

а) слова с *а* на месте начального *е*: *ѣ́нѣ* 'еще' (Заонежье КАССР);

б) слова с *о* на месте начального *е*: *ѣ́дѣ* 'едва' (Усть-Цилем., Няндом. Арх., Заонежье КАССР, Олон., Устюж. Волог., Перм.), *ѣ́дѣ*, *ѣ́дѣ* 'еще' (Шнеж. Арх.), *ѣ́дѣ́тъѣ* из *ѣ́дѣ́тъѣ* (Усть-Цилем. Арх.);

Лексикализованные особенности, проявляющиеся в середине и конце слова:

а) слова с *а* на месте *е* после мягких согласных: *поѣ́цѣ́лѣ́ннѣ́тъѣ*, *поѣ́цѣ́лѣ́ннѣ́тъѣ* (сев.), *лѣ́гѣ* 'легче' (Урикум. Вят.), *разѣ́вѣ́рѣ́тъѣ* 'развертывать' (Смол. Смол.);

б) севернорусские слова с *а* на месте *е* в первом предударном слоге после отвердевших шипящих: *жа́лѣ́зо*, *жа́мѣ́жж*, *жа́лѣ́ннѣ́ннѣ́* (Усть-Цилем. Арх.), *жа́лѣ́зѣ́нѣ́ца*, *жа́лѣ́* 'желе' (Шнеж. Арх.); *жа́лѣ́ннѣ́ннѣ́*, *жа́лѣ́ннѣ́ннѣ́*, *жа́лѣ́ннѣ́ннѣ́*, *жа́лѣ́ннѣ́ннѣ́*, *ѣ́цѣ́рѣ́сѣ́*, *ѣ́цѣ́рѣ́шнѣ́ннѣ́* (Сев.-Двин.), *жа́лаѣ́ннѣ́ннѣ́*, *жа́лаѣ́*, *ножа́ннѣ́ннѣ́* (Школ. Волог.);

в) слова с *е* на месте *а* между мягкими согласными в южно-русских и среднерусских говорах: *ѣ́нѣ́тъѣ*, *мѣ́ч*, *мѣ́чнѣ́жж*, *нѣ́тъѣ* 'нить', *пле́мѣ́ннѣ́жж*, *бѣ́зѣ́мѣ́ннѣ́ннѣ́* (южн., среднерус.); *мѣ́чнѣ́жж*, *гле́дѣ́* (Дмитриев. Курск.), *мѣ́чнѣ́жж*, *пле́мѣ́ннѣ́жж*, *зѣ́чуѣ́тъѣ* 'стучать' (Судж. Курск.), *гле́дѣ́ннѣ́жж*, *за́прѣ́чѣ́*, *мѣ́ч* (Обоян. Курск.), *гле́дѣ́ннѣ́жж* (Щигр. Курск.), *мѣ́чнѣ́жж* (Белгор. Курск.), *ру́мѣ́нѣ́жж* (Орл.), *мѣ́чнѣ́жж*, *гле́дѣ́*, *стѣ́чуѣ́ннѣ́* (Мещов. Калуж.), *пле́мѣ́ннѣ́жж*, *мѣ́чнѣ́жж* (Медын. Калуж.), *ѣ́нѣ́тъѣ*, *мѣ́чнѣ́жж*, *ѣ́нѣ́* (Скоп. Ряз.), *нѣ́тъѣ*, *ѣ́нѣ́жж* (Спас. Ряз.), *зѣ́тъѣ*, *де́дѣ́*, *ѣ́сѣ́жж*, *ѣ́нѣ́ца*, *пѣ́рѣ́дѣ́во*, *нѣ́тъѣ*, *нѣ́тѣ́ннѣ́жж*, *нѣ́тѣ́ро*, *се́дѣ́* (Касим.

Ряз.), *мечик* (Егор. Ряз.), *апётъ, плимённик, плимённица* (Добрин. Линец., Шучьин. Ворон.), *меч, мечик* (Городиц. Пенз.);

г) слова с *о* на месте *а* и с *а* на месте *о*, появившиеся на почве аканья или оканья: *добрить* 'дарить' (Пск., Калуж.), *мбтица* из *матица* 'мать, матушка' (Гдов. Пск.), *ездѣк* 'ездок' (Олон., Твер., Пск., Том.), *лѣвит, ходѣк* (Чембар. Пенз.), *тбшицуть, плбтють, усодицца* (Добрин., Линец., Шучьин. Ворон.), *рбзные* 'разные' (Курмын. Симб.);

д) слова с *о* на месте *а* после мягких согласных: *ѣд 'яд'* (Белозер. Повг.), *пѣтна* (Ряз.), *пѣтна* (Дмитриев. Курск.), *лоботрѣс* 'лоботряс' (Обоян. Курск., Боров. Калуж.), *румѣнай* (Курск.);

е) слова с *о* на месте *е*: *пбпел 'пенел', пбпелице* (Смол.), *дбргать 'дергать'* (Мосал. Калуж.), *доржѣтъ* (Север., северо-восток, Твер., Моск., Ряз., Костром., Ярослав., Курмын. Симб., Морд. АССР, Вят., Перм., Урал. Сиб.), *доржѣтъся* (Морд. АССР, Перм., Тобол.), *совбдни* 'сегодня' (Вят.), *кожбвник* 'кожевник' (Онеж. КАССР);

ж) слова с *е* и *о* (после мягких согласных) на месте *и*: *Марѣя, Рассѣя, Кѣив, карвѣга, мундѣр, гарахвѣн* 'графин', *кадрѣль, хвѣтѣра* (Судж. Курск.), *карвѣѣа* (Белгор. Курск.), *каврѣга* (Ворон.), *давнѣишии* 'давинишнй' (Север., Южн., Урал. Сиб.), *Кѣев, коврѣга, смѣрно* 'смирно', *смѣрная* 'смирная' (Егор. Ряз.), *обсчѣтывать* 'обсчитывать', *стопѣлась* 'истопилась', *сѣживать* 'сжижать', *сякѣра* 'секира' (Смол.), *вѣхорь* (Олон., Онеж. Арх.), от *вѣхоря* (вихря), *стопѣлась, кашемѣрник* 'кашемир' (Онеж. Арх.), *брѣцца* (Холмог. Арх.), *лѣвень* (Арх.), *лучена* (Плесец. Арх., Олон.), *пер* 'пир' (с. Семеновское на р. Водле; Шенк. Арх.), *каленовую, опочев, мер* 'мир', *пер* 'пир', *смѣрный* 'смирный', *просвѣрня* 'просвирня' (Олон.), *стѣрка* 'стирка', *панѣхано, смерной, вѣхорь, лучена, мундѣр* (Пудож. Олон.), *лѣвень, молотельщик* (Никол. Волог.), *полев* (Тотем. Волог.), *полевка* (Торон. Пск.), *просвѣрня, мундѣр* (Муром. Влад.), *палевка* 'паливка' (Вят.), *ѣстении* 'истинный' (Перм.);

з) слова с *и* на месте *е* (из *ѣ*) в южнорусских говорах: *сѣверко, сѣял* 'сеел' (Мещов. Калуж.), *сѣверко* (Бесед. Курск.), *ѣсть* (Ряз., Городиц. Пенз.), *дѣвирь* (Городиц. Пенз.).

III. Слова, отличающиеся от соответствующих литературных одной согласной фонемой.

Слова, отличающиеся от соответствующих слов литературного языка одной начальной фонемой:

а) слова с *в* на месте начальной фонемы *г*: *восударыня* 'государыня', *восударевой, восподу, восударство, восударевом, восудареву, восударску* (Печор. Арх.), *восподи* (Мурм.), *восударь, восподил* (Грязов. Волог.), *восподи, восударскую, восударони* (Никол. Волог.), *восударственный, воспода, восподь* (Пудож. Олон.), *у восподи* (Казан. Казан.), *восударь* (Пошех., Молог. Ярослав., Олон., Слобод. Вят., Перм., Том., Сиб.), *восударыня, восудароня, восударони* (Перм.), *восударина* (Енис.), *восударыня* (Север., Сиб.), *восударство*

(Перм., Свердлов.), *восподіи* (Яросл., Олон., Онеж. КАССР, Перм., Тюмен., Енис., Сиб.), *восподеский* (Перм., Енис., Краснояр.), *воспóдь* (Яросл., Волог., Олон., Онеж. КАССР, Нижегород., Урал, Перм., Енис.), *воспожé* (Перм.), *воспожійи* (Урал, Енис.), *воспожійки* (Яросл., Костром., Перм., Челяб., Tobол., Енис., Вост. Сиб., Сиб.); *воспóдь* (Слобод. Вят.);

б) слова с *г* на месте *в*: *горобей* 'воробей' (Ряз., Грайворон. Курск., Дон., Забайк.); *горобец* 'воробей' (Судж., Курск. Курск., Ворон., Дон., Усть-Лабин. Краснодар., Тюкал., Ишим. Tobол.), *госпитатель* 'воспитатель' (Ишней. Арх.);

в) слова с *й* на месте начального *в*: *жу́йá* 'вьюга' (Ворон., Брян.), *едьма* 'ведьма' (Новосил. Тул.), *ѣриа* 'верша' (Росл. Смол., Смол., Белозер. Повг., Повг., Верхне-Тоем. Арх.);

г) слова с *й* на месте начального *г*: *жерань* 'герань', *жермания*, *жерарал* (Ишней. Арх.), *жерань*, *йемназия* (Шенк. Арх.), *енерай*, *Ерманья*, *Енадей* (Грязов. Волог.); *енарал* (Сек., Ряз., Ярослав., Оренб., Перм.), *ерáнка* (Урал, Курган., Кемер., Омск., Том.), *ерáнь* (Твер., Моск., Калуж., Костром., Волог., Повг., Онеж., Урал, Сиб.), *ерáня* 'герань' (Ср. Урал);

д) слова с *в* на месте *у*: *вдарить* 'ударить' (Спас. Ряз.), *виел* 'ушел', *вдарить* 'ударить' (Ижидр. Калуж.), *вдалѣх*, *вдáрим* (Медын. Калуж.), *не вгадаю*, *вбить* 'убить', *входить* 'уходить' (Курск.), *вмер*, *вдарил* (Смол.), *вгодно*, *вдарилася*, *вкарóтила* (Брян.).

Слова с отличиями в середине слова:

1) слова с *в* на месте *й*: *сыравежки* 'сыроежки' (Смол.), *руко-аятка* 'рукоятка' (Каңдалакш. Мурм.);

2) слова с *л* на месте *й*: *скамля* 'скамья' (Устюжн. Волог.), *муравельник* 'муравейник' (Чарозер. Волог., Пудож. Олон.), *скамелька* 'скамейка' (Тихв. Повг.), *горносталь* (Арх., Олон., Волог., Повг., Вят., Перм., Урал, Сиб., Амур);

3) слова с *й* на месте *л*: *журавей* (Покр. Влад.);

4) слова с *р* на месте *й*: *горностарь* (Яросл., Нюкс. Волог., Белозер., Боров. Повг.);

5) слова с *н* на месте *й*: *горностань* (Калуж.), *горлопай* 'горлопан' (Вост., Урал.);

6) слова с *в* на месте *г*: *ковда*, *товды*, *оповда* (Грязов. Волог.), *ковда*, *товда* (Переясл. Влад.), *ковдá* (Север., Повг., Кашин., Калюз. Твер., Моск., Нижегород., Поволжье, Заволжье, Урал, Сиб.), *кавды*, *тавды*, *всиды* (Тулу. Иркут.), *ковдý* (Север., Повг., Моск., Поволжье, Урал, Сиб.);

7) слова с *й* на месте *г*: *кнеиня*, *Поиблово*, *аньей* (Грязов. Волог.); *княйня* (Верейск. Моск.), *княйна* (Кем. Арх., Шенк. Арх.);

8) слова с *л* на месте *г*: *Евленья* 'Евгения' (Грязов. Волог.);

9) слова с *л* на месте *в*: *трелого* 'тревога', *долгоязыый* 'долгоязыый', *слобода* 'свобода' (Ишней. Арх.), *треложить* (Пудож. Олон.), *слободный* (Дон.), *дресла* 'дресва' (Амур.);

10) слова с *в* на месте *б*: *овернуть* 'обернуть', *овернуться*

‘обернуться’, *овещать* ‘обещать’ (Печор. Арх.), *овалился*, *овещал*, *овварить*, *оввёртывал* (Север.);

11) слова с *г* на месте *б*: *бгворотень* из *обворотень* ‘упрямый человек’, *огвязание* ‘обвязыванье’, *огмер* ‘обмер’ (Тотем. Волог.), *гйблия* ‘библия’, *гумга*, *гумажный* (Шнеж. Арх.), *гумага* ‘бумага’ (Север., Поволжье, Среднерус., Смол., Тамб., Ворон., Сиб.), *гумазая* ‘бумазая’ (Север., Урал.);

12) слова, имеющие сочетание *ми* вместо *ви*: *дамно*, *ромно*, *деремня* (север, юг. среднерус.),⁸⁷ *дамно* (Курск., Орл., Дон., Смол., Влад., Урал., Новосиб., Том., Иркут., Амур.), *даминиш-ный* ‘давинишний’ (Мещов. Калуж., Курск.), *даминишний*, *даминиш-ный* (Волхов. Ленингр., Курск., Урал, Том., Тунк. Иркут.), *домомийк* ‘домовник’ (Вят.), *миук* (Опарин. Киров.), *дромии* ‘дровни’ (Том.);

13) слова с *в* на месте *м*: *вибо*, *гувио*, *повио* (по сведениям А. К. Васильевой, в основном среднерус. и севернорус.);⁸⁸ *вибо* (Арх., Волог., Повг., Твер., Пск., Яросл., Костром., Влад., Нижегород., Вят., Перм., Урал, Сиб.), *вибгий* (Печор. Арх., Яросл.), *вибоушко* (Верхне-Кет. Том.), *повио* (Переясл. Влад.), *гувиб* ‘гумно’ (Север., Повг., Пск., Твер., Ряз., Моск., Тул., Калуж., Влад., Яросл., Костром., Пенз., Симб., Кузбасс., Урал, Сиб.), *повио*, *виого*, *тевио* ‘темно’, *ковната* (Грязов. Волог.);

14) слова с *б* на месте *м*: *губио* ‘гумно’ (Урикум. Вят.), *бладбй* ‘младой’, *блад*, *бладеня* (Печор., Арх.), *бладб* ‘молода’, *бладбён* ‘младенец’ (Шнеж. Арх.), *бладбён* (Карпог. Арх.);

15) слова с *м* на месте *б*: *надомно* ‘надобно’ (Печор. Арх.), *падамна* (Белгор. Курск.), *мормочу* ‘бормочу’ (Волог.);

16) слова с *ф* на месте сочетания *хв*: *фэст* ‘хвост’ (Кадн., Волог. Волог., Олон., Краснояр.), *фбросст* ‘хворост’ (Дон., Кубан.);

17) слова с *и* на месте *м*: *клеино* ‘клеймо’, *сунка* ‘сумка’, *коипас* ‘компас’, *коибала* ‘камбала’, *ббнба*, *онбър*, *ланпада*, *ләнпа*, *коифорка*, *нимо* ‘мимо’ (Шнеж. Арх.), *нимо* ‘мимо’ (Шенк. Арх., Грязов. Волог.), *ләнпа*, *канбайи* (Тотем. Волог.), *зель* ‘земля’ (Север., Повг., Ленингр., Пск., Прибалт., Краснояр.), *подыни* ‘подыми’ (Повг. Повг.);

18) слова с *и* на месте *л*: *копокол* (Калуж., Ставроп. Самар.), *копокобчик* (Мосал. Калуж.), *земпомёр* ‘землемер’ (Вельск. Арх.);

19) слова с *л* на месте *и*: *гребёлка* ‘гребенка’ (Север. Урал, Сиб., Дальний Восток), *гребёлочка* (Олон., Яросл., Тобол., Том.), *присталь* ‘пристань’ (Олон., Курск.), *сухмель* ‘сухмень’ (Валд., Боров. Повг.);

слова с *л* на месте *и* в сочетаниях *и’и* или *и’и’*: *мякильница* ‘мякинница’ (Волжгод., Чарозер. Волог.), *сотельный* ‘сотенный’

⁸⁷ Васильева, 1967, с. 228—238.

⁸⁸ Там же, с. 235—238.

(Вят.), *свящельник* 'священник' (Смол., Курск.), *сумлѣнья*, *сумлѣвѣтца*, *кухальный* (Курск.);

20) слова с *д* на месте *н* в сочетании *н'н* : *племядница* (Печор. Арх.);

21) слова с *л* на месте *р*: *ярмалка* (Грубч. Брян.), *прѣлуп*, *пралѣнка* (Белгор. Курск.), *блѣгадѣр*, *прѣлубь* (Пинеж. Арх.), *прѣлуба*, *пролѣбники*, *пролѣбно* (Мурм.), *леснѣцы* 'решницы', *клѣндѣрь*, *клѣндѣрькѣй*, *колидор* (с. Сунгурово Казан. Казан.);

22) слова с *д* на месте *г*: *дядиль* 'дядиль' (Яросл.), *дядильный* 'дядильный' (Урал), *дектѣр* 'гектар' (Тотем. Волог.), *андеѣ* 'ангел' (Грязов. Волог.);

23) слова с *г* на месте *д*: *грѣства*, *грѣсва* 'дрѣсва' (Пск., Мещов. Калуж., Твер., Сузун. Повосиб.), *гроздочек* 'дроздочек' (Кирил. Повг.), *гроздь* 'дрозд' (Том.);

24) слова с *г* на месте *з*: *пельга* 'пельзя', *льга* 'послабление, зольгота' (Смол.), *польга* 'польза' (Пинеж. Арх., Вят.);

25) слова с *ж* или *з* на месте *г*: *княжина* 'княгиня' (Беломор., Арх.), *князина* (Ленингр., Повг., Вят.); *князѣишка* (Енис., Сиб.);

26) слова с *з* на месте *д*: *горѣзно* 'гораздо' (Север., Ленингр., Повг., Пск., Твер., Вят., Перм., Сиб.), *горазный* 'гораздый (на что-либо)' (Арх., Пск., Перм.);

27) слова с *з* на месте *ж*: *золезо*, *золизино* (Кирил. Повг.), *рогоза* 'рогожа' (Север.), *порозный* 'порожний' (Печор., Онеж. Арх.), *золѣзный* (Шенк. Арх.), *золѣзо*, *золизина*, *золѣзноѣй* (Сев.-Двин.), *зелѣзные*, *золизо* (Чарозер. Волог.), *золезо* (Никол. Волог.), *лелезо*, *земцюк* (Пудож. Олон.), *залѣзный* (Пустошк. Пск.), *зелѣзо* (Арх., Олон., Петерб., Повг., Пск., Твер., Костром., Влад., Ряз., Калуж., Смол., Брян., Курск., Дон., Вят., Уфим., Урал), *железы* 'железка' (Смол.), *зелѣзѣчка* 'железка' (Ворон.), *зелѣзина* 'железка' (Петербург., Повг., Смол.), *зелѣзник* 'чугун' (Белозер. Повг.), *зелѣзный* (Арх., Ленингр., Пск., Калуж., Смол., Дон., Перм., Припиртынье), *жемчуг*, *земчѣг* 'жемчуг' (Арх., Волог., Олон., Моск., Калуж., Тул., Орл., Зап. Брян., Брян., Курск., Смол., Дон., Терск., Тамб., Вят., Пенз., Акм., Повосиб., Иркут.), *жемчѣжинка* (Вят., Том.), *земчѣжный* (Орл., Дон., Смол., Калуж., Моск., Вят.), *земчужок* (Ворон.), *земчужбчек* (Смол.);

28) слова с *ш* на месте *ш*: *шпур* 'шпур', *в станах* 'в штанах', *шешник* 'ташник' (Печор. Арх.), *шышка* 'шишка' (Вельск. Арх.), *салаш* 'шалаш' (Вохом. Волог.), *салаш*, *салаш*, *сипеть* 'шипеть' (Белгор. Курск.);

29) слова с *ж* на месте *з*: *надражнѣть*, *дружѣя* 'друзья' (Смол.), *дружѣя* (Курск.), *дражнѣть* (Южн., Твер., Пск., Прибалт., Повг., Моск., Пенз., Куйбын., Саратов., Краснодар.), *дражнѣться* (Южн., Прибалт., Моск.), *жаботѣ*, *жаботѣ* 'забота, тревога, жалоба' (Калуж., Орл., Брян., Ворон.), *жаботѣться* 'заботиться' (Мосал. Калуж., Курск., Калуж.);

30) слова с *ш* на месте *с*: *брушница* 'брусница', *шлега* 'слега' (Печор. Арх.), *шешток* 'шесток' (Вохом. Волог.), *шешнѣтцѣ*

(Вельск. Арх., Сунгур. Казан.), *шлегá*, *шоштой*, *шоштая* (Чарозер. Волог.), *шышинацать*, *шкарлупка* (Белгор., Курск.), *брушница* из *брушница* 'брусника' (Смол.);

31) слова с *ц* на месте *с*: *царáй* 'сарай' (Добрин. Липец., Шучьин. Ворон.), *поцтавля́ли*, *пацта́вила* 'поставила' (Скоп. Ряз.), *цапази* 'сапоги' (Смол.);

32) слова с *с* на месте *ц*: *осара́пать*, *светёт* (Опарин. Киров.); *святý* (Добрин. Липец., Шучьин. Ворон.);

33) слова, отличающиеся от соответствующих литературных слов другими согласными фонемами: *пáхмурный* 'пасмурный' (Прибалт., Каргош. Олон., Ветл. Костром., Мещов. Калуж., Брасов. Брян., Обоян. Курск.), *лемеш* 'лемех' (Зап., Южн., Север., Урал., Том.), *свальба* 'свадьба' (Слобод. Вят., Вят.), *свалебная* (Вят., Вят.), *сварьба* 'свадьба' (Корч. Твер., Курмыш. Симб., Казан. Казан.), *скус* 'вкус' (Мурм.), *скусный* (Холмог. Арх.), *скус*, *скусный* (Смол.), *наскрозь* (Порх. Пск.), *скрось*, *скрость* 'сквозь' (Белгор. Курск.), *ярманка* (Смол., Белгор. Курск.), *усарьба* (Костром.);

34) слова, имеющие на месте глухих согласных звонкие: *охабо́цьку* 'охапочку' (Печор. Арх.), *очудился*, *очудилась*, *очудися* (Белозер. Повг., Пинеж. Арх.), *лодок* 'лоток' (желоб) (Верхне-Тоем. Арх.), *брусак* 'прусок' (таракан) (Липец.), *чáжычка* (Ворон.), *глубн́ика* 'клубника' (Том.), *жаргб́й* из жаркой 'оранжевый, огненный' (Том.);

35) слова, имеющие глухие на месте звонких: *ло́точка* 'лодочка', *во́точка* 'водочка' (Курск.), *ло́тачка*, *во́тачка*, *бу́ташник* (Судж. Курск.), *ло́точка* 'лодочка' (Арх., Олон., Влад., Твер., Волог., Вят., Курск., Ворон., Смол.); *со сла́тостью*, *сла́тости* (Беломор.), *лоше́чка* 'ложечка' (Вельск. Арх., Волог., Ярослав., Вят., Шадр. Перм., Сиб.), *во́точка*, *ло́точка*, *ло́шечка*, *лоше́нька* (Тотем. Волог.); *лапа́з* 'лабаз' (Липец.).

IV. Слова, отличающиеся порядком следования отдельных фонем и слогов: *модово́й* 'домовой', *гн́ила* 'глина', *долбо́нь* 'ладонь', *равзе́* 'разве', *тва́рушка* 'ватрушка', *нетуня́дец* 'тунеядец', *робита́* 'орбита', *нива́лид* 'инвалид', *тру́бин* 'турбина' (Пинеж. Арх.), *вра́ть* 'рвать, срывать' (Кадн. Волог., Ряз., Пенз.), *гн́ила* (Север., Петерб., Пск., Твер., Влад., Спас. Ряз., Ряз., Пенз.), *гн́илка* (Печор. Арх., Мурм., Повг., Пск.), *сугн́илка* (Пск.), *горчи́ха* 'гречиха', *гу́бор* 'бугор' (Жиздр. Калуж.), *гу́бор* 'бугор' (Муром. Влад.), *горно́вийтый* 'грановитый' (Ставроп. Самар.), *полату́шки* *горновитые* (Сенгел., Сызр. Симб.), *долбо́нь* 'ладонь' (Север., Пск., Смол., Куйбыш., Уфим., Перм., Сиб.), 'ток' (Чарозер., Волог.), *долбо́нка* 'ладонька' (Усть-Цилем. Арх.), *гра́мбо́нь* 'гармонь' (Яросл., Новосиб.), *доблё́нка* из *долблёнка* 'модка из цельного бревна' (Сиб.), *дверста́* 'дресва' (Арх., Олон.), *дзекла́* 'девка' (Колым. Якут.), *гли́бый* 'гнилой', *пéврой* 'первый' (Вельск. Арх.), *агро́мон*, *гнила́*, *двё́рста* 'дресва', *капо́ститъ* 'пакостить', *проки́во* 'крапива', *тви́рёзной*

(Пудож. Олон.), *зароновиться* из *заноровиться* 'заупрямиться', *р́авзе* 'разве', *незла* 'нельзя' (Ряз. Ряз.), *калб́ук* 'каблук' (Боров., Калуж., Ряз., Моск., Тамб., Ворон., Дон., Пенз., Тамб.), *ма́р-мер* 'мрамор' (Урал), *ма́рменный* (Курган.), *метлешить* 'мельтешить' (Казан. Казан.) и др.

Как можно видеть из приведенной сводки лексикализованных особенностей, они имеют самые различные ареалы. Одни из них получили широкое распространение, встречаются в различных говорах русского языка; другие распространены исключительно в севернорусских или исключительно в южнорусских говорах. Некоторые являются принадлежностью говоров какой-то небольшой территории.

По характеру и происхождению все эти особенности весьма разнородны. Они представляют собой особенности различных диалектов (севернорусских, южнорусских и среднерусских) и могли бы быть классифицированы с разных точек зрения, например с точки зрения их происхождения или распространения, системной значимости и т. п. Однако для осуществления такой классификации необходимо знание всех особенностей, во всем их объеме и с разных сторон. Таких знаний об этих особенностях в науке пока нет. Именно поэтому такую классификацию осуществить пока невозможно.

**ЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КАК РЕЗУЛЬТАТЫ
СТАРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ**

1. СЛОВА С ПРОТЕТИЧЕСКИМ *j*

Настоящий раздел работы посвящен диалектным словам, имеющим перед начальным гласным протетический *j*. Впервые на это явление было обращено внимание в небольших заметках А. И. Соболевского и П. Дурново. Эти заметки, опубликованные в 1901—1902 гг., прежде всего имели целью указать на наличие явления в говорах и в некоторых памятниках древнерусского языка.¹ Приведя примеры главным образом из песен Бобровского уезда Воронежской губернии, А. И. Соболевский заметил, что в употреблении протетического *j* в текстах песен не наблюдается последовательности. Он указал также на существование отдельных слов с *j* и в севернорусских говорах. А. И. Соболевский, видимо, не сомневался в наличии таких слов в диалектах. Незначительное количество слов с протетическим *j* в других фольклорных и диалектных записях он объяснял тем, что эти записи «сделаны менее внимательно». Заметка П. Дурново была написана как отклик на статью А. И. Соболевского и дополняла последнюю материалами из акающих и из севернорусских говоров (главным образом из архангельских старин из сборника А. Д. Григорьева²) и некоторыми собственными записями (из Тульской, Калужской, Московской губ. и из Шацк. у. Тамбовской губ.). Наблюдая слова с протетическим *j* в известных ему говорах преимущественно в песнях и не имея в своем распоряжении других материалов, П. Дурново пришел к выводу, что *j* не был свойствен разговорной речи. По его мнению, он являлся при пении из-за наличия специфических условий, при которых возникает потребность устранить зияние, ощущаемое в пении сильнее, чем в обычной речи. Этой заметкой П. Дурново положил начало традиции, рассматривающей слова с протетическим *j* только в качестве приметы народных песен.³ Вслед за П. Дурново П. Г. Богатырев рассмотрел случаи появления *j* перед гласными в русских песнях и былинах, привел примеры из песен других славянских народов, где тоже наблюдается йотирование гласных. Он описал условия, при которых в русских и украинских песнях появляется *j*; обычно это происхо-

¹ Соболевский, 1901, с. 396—409; Дурново, 1902, с. 257—268.

² Григорьев, т. 1—3.

³ Аванесов, 1948, с. 65 и др.

дит на стыке двух гласных в середине стиха (Только одного не узнал Платового казака. Острожок. Ворон.. Дикарев, 1892), в начале песни, в начале стиха и реже в середине стиха после согласного.⁴ Предложенное Н. Г. Богатыревым лингвистическое объяснение появления *j* в пении (для устранения зияния), по замечанию Р. Якобсона, не подходит для всех случаев йотации гласных, например в начале песни, в начале стиха и в середине стиха после согласного.⁵ Это видел и Н. Г. Богатырев, поэтому он ищет объяснения причины рассматриваемого явления в специфике музыкального произведения и считает необходимым исследовать условия, при которых *j* появляется в пении. Йотирование звуков, по его словам, используется в практике обучения пению, «когда гласный звук переходит в высокую позицию и йот увлекает гласный звук».⁶

Обращает на себя внимание тот факт, что автор, специалист по языку фольклора, предостерегает в своей статье от того, «чтобы исследовать одни только отличительные черты песен, не отмечая сходные черты в песне и в разговорном языке».⁷ Эта мысль Н. Г. Богатырева о связи и взаимозависимости языка песен и разговорного языка диалекта представляется особенно важной и конструктивной. Действительно, не кроется ли причина появления йотации в особенностях тех диалектов, на которых поются эти песни? Ведь записи отдельных слов с протетическим *j* в диалектах (в обычной речи, не в песнях) известны. Даже П. Дурново допускал возможность существования протетического *j* в старинных русских говорах. Приведя примеры из повести об Акире (XV в.), он предположил, что «шаразитное *j* между гласными, по-видимому, было в языке пиеца». П. Дурново не отрицал также наличия отдельных слов с протетическим *j* в современных ему говорах: «Я слышал только кое-где в южновеликорусском (Тул., Ряз., Тамб.) произношение: „в ялтарь“ и, кажется, несколько других единичных случаев в таком роде».⁸

Вместе с тем существуют достоверные свидетельства собирателей и диалектологов конца XIX—начала XX в., слышавших протетический *j* в говорах. М. Г. Халанский, например, при описании курских говоров заметил, что он наблюдал в них два протетических согласных *j* и *в*. По его словам, у саянов «к гласным в начале слов приставляется *й* и *в*: *йотриня*, *ю нас*, *йобвушка*, *вбстру*, *втий*» (с. 40), у ютрини (с. 4), у егунов «*й* изредка облекает начальные гласные: *йлые тьяты*; постоянно *ён* вм. *он*» (с. 33).⁹

Е. П. Резанова также заметила, что в говоре д. Масловки и Хитровки Суджанского у. Курской губернии чаще, чем в литературном языке, перед начальным *и* произносится *j*: *ййва*, *ййстип*-

⁴ Богатырев, 1962, с. 75—86.

⁵ Якобсон, 1962, с. 87—90.

⁶ Богатырев, 1962, с. 85.

⁷ Там же.

⁸ Дурново, 1902, с. 257.

⁹ Халанский, 1904.

най, ййдалы, ййишуть, ййкать, ййх, к ййм, аб ййх.¹⁰ К. Филатов, изучая воронежские говоры, писал, что гласные в этих говорах «нередко принимают перед собой призвучный *ј*». Последний чаще всего является перед *у*, но может быть также перед *а*, *о*, *и* и *е*: *ни юспел*, *на юлицу* (Озерки Бобр. у.); *ю мене*, *ю тебе*, *ф пустыню юдаюсь*, *юрадила*, *юсы* (Козловка, Бобр. у.); *ютаишыла*, *паютру*, *приютеи*, *юи* (Ворон. Юбил. сб.); *јанисавая*, *јадин*, *јадно акно*, *јажвицерик*, *јачютился*, *выјазёрах*, *јон*, *јаны*, *јочень*, *јосень*, *јэтом*, *јэта*, *выјэтай*, *јаташ*, *јишию*, *правду јистиннаю*, *јуде лат*, *там и клат*. Говоря об условиях появления *ј*, К. Филатов отметил прежде всего наличие предшествующего гласного переднего ряда. По его наблюдению, *ј* также часто является перед предлогом *у*.¹¹ П. С. Кузнецов, изучая говоры Верхней Пинеги и Верхней Тоймы, обратил внимание на то, что «развитие эпентетического *ј* в начале слова перед гласными, по-видимому, несколько шире, чем в литературном языке. Оно может развиваться и перед *и*, например, *иней* (Окуловка)». ¹² Л. И. Пирогова в описании говоров Холмогорского района Архангельской области заметила, что *ј* в них появляется «иногда», в начале и середине слова: из *јетова*, *јётто*, *јетот*, *два йетажэ*, *двухйетажный*, с *ййзретка*, *јужэ*.¹³ По сведениям В. В. Колесова, в пинежских говорах перед *у* является протетический *ј* (*южин*, *ютро* и т. п.), в этом же говоре он также отметил ряд слов с протетическим *в* (*востры*, *востной*).¹⁴

В современных говорах, представляющих собой уже разрушенные диалектные системы, явление это, безусловно, отмирающее, и такие слова в них трудно разыскиваются. Как пишет Н. Дурново, уже в самом начале XX в. слова с протетическим *ј* в знакомых ему говорах отсутствовали в разговорном языке и даже в песни являлись анахронизмом: он слышал их только у лиц старшего поколения.¹⁵

Крайнюю малочисленность их в современных записях в известной степени можно объяснить тем установившимся методом описания диалектов, при котором по традиции собираются сведения о главных системных диалектных особенностях, отличающих южнорусские говоры от севернорусских (оканье, аканье, типы яканья и т. п.), а на особенности другого порядка, проявляющиеся в одном или нескольких словах, обычно не обращается внимание. В связи с этим старые диалектные записи, относящиеся ко времени, когда еще только накапливались знания о системах русских диалектов и потому собиратели старались записывать все без исключения замеченные ими диалектные факты, приобретают особую ценность; к тому же они отражают состояние диалектов, еще мало затронутых влиянием литератур-

¹⁰ Резанова, 1912, с. 230.

¹¹ Филатов, 1897, с. 269.

¹² Кузнецов, 1949 (2), с. 27.

¹³ Пирогова, 1959, с. 189—190.

¹⁴ Колесов, 1970, с. 16—17.

¹⁵ Дурново, 1902, с. 260.

ного языка. Многие явления сохранились только в этих старых записях.

Основными источниками при написании этого раздела явились записи диалектологов и фольклористов, относящиеся к концу XIX—началу XX в.,¹⁶ преимущественно тех, которые были внимательны к языку и отличались точностью в передаче диалектных особенностей речи.

При изучении настоящего вопроса были использованы смоленские материалы В. Н. Добровольского,¹⁷ калужские — ученика В. И. Чернышева — А. Косогорова,¹⁸ брянские — А. Д. Нечаева,¹⁹ архангельские — Н. Е. Ончукова²⁰ и А. Д. Григорьева,²¹ материалы картотеки СРНГ, а также некоторые другие источники.²²

Южнорусские говоры

Большую часть интересующих нас слов из южнорусских говоров составляют смоленские слова (по материалам В. Н. Добровольского). Очевидно, это обстоятельство связано с фонетическими явлениями начала слова, которые характерны для этих говоров. Как известно, начальные ударные гласные, как правило, в смоленских говорах прикрыты протетическим *в*. В неударенных начальных слогах наличествуют явления другого порядка: отпадение гласных или произношение *и* на месте *а* и *о* (в зависимости от системы предударного вокализма после мягких согласных). Таким образом, наличие протетического *і* органично входит в систему явлений начала слова смоленских говоров.

Эта система напоминает до некоторой степени систему говоров белорусского Полесья. В начале слова в полесских говорах наблюдаются протетические *в*, *і* и *у*, отпадение начального гласного, мена начального гласного и некоторые другие явления.²³

Однако среди перечисленных явлений начала слова протетическому *і* отведена небольшая роль. Он может наблюдаться только в неударенном слоге; в ударенном слоге обычна протеза *в*, а в неударенных слогах кроме протетических согласных могут быть: отпадение начального гласного и мена гласного. Помимо этого произношение гласных первого и второго предударных слогов после мягких согласных подчиняется в этих говорах определен-

¹⁶ Кроме отдельных случаев здесь не привлекались фольклорные примеры, рассмотренные А. И. Соболевским, Н. Дурново и позднее И. К. Зайцевой (см.: Зайцева, 1961, с. 131—152).

¹⁷ Добровольский, 1891—1903; Добровольский, 1905; Добровольский, 1914.

¹⁸ Матер. для изуч. говора и быта Мещов. у.

¹⁹ Нечаев, 1912.

²⁰ Ончуков, Печорские былины.

²¹ Григорьев, т. 1—3.

²² Ссылки на них даются в тексте раздела.

²³ Лекомцева, Толстая, 1968, с. 55.

ным системам яканья, и ожидаемое сочетание *ja* возможно, например, во втором предударном слоге только при определенной системе яканья (такой, в которой отмечено *лямяшій, ня стялї*. Смол. Смол., Добровольский, 1914) и невозможно в других системах. При диссимпилятивном яканье, например, невозможно *яднї* — не случайно в материалах В. П. Добровольского часто наблюдаем *идна* или с отпаденнем начальной гласной: *ни^днї, днї* ²⁴ (Смол.).

Слова с протетическим *j* перед *a*. Из смоленских говоров известно несколько слов с протетическим *j*, причем преимущественно из песенных текстов. Необходимо заметить, что в материалах В. П. Добровольского те же слова встречаются и без *j*. Поскольку В. П. Добровольский не всегда указывал место записи (деревня, уезд), невозможно решить, идет ли речь о вариантности слов или о разной их географической прикреплённости.

а) Слова с *j* перед *a* в первом предударном слоге. Среди таких слов имеется *явін* 'овин': Мужика корьмить, што явін насадить (Смол., 1914). Трудно сказать, всегда ли это слово произносилось в говоре с *j*. В тех же материалах В. П. Добровольского встречаем *авин* (Улятел ён у яму, слова як у авин) и с отпаденнем начального гласного (начуваў па^вінн).

Устойчиво употребление слов *яднї* 'одна', *яднї* 'одни': Загарялися камішня Масква, Ина с канца ў канец занималася; Ядна лавушка заставалася; Ядна лентычка роўна сто рублей (Смол.); Пайду — выйду, маладечка, У новую клетачку ядна (Бельск. Смол.); пример не из песни: Сбалела мая matka — стали ядны косцы (Смол., 1914). Чаще, однако, в материалах В. П. Добровольского слово *одна* встречается с *и* на месте *о* (*a*) (*Идна* дачка у матки) или с отпаденнем начального гласного звука (*ни^днн, пра^днае*). С протетическим *j* встречаем его и в песнях из Стародубского уезда (Ўсп ад мяне ўехалі, Бросілі йадну; Только я вышчыну Вишаньку ядну; Луччы б девіры чатыры Чым залоначка ядна).²⁵ А. И. Соболевский (1901) приводит примеры из воронежских песен (Я ядна в дома), П. Дурново (1902) — из воронежских говоров (как ядно окно) и из говора д. Парфенки (Рузск. Моск., 1901). Слова *ядна, ядны* употребляются в современных брянских говорах (На деревни вучиники ядны: Павл. Брян., 1966).

В смоленских говорах с протетическим *j* употребляется также слово *ярёл, ярлы*: Загоняли ярлы — птицы, все ярлы — птицы ястребицы (Сычев. Смол., 1914), однако чаще в материалах В. П. Добровольского — *арел, арлы* (сызый арел заплакаў; тато сызыга арла. Красн. Смол.). С протетическим *j* слово отмечено и в брянских говорах: Ах ты, ярел сызыккрылья, Йде ш ты так доўга літаў, Літаў ярёл за горами (1905).

²⁴ Ср. наблюдение А. Н. Соболевского, сделанное им относительно слов с протетическим *j* в песнях из Бобр. Ворон.: «Древнее несударяемое *o*, зву чаще в говоре с. Сергеевки в начале слов как *a*, припаямая неорганическим *j*, при известных условиях переходит в *и*» (Соболевский, 1901, с. 398).

²⁵ Нечаев, 1912.

В смоленских и брянских песнях встретились и другие слова с протетическим *j*: *якошечка* (Не весел сакол савиваетца, Он сядился на якошечка; Как завидила Натальина мать Сы високава сы терима, Сы растворчитава якошечка. Смол., с. 100), *ярешенье* (Прпкатилася к саду вишенью. К саду вишенью ко ярешенью. Смол., с. 105); в песнях Дмитровского уезда Орловской губернии: *япустютца* (Да пакель мае пожыньки спатыкнутца. Да пакеда ручунки япустютца, с. 62),²⁶ *ясинничек* (Висако заря занималася, Выше ельничку — березничку, Вышей горького ясинничку. Смол.), *яжына* 'ожина' (Ўтпралася лентай галубою, Навадпла бровы чорная яжынаю. Стародуб. Брян.), *Янюта, Янютачка* (Закажыти Хведичку — Янюта умирая; Янютачка ў варот стаить Белы руки ломя. Стародуб. Брян.).

б) Слова с протетическим *j* во втором предупредном слоге. Таких слов в смоленских и брянских говорах встретилось несколько: *ябломіть* 'обломить', *яблетать* 'облетать' (Смол.), *ябниму* (Чужу млку падалую, ябниму. Стародуб. Брян.), *ябливаицца* (Ён галоукаю чыркаицца, Слэзкамы ябливаицца. Стародуб. Брян.), *ябадрана, ясмейна* (Ўжо ш там липиначка Давно ябадрана Да ўжо ш там дывчоначка Давно ясмейна. Стародуб. Брян.), *ятжывусь* (Майбпть, ятыкывусь. Стародуб. Брян.), *япуцаються* (А резвыя пожынька спатыкаютьца. А белыя рученьки япуцаються. Смол.; Резвыя погы спотыкаютьца, Белыи руки япуцаютьца. Дмитров. Орл., с. 81; Када белы ручунки япуцаютьца. Дмитров. Орл., с. 63), *япадала* (Япадала впаання Вутримм зарямн. Дмитров. Орл., с. 81). Из смоленских говоров известно также *ягонёк* 'огонек' (На край мори йаганёк гарить, Йаганёк гарить, кавёр посланый), однако в Смоленском словаре В. Н. Добровольского встречается и *иганёк*. А. И. Соболевский привел из воронежской песни: развадитя ягонь (Бобр. Ворон., 1901). По сведениям А. А. Шахматова, в белорусском языке имеются слова *ягонь, ягня* (Бобруйск).²⁷

Значительное количество примеров содержат записи песен из Мещовского уезда Калужской губернии, сделанные А. Косогоровым. По словам В. И. Чернышева, издавшего эти записи, А. Косогоров умел «точно передать звуки живого языка». Как объяснял сам А. Косогоров, протетический *j* являлся «в песнях и говоре» на месте союза *и*: Вот юся сказка из вот и уся сказка, взял юшол из взял и ушол. Однако, читая записи, можно видеть, что в них много случаев, когда такое объяснение совершенно не подходит. Например: Банка Ялёна кума Стипанида ятрень пылатеница накрыть мыладенца. На это обратил внимание и В. И. Чернышев.²⁸

Напомним, что мещовский говор имел тенденцию к прикрытию начальных гласных и не допускал произношения подряд двух

²⁶ В сборнике «Песни Дмитровского у. Орловской губ., записанные В. И. Добровольским» (1905) имеются тексты песен из Смоленской губ.

²⁷ Шахматов, 1893, с. 285.

²⁸ Матер. для изуч. говора и быта Мещов. у., с. 160.

гласных.²⁹ Один и те же слова в песнях А. Косогорова встречаются с протезой и без нее. Варьирование наблюдается в границах одной и той же песни. Известную непоследовательность можно объяснить в какой-то степени и тем, что песни записывались от разных исполнителей. В то же время, однако, встречаются слова, записанные преимущественно с протезой. И среди песен есть такие, в которых слова с *j* записаны последовательно с протезой. Например, союз *a* в величальной песне только с *j*: Вуйны вятры, буйны вятры юставали, рибину пшатали. Я хтош каму, я хтош каму ю грамытку пшнить. Я хтош каму, я хтош каму чилабилиця пшнить (с. 77); так же в детской песне (в начале строки): Я Сирьгею та глас, у яво тухлай квас (с. 28) и так в песне — 10 раз. Но в пересказе свадебной песни встретились и *a* и *я*: На коня сядица, а конь виспилиця, ён плётычкай машить, я конь над йнм пляннить (с. 29). В другом пересказе песни союз *я* — после согласного: Девки водють, кырагот. Я милашка ни пирёт, морду х чорту дирёт (с. 33). Несколько раз встретилось слово *яддам*, *яддал* (Вырастинь, сестра, балышая, яддам тебе, сестра, замуш (с. 56); в других случаях — возможно и с *a*: Я аддам (яддам) сестре малютку, сама у мори утаплюсь (с. 84). Мне тятишка дастал, зы валосики таскал, Ю салдатушкы яддал. Ю салдаты аддадутъ, такей воли ни дадутъ (с. 33). У А. И. Соболевского есть: . . . фшколу яддала (Шацк. Тамб.);³⁰ также у П. П. Дурново: Яддайтя свае из рук писання (Мосал. Калуж.).³¹ Слово *ялый* (Свяла — свяла липушка ялыми святами, с. 29) встречается и без *j*. Из других слов с протетическим *j* в песнях А. Косогорова встретились еще *ягромий* (Павязуть у Маскву на тройки Славнай вулицай Твярской, Вы ягромной жолтай дом, с. 87), *яборычку* (после согласного. Нашол котик пат горычку, нашол котик яборычку, с. 34); *янал* 'опал' (Алнйкий мой свято-святóчик, Чавон ты рана янал, с. 50); *ясынй йсься* 'осынаешься' (Уж ты сат, ты мой сат, Ты чавон рана свитёнй, ясыпансься, с. 55).

В курских песнях, записанных М. Г. Халанским, находим только несколько слов с *j* перед *a*: *ятаковина*, *ярмия* (Устань, устань, батюшка, Устань, православный сарь, Пасматри на ярмию. Ах, ды на ярмию, Твая ярмия Ана ятаковина), *ябайму* (Ты, абрада, ты, абрада, Чем абрадуишь мене? Пацалууй, ябайму).³²

Анализ песенных текстов позволяет заметить, что некоторые слова с протетическим *j* повторяются из песни в песню. Очевидно, произношение их с протезой было более устойчивым, чем остальных. О таких случаях, следовательно, можно говорить как о явлении лексическом.

Предлог *ят* 'от', например, находим в материалах А. И. Соболевского (Атыми миня Ят лихова мужа; матушка, ятыми миня

²⁹ Там же, с. 153—155.

³⁰ Соболевский, 1901, с. 396—399.

³¹ Дурново, 1902, с. 257—260.

³² Халанский, 1904, с. 295, 298.

от лихова мужа ят сердитыва. Шацк. Тамб.),³³ Н. Дурново (Милай мой, я-ят как какой жа ты ят красаты, ат кралички ятстал, ты ятстал. Д. Парфенки Рузск. Моск.),³⁴ А.А. Шахматова (Пи ят солица, ни ят ветру, ят головушки. Малоарх. Орл.);³⁵ другие слова: *яставлять* 'оставлять', *яставаться* 'оставаться' (Бобр. Ворон., Соболевский), *яво яставляла* (Рузск. Моск., Дурново), *ястаюся* (Бобр. Ворон., Шахматов).

Кроме уже приведенных случаев в акающих говорах известны слова с протетическим *j*, бытующие исключительно в разговорном языке. Среди них: *ѣт* (междом.) 'восклицание при испуге' (Жиздр. Калуж., 1905—1921; Брян. Орл.); *ямга́* из *амга* 'мгла' (Жиздр. Калуж.); *япойковый* 'опойковый' (сапог япойковый. Егор. Ряз., Чернышев, 1910); *ясокор* 'осокорь', 'Populus nigra' (Курск., Вержбицкий, 1893), ср. укр. областное, *ясокір* 'осокорь',³⁶ белорус. *ясака́р* 'осокорь', *ясака́рник*.³⁷ В современных записях из Красноярского края находим *ясла́к* (из ослиак) 'ишак' (Андреева, 1967).

Слова с протетическим *j* перед *y*. Большое количество примеров с протетическим *j* перед *y* находим в песнях, особенно в записях А. Косогорова.³⁸ Наиболее часто с протезой *j* встречаем предлог *y*: в детской песне (с. 26) он только с *j*: Ен ланатку ютаил ю капусьтя иё сварил (Припев). Ю капусьтя иё сварил — Апраксинью накармыл (Мещов. Калуж., 1897). Поскольку примеров в песнях очень много, приведем только те, где *y* стоит после согласного: Мне тятинька дастал зы валосики гаскал Ю салдатушки яддал. Ю салдаты аддадуть, такей воли не дадут (с. 33); На вўлицы дош — дош; ю нўлю туман-туман (с. 54); Ты далёка ль милай мой сыбиранься. Ты ю путь ли ю пахот ю дарожиньку (с. 55); Ю нас, ю гароді начаво пиродить (с. 38); Пыдыяжаю я г двару, жана ходишь пы двару У катах ю чулках и ў кумачных рукавах (с. 99); Нашол котик нат горычку, нашол котик яборычку. Нашол котик ю лясок, нашол Дуни пыясок (с. 34); еще не в песне: У вужиня ю набёда пада масьлить кашу (с. 168). Н. Н. Гришкова отмечает эту особенность в калужских говорах: «В песенном языке, во время пения, отмечена почти постоянная йотация предлога *y* (из *o*): *ју кърман'ю*».³⁹

В смоленских песнях В. П. Добровольского (1905): А я млада у грибы нашла; С грибоу пришла, я ю пир зайшла (с. 53); Што ю поли былинка, У лесу диявинка, Горькая асника (с. 111). У А. И. Соболевского несколько раз предлог *y* 'у' в песне из Бобр. Ворон. (Ты гари, гари, калечья, Ю милова на руке), в песне

³³ Соболевский, 1901, с. 396—399.

³⁴ Дурново, 1902, с. 257—260.

³⁵ Шахматов, 1893, с. 281—282.

³⁶ Укр.-рус. словарь, т. 6, 1963.

³⁷ Белорус.-рус. словарь, 1962.

³⁸ Матер. для изуч. говора и быта Мещов. у.

³⁹ Гришкова, 1949, с. 242.

из Шацк. Тамб. (У юдовушки четира ю ней детей, три ней были дочи), в песнях из Скоп., Данк. у. Ряз. (Ю моей же, у юдовушки). В записях Н. Шейна из Курской губернии: Чичи, чичи! Сорока, Иде была? — Далеко. У батюшки на точку ю зплёном колпачку (Старооскол. Курск., 1, с. 14).

Довольно часто в текстах А. Косогорова встречаются слова *юстань* 'встань', *юставали* 'вставали': Юстань, маминька радная, пасматриш ты на мене (с. 92); Ты юстанька, юстанька, мой милый друх, Прибудися, надёжа мая (с. 78); Буйны вятры, буйны вятры юставали, рибину шиатали (с. 77). Из других слов, также часто употребляющихся в текстах А. Косогорова с протезой, приведем только те случаи, в которых слово стоит после согласного звука: *юсходит* (Шника дъвери рыстварились, Юсходит грозный их атец, с. 93), *юпер* 'упер' (Ён ни шыница, ни вор; три мяшочка ён юпёр, с. 33), *юслыхал* — в сказке (Вот мужык юслыхал и пачал пыку пать стат дом, с. 111).

Кроме них отмечен еще ряд слов, встречающихся реже, как *юпала* (С неба звьёздычка юпала, Я за шыница папала, с. 33), *юпадеть* (Ана ўздахнёт, сама заплачить, скатница слёска юпадёт, с. 85), *юхватить* (Я гармонку юхвачу, три дни хлеба ни хачу, с. 101; Аликсеюшка Пылагсеюшку юхвятил. Права, права, юхвятил, с. 81 и другие примеры), *юсё*, *юся* (Я ю батюшки жила, Пыни дельничала. Симярых рыдила, Юсё девкай была, с. 107; из сказки: Вот юся скаска ды кашца, нам па рюмачьки вища, и пы кусочьку пирашка, с. 120). Также в смоленских песнях: А юсе ветьтики Да вокала мне; А усе племишка да вокала мне (Добровольский, 1905, с. 88).

В текстах А. Косогорова имеются еще *ювесь* 'весь' из более раннего *увесь* (Павадился Ваня, Ваня шыыгалёк (припев). Ювесь лянок, лянок привталок, с. 90), *юдарь* 'ударь' (Ты юдарька балшой колкал, прибуди маво батюшку, с. 32), *юъезжает* 'въезжает' (Ён попылю едитъ, святы рысьсвятують, на двор юъезжаютъ, матушка стричантъ, с. 29), *юместя* 'вместе' (Сыляталися ды два сизых гулубочька, Пы садилися в лужках при далиня. Юмести нили — ели, с. 52), *юшол* — в сказке (А сам Балакырява на пастелю ды юшол).

В песнях Дмитровского уезда Орловской губернии В. Н. Добровольского встретилось *юдовка* из *удовка* 'вдовка' (Ши бяри-ка ты, милой друг, себе вдоўки, Ты юдоуки, с. 69), в смоленских — *ючора* (А ючора си вячора позынка, 1905, с. 92).

Из примеров, приведенных А. Н. Соболевским и П. Дурново, обращает на себя внимание слово *юлица*, которое у обоих авторов встретилось неоднократно: *на юлицы, на юлицы, вдоль, я юлицы* (Гобб Ворон.), *на юличу* (Касим. Ряз.), *по юлицы* (Курск.), *на юлицы* (Ворон.).

В. П. Сидоров в описании говора с. Мелехова Сасов. Ряз. (1926) заметил, что «передко» жители этого села в песнях «уно» требуют в начале слова перед гласным „паразитный“ *j* (*jot*,

на *јулицу* *трѣи* *јузла*)». ⁴⁰ В текстах опубликованных им песен встретилось еще: *на јулицы, на юльцу, три јузла, первый да юзил*.

Интересно, что среди выписанных М. Бунным диалектных слов из сборника Киреевского находим и слова с протетическим *j*: предлог *ю* (*y*): *Ю* подола раструбистай. Раненб. Ряз.; *Ювезли* 'увезли', *юзяли*. Раненб. Ряз.; Умная дитятка да Денис у нас, Пету яво юмиея да во всем роду. Зарайск. Ряз. ⁴¹

Беднее, чем в фольклорных текстах, набор слов с протетическим *j*, зарегистрированных в разговорном языке. В материалах В. П. Добровольского отмечено три таких слова: наречия *юже* 'уже', *юж* 'уж' и слово *юзяли* 'взяли' (Тя пунахали вы сваб? — А юж. Смол., 1914; А љюж моя душа усяго приняла. Смол.). В тех же материалах наречия встречаются и с протезой *в*: *Ста яна саѿсем вуж биз вума* (Красн. Смол., 1914).

Слово *юже* помимо смоленских говоров отмечено еще в тульских (Новосил. Тул., 1900), московских (Рузск. Моск., Дурново), воронежских (Я бы крылушки сабе слила — Юш и слимши. Куст слязою юлила. Юш ты кустик. Бобр. Ворон., Соболевский), тамбовских (Шацк. Тамб., Соболевский).

Интересно смоленское *юзяли* 'взяли' (Да татарушки юзяли, яму рученьки звизали. Добровольский, 1914), в котором *j* перед *y* из *в*.

Несколько слов с протетическим *j* перед *y* записано в соседних со смоленскими и в некоторых других акающих говорах. На западной брянщине П. Расторгуев отметил *ютрення* 'утрения' (Не, и теперь не хожу, и на ютрене не была. 1957). *Па ютру* (Бобр. Ворон.) привел из песни А. П. Соболевский. В белорусском языке — *ютро* в значениях 'утро' (С ютра затресло его) и 'завтра' (Почекай до ютра), *ютрення*, уменьш. *ютренька* 'утрения' (Бацюшка пошов на ютренью). ⁴²

Из Брянского уезда Орловской губернии П. П. Тиханов приводит *юзник*, прочитанное им в «не очень давней надписи» в Служебнике 1699 г.: *Сію книгѣ переплѣтали темнічныя юзники*. ⁴³ В Орловской же губернии было записано *юдиль* 'удаль', 'характер' (1860). В говорах Новосильского уезда Тульской губернии, близких по типу к смоленским и брянским, отмечено *юшиб* 'ушиб' и *ювсе* из *увсе* 'все' (1900). В Калужской губ. Н. Дурново записал: *Каку юлицу субрала* (д. Карамышево. Медын. Калуж.). ⁴⁴

В Курской губернии, по свидетельству собирателя Т. П. Вержбицкого, название дерева *осокорь* произошло с *j*: *ясѣкор* (1893). В д. Выворотково (Бессед. Курск.) говорят *юхарь* 'ухорь'. В Донском словаре А. В. Миртова приводится *ючинить* 'учинить'. В ответе на программу МДК из с. Успенского (Касим. Ряз.) имеется: *улица* или *юлица* (РФВ, т. 78, 1912, с. 9). Е. Будде записал

⁴⁰ Сидоров, 1949, с. 95.

⁴¹ Бунин, 1973, с. 408.

⁴² Писович, 1870.

⁴³ Тиханов, 1904, с. 95.

⁴⁴ Дурново, 1903, с. 33.

юполовник из уполовник 'половник' (Егор., Зарайск., Касим. Ряз., 1892).

В акающих же говорах довольно широкое распространение получили слова *юхнуть*, *юхнуться*, употребляемые с несколькими значениями: *юхнуть* 'ударить' (Иск., Осташк. Твер., 1855; Ряз., 1898), 'пропасть, исчезнуть' (Иск., Осташк. Твер., 1855). *Юхну́ть* в Обоинском уезде Курской губернии имело значение 'отставить, удалить' (Его юхнули за взятки. Маникин, 1858), а в Малоархангельском уезде Орловской губернии этот глагол записан со значением 'утонуть, сразу скрыться под воду' (1914). Слова *юхнул*, *юхнулся* в Новоторжковском уезде Тверской губернии употреблялись в значении 'провалился в воду, в снег' (Елоховский, 1915—1926).

В ответе на программу МДК из с. Баклуни Саратовской губернии, говор которого по ряду черт определяется как южнорусский, сообщается, что в начале слов произносится *ю* вместо *у*: *юла*, *южу*, *ючусь*, *юкладу*, *ютеха*, *юкрываются*, *ютвар*, *юдой*, *юмный*, *югрюмый*, *юстались*, *юдалой*, *юмолить* и пр. При этой записи, очевидно, редакторами (Н. Дурново и А. Мадуев) поставлен вопрос: при *юнии*?, но дальнейший текст ответа на этот вопрос не дает (Тр. МДК, вып. 3, с. 21—22).

Приведенные материалы показывают, что в акающих говорах наблюдается довольно значительное количество слов с протетическим *ј*, употребляющихся в песнях. В разговорном языке таких слов записано немного. Обращает на себя внимание тот факт, что ряд слов отмечается и в песнях, и в разговорном языке. Это устойчивое употребление некоторых слов с протетическим *ј* в фольклоре свидетельствует о наметившейся лексикализации.

Некоторые из приведенных слов, как свидетельствует неоднократная их регистрация в ряде мест, имеют довольно широкое распространение в акающих говорах.

Заметим также, что количество слов с протетическим *ј* (по имеющимся материалам) в разных акающих говорах неодинаково. Наибольшее количество таких слов отмечено в смоленских, брянских и калужских говорах, что находит объяснение в определенных свойствах этих говоров. В других говорах зарегистрированы отдельные слова.

Таким образом, и в фольклоре, и в разговорном языке это явление реализуется как лексикализованное, но свидетельству диалектологов, исчезающее к концу XIX—началу XX в.

Севернорусские говоры

При написании настоящего раздела были использованы сборник Н. Е. Оичукова «Печорские былины» (СПб., 1904), некоторые другие фольклорные источники, а также материалы статей и словарей, ссылки на которые даются в тексте раздела.

На слова с протетическим *ј* в севернорусских говорах обратил

внимание еще М. А. Колосов. Он привел *ён* (Новг. Новг.), *ёдин* (Череп. Новг.), *един*, *еднѡво* (Каргоп. Олон.), *ёднѡво* (Вытег. Олон.).⁴⁵ Вопреки распространенному в его время мнению о том, что слова эти являются остатками старины, М. А. Колосов считал их поздними по происхождению.

Фольклорные примеры

Большая часть севернорусских материалов найдена в известном сборнике печорских былин Н. Е. Ончукова — фольклориста, старавшегося как можно более точно передавать языковые особенности фольклорных произведений. Записывая былины, Н. Е. Ончуков «прилагал все усилия, чтобы передать точно звуки живой речи».⁴⁶ Очень интересны в этом отношении наблюдения Н. Е. Ончукова над языком сказителей: «Ф. Е. грамотна, читает священные книги и потому в ее былинах попадают часто книжные обороты, а в ее речи вообще не так много местного элемента, она приближается к книжной», — пишет он о сказительнице Ф. Е. Чуркиной (с. 3) или «... во все старины (П. Р. Познеев) вносит единообразные факты, фразы и целые действия и, не помня подлинных, слышанных от стариков выражений, приносит много своего, отражая, особенно в разговорах, строй современной в Усть-Цильме речи».⁴⁷

Тот факт, что в былинах Н. Е. Ончукова найдено наибольшее количество примеров слов с протетическим йотом, объясняется не только тем, что этот собиратель бережно передавал звуковые особенности былин, но, возможно, и теми особыми условиями жизни носителей диалектов, которые способствовали консервации черт.

Уже В. И. Чернышев при чтении корректуры сборника Н. Е. Ончукова заметил, что во многих словах в былинах «часто приставляется» *j*: *во Ястрахани, на юход, не ёгленется* и т. п. др.⁴⁸

Далее приводятся примеры из сборника Н. Е. Ончукова, причем перечень их всегда начинается со слов, наиболее часто встречающихся с протетическим *j*.

С л о в а с п р о т е т и ч е с к и м *j* п е р е д о. Два слова (*ѡчи* 'очи' и *ѡчунь* 'очень') чаще всего употребляются в былинах с *j*. Нельзя не заметить, однако, что даже эти слова в сборнике встречаются и без протетического *j*. Налицо явная вариабельность слов: в тех же условиях слово употребляется с протезой и без нее: Повеся идет, дѣржит буйну голову, Потопя де ёчи ясны в матысыру землю (Усть-Цилем. Арх., с. 108); однако слово *очи* встречается и без протезы, например, в той же былинке в точно таком же контексте употреблено *оци* (с. 107). У другого сказителя — опять

⁴⁵ Колосов, 1876, с. 12.

⁴⁶ Чернышев, 1904, с. XXXVI.

⁴⁷ Ончуков. Печорские былины, с. 78.

⁴⁸ Чернышев, 1904, с. XXXVII—XIV.

с протезой: Да на место ёцей-то было врезано, Но тому же по камню да самоцветному (Усть-Цилем. Арх., с. 45). Следующее слово — наречие *ёчунь* 'очень' (Мы не едем за Фатенком во чисто поле, Как Фатенкова смерть да ёчунь страшная. Усть-Цилем. Арх., с. 49). В этой же былине (после согласного): Ах, ты ой еси матушка родимая! Уж ты давеча пошла дак ёчунь весела, Кабы поныне идешь очунь не весела (Усть-Цилем. Арх., с. 48). Заметим, что в тождественных условиях слово употребляется без протезы. Слово *ёчунь* встретилось еще раз, также после согласного: Ты что-е едидишь ёчунь невесело? (Пустооз. Арх., с. 313).

Наблюдаемая вариативность в известной степени зависит от того, что былины записаны от разных сказителей и количество слов с протетическим *j* в былинах этих разных сказителей не одинаково: оно колеблется в зависимости от конкретных исполнителей (у некоторых таких слов совсем нет). Однако только этим вариативность не может быть объяснена, поскольку она наблюдается и в былинах тех сказителей, где слова с протезой встречаются часто. Известно свидетельство В. Н. Чернышева, который имел возможность получать разъяснение относительно языковых особенностей былины у самого П. Е. Оичукова, подтверждающего эту вариативность: «В былинах нередки случаи употребления рядом двух разных форм одного и того же слова. Это не нужно считать неточностью».⁴⁹

Несколько больше слов с протетическим *j* перед *о* отмечено в неударенном слоге. Много раз встретился предлог *ё* (из *о*), причем, как можно видеть из примеров, наряду с предлогом *о* (в тех же контекстах): Уж я быюсь понь с тобой да *о* велик заклад. Да не *ё* сто рублей, да не *ё* тысяче, Уж я быюсь *о* своей да буйной головы. Они билися с поном да *ё* велик заклад (Усть-Цилем. Арх., с. 50). Из других примеров приведем только те, в которых предлог стоит после согласного: Кабы битце со мной понь *ё* велик заклад, А не во сти рублей, да не во тысящи, *ё* своей молоденькой буйной голове; Я ударился ведь с князем *ё* велик заклад (Усть-Цилем. Арх., с. 102—103) и др. Предлог *ё* приводит также П. Дурново из старин, записанных А. Д. Григорьевым в Мезенском уезде Архангельской губернии на берегу Белого моря (Да и бросил Дунаюшко *ё* сыру землю).⁵⁰

Не раз в тексте встретились слова: *ёбедня* 'обедня' (Кабы был тут Садок купец богатия, Как служили тут ёбенино да васкресенскую. Усть-Цилем. Арх., с. 50); *ёгленуться* 'отглянуться' (Да на то поныне сокольник не ёгленетце. Усть-Цилем. Арх., с. 39; см. также в стариннах Григорьева: и не *ёгленулся ёи*); *ёкошечко* 'окошечко' (Я ведь скрою твой терем да по ёкошечкам. Усть-Цилем. Арх., с. 49; на *ёкошечко* привел А. Н. Соболевский на северных песен в записи Лаговского);⁵¹ *ёнеть* 'онеть', которое

⁴⁹ Там же, 1904, с. XXXVII.

⁵⁰ Дурново, 1902, с. 259.

⁵¹ Соболевский, 1904, с. 399.

передко рядом с *онеть* (Он онеть же заскакивал на добра коня. Он ёпеть же поехал ноньце к городу. Усть-Цилем. Арх., с. 224); *ёсел* от *осесть* (Не мог устоять конь на резвых погах, Ёсел тут зеребчик до подбрюх в землю. Усть-Цилем. Арх., с. 178); предлог *ёт* 'от' (Уж вы подьте ноньце проць ёт старого. Усть-Цилем. Арх., с. 225; этот же предлог не раз отмечен Н. Дурново в старинных Григорьева: Ты ётпутай ёт онутинок); *ётправляться* 'отправляться' (Он ётиравился — поехал с красной девницей. Усть-Цилем. Арх., с. 250; также у Григорьева: . . да ётправился); *ётец*, *ётцовский* (Юмн'от ле хвастат старым ётцом, Старым ле ётцом, старой матушкой. Усть-Цилем. Арх., с. 251; А пошел он как хранить полё ётцовское. Усть-Цилем. Арх., с. 222).

С протетическим *j* отмечены слова, не имеющие соответствий без протезы в литературном языке, как *ёбзадориться* 'раззадориться' (Ёбзадорюсь я конды — куплю на тысяцю. Усть-Цилем. Арх., с. 94), *ёбседлать* 'обседлать, надеть седло на коня' (после согласного) (Ёбуздал — ёбседлал да коня доброго. Усть-Цилем. Арх., с. 248), *ёвернуть* 'обвести вокруг себя' (Ёвернул он зеребчика кругом себя. Усть-Цилем. Арх., с. 178) и в значении 'превратить с помощью колдовства в животное' (после согласного) (Ты зачем ёвернула моего хресника? Усть-Цилем. Арх., с. 160). Наряду с *ож* из *уж* не раз отмечено *ёж* (Ёж ты ой еси, девушка-Чернанушка! Усть-Цилем. Арх., с. 131), наречия *ёткуль* 'откуда' (Ты ёткуль ле нонь идешь. Усть-Цилем. Арх., с. 89), *ёттуль* 'оттуда' (А ёттуль нонци Маришка да не ётслышалась. Усть-Цилем. Арх., с. 100).

Слова с протетическим *j* употребляются в ряде фразеологических и устойчивых выражений, характерных для языка былины. Среди них слово *ёпочил* в часто встречающемся сочетании *ёпочил держать* 'отдыхать, спать' (Легли ёни спать, да ёпочил держать. Пустооз. Арх., с. 319), слово *ёсобица* также в часто встречающемся в былинах выражении *на особицу* (*ёсобицу*) в значении 'особо, отдельно' (На вси стороны калики да низко кланялись, Уж княгини они на ёсобицу. Усть-Цилем. Арх., с. 198) и другие примеры. Цовершенно часто глаголы *ёслышаться*, *ётслышаться* отмечены в выражении *не ёслышаться, не ётслышаться* на что-либо, которое может обозначать 'откликнуться' (А идут де калики да не ёслышались, На Ёлешу ле ёни да не ёгляпутся. Усть-Цилем. Арх., с. 201) и 'ослушаться' (Позови-ко юдала добра молодца, Ко князю его да всё во кумушки. На то де доброй молодец не ётслышался, Да стал-то Добрынюшка срежатисе. Пустооз. Арх., с. 322); встречается словосочетание *ётвет держать* 'отвечать' (Говорит на то старый им, ётвет держит; Говорит ноньце старой им, как ётвет дёрижим (Усть-Цилем. Арх., с. 221, 224).

Отдельные слова с *j* наблюдаются в былинах по одному, по два раза: *ёбуздал* 'обуздал' (Ёбуздал — ёбседлал да коня доброго. Усть-Цилем. Арх., с. 248), *ёбрюшился* 'обрушился, упал' (У старого ноньце конь, право, ёбрюшился. Усть-Цилем. Арх., с. 226), *ёбъехал* 'объехал' (А ёбъехал их Добрыня он добрых молодцов

Усть-Цилем. Арх., с. 202), *ёгня* 'огня' (Не юспел ту Добрыня-та ёгня добыть. Усть-Цилем. Арх., с. 249). С протетическим *j* встречается имя *Олеша*, *Олешенька* (Не в уме же ты, Ёлеша, слово вымолвил. Усть-Цилем. Арх., с. 140; Поехал Добрынюшка Микитиц-блад, Другия Ёлешинька Поповиц-блад. Пустооз. Арх., с. 315) и ряд других слов, как *ёмменимся* 'обменимся' (с. 90), *ёрда* (с. 132, 616), *ёсержаютца* (с. 225), *ёставить* (с. 105), *ёстаться* (с. 97), *ётведать* (с. 221), *ётпереть* (с. 221).

Н. Дурново в старинах А. Д. Григорьева отметил еще: Уж ты ой еси Ёвдотья, Ты етпутай ёт опутинок; Да россекла ёпутипки; Да ёсталось; Да ёсталою ю ей; да приёстанусе; два ётрока; Да по имени Ёмельфа; Вы ёи цём бытесь; нецим мне Дунаюшку ёпохмлицэ. А. И. Соболевский привел из северных песен в записи Лаговского: клятву йотдавал.⁵²

Слова с протетическим *j* перед *у*. Чаще всего в былинах Н. Е. Олчукова с протетическим *j* встречается предлог *у* (ср. то же в южнорусских песнях). Заметим, однако, что в текстах былин наблюдается вариативность: предлог отмечается с протетическим *j* и без него, причем в одних и тех же условиях, как, например, в начале строки: Ю ты правая нога да по колен бела, У Тя левая нога бела по щётоцьку (Усть-Цилем. Арх., с. 108) и др. Есть случаи, когда в былинах он стоит после согласного звука: Он берет ю калики платье калическо (с. 90); Хватил ю Ивана право тугой лук (с. 320) и др. Так же у Григорьева: Да осталось ю ей.⁵³

Другие слова, неоднократно отмеченные в сборнике Н. Е. Олчукова с протезой, — *ювидеть*, *ювидать* (Как ювидели, старой их сын здоровой стал. Усть-Цилем. Арх., с. 222; Юидал он своего тут хозяина. Усть-Цилем. Арх., с. 112), у Григорьева: Да ювидала и др.; *юдалой* 'удалой' в обычном для былин сочетании *юдалой добрый молодец* (Приходит юдалой доброй молодец; Ёи завидел юдала добра молодца. Пустооз. Арх., с. 313, 323 и др.). Известно также употребление слова *юдалой* с приставкой — *преюдалый* (Как про злых поленич да преюдалых. Усть-Цилем. Арх., с. 52; У Григорьева: . . . да приюдалая). *Юдалой* встречается и в современных записях былин — в былинах Крюковой (1939, 1941, т. 1—2) и в сборнике «Былины Печоры и Зимнего берега» (1961). Известное в южнорусских говорах наречие *юже* 'уже' встретилось и в былинах: Юже я то ле вам да почудне скажу (Пустооз. Арх., с. 329); употребляются также слова *юздать* 'уздать' (после согласного) (Он юздал де, седлал да коня доброго. Усть-Цилем. Арх., с. 49), *юлица* 'улица' (есть и в южнорусских песнях) (Как вперед махнут — лежит юлица. Усть-Цилем., Арх., с. 141) и сочетания *на юлицу* (Выводили Скопина да вон на юлицу. Усть-Цилем. Арх., с. 253). Об устойчивости слова *юлица* свидетельствуют об-

⁵² Там же, с. 399.

⁵³ Дурново, 1902, с. 259.

разования *юлочка* (с. 99), *заюлка* (с. 99), *заюлочка* (с. 99), *перелюлок* (с. 224).

Имя врага русских богатырей *Угарин*, *Угарище* (разновидность имени Тугарина) нередко в былинах с *j* — *Югарин*, *Югарище*: Он схватил свой Югарин конь булатен нож (Усть-Цилем. Арх., с. 96).

Другие слова, не раз встреченные с протезой: *юспеть* 'успеть' (Не юспела калика опочиниться. Усть-Цилем. Арх., с. 132); *юстраивать*, *юстраить* (Ты тем-то да нас пынь не юстраивай. Пустооз. Арх., с. 316; Как кони-ти ети юстраилисе. Усть-Цилем. Арх., с. 109); *ютро*, *ютром*, *по-ютру* и приставочные образования с этим корнем (Да ставят ёни ютром раненишко. Усть-Цилем. Арх., с. 37; Ай да што по-ютру-то раным раненько плывет плюпоцька сверху. Усть-Цилем. Арх.; Меж ённою меж обеньней меж заютренней. Усть-Цилем. Арх., с. 102; у А. И. Соболевского: *спо-ютру* из песен Волог. губ.); ⁵⁴ *юхо*, *юши* (Да на место юшей было прибывано. Усть-Цилем. Арх., с. 45; Припадай-ко к земле да юхым правым. Усть-Цилем. Арх., с. 43); уменьш. *юшица* (Голова Тугарина с пивной котел, А юшица да царски блюдица. Усть-Цилем. Арх., с. 137).

Следует заметить, что протетический *j* встречается в типичных для былины сочетаниях и выражениях, таких как на *юдивленье* (*юдивленьце*) (Он оклал, огородил людям на юдивленьцо. Усть-Цилем. Арх., с. 222), *приюмолкнули* да *приюдрогнули* (Кабы все тут на пиру сидят приюмолкнули, А как все на чесном да приюдрогнули. Усть-Цилем. Арх., с. 102), *не юпадывай*, *не ютаивай* 'не падай, не утаивай' (Говори-ка, молодец, да не юпадывай, Не единого словечка не ютаивай. Усть-Цилем. Арх., с. 162), *на юход уйти* 'уйти совсем' (А другая-то ведь сила на юход ушла. Усть-Цилем. Арх., с. 232).

Ряд слов отмечен в былинах с протетическим *j* по одному, два раза. Среди них *ювертливой* (с. 319), *югла* (род. п.) 'угла' (с. 97), *юзолочик* 'узелок' (с. 246), *юдаця* 'удача', *юзко* 'узко' (с. 44), *юмной* (с. 251). В старинах Григорьева Н. Дурново отметил следующие примеры: Да как юмной — от хвастат; да все юмом ровны; Да юмел меня ли батюшко; на юме в северных песнях заметил А. И. Соболевский. У Н. Е. Олчукова еще: *юнизить*, *приюнизить* 'унизить' (с. 313), *юранивать* 'ронять' (с. 38), *приюстанетца* кому-либо 'кто-либо устанет' (с. 248), *приюишиться* 'утихнуть' (с. 204), *юхват* 'ухват' (с. 181), а также *юбел*, *ючерн* в выражениях — на юбел бела (с. 233), на ючерн черна (с. 224). Из старин Григорьева: Да юпал тут Идолишшо; Да юдарыл; Мне сонного юбить да яки мертвого.

Таким образом, употребление слов с протетическим *j* в былинах не отличается строгой выдержанностью, последовательностью: наблюдается параллельное употребление одних и тех же слов с протезой и без нее. Эту же особенность заметил Н. Дурново

⁵⁴ Соболевский, 1901, с. 399.

в старинах А. Д. Григорьева: «Междугласное *j* в старинах Буторина не выдержано, и часто допускается зияние; всего чаще такое *j* — после слова *да*.⁵⁵ В сборнике А. Д. Григорьева Н. Дурново отметил протетический *j* только у одного сказителя. Возможно, что такой характер употребления слов с протетическим *j* объясняется разной степенью сохранности местного говора у сказителей. На такое объяснение как будто указывает тот факт, что наибольшее количество примеров слов с протезой наблюдается у тех сказителей, которые, по мнению Н. Е. Опчукова, довольно свободно обращаются с текстами былин. Ср., например, приводимое уже замечание о сказителе Петре Поздееве, который «не помня подлинных, слышанных от стариков выражений, привносит много своего, отражая, особенно в разговорах, строй современной в Усть-Цильме речи».⁵⁶

Несмотря на отмеченную вариативность в употреблении слов с протетическим *j*, в текстах былин заметна тенденция к лексикализации этого явления. В этом отношении знаменателен тот факт, что отдельные слова в былинах встречаются не только после гласного, но и после согласного. Можно привести много примеров именно таких случаев: Как служили тут ёбенню да воскресенскую (с. 50); Уж ты давеца пошла дак ёчунь весела; Он юздал де, седлаа да коня доброго (с. 49); Ён завидел юдала добра молодца (с. 313); Меж ённою меж обеньёй (с. 102) и др.

Кроме того, можно назвать такие слова, которые в сборнике встречаются преимущественно с протезой. Сюда относятся различные устойчивые сочетания и фразеологические обороты, характерные для лексического состава былин (*ёпочин держать* 'отдыхать', 'снять', *на ёсобицу* 'отдельно, особо', *на ётмах* 'на отмань', *не ёслышаться*, *не ётслышаться* на что-либо 'не откликнуться' и 'не послушаться', *на юход уйти* 'совсем уйти', 'уйти'), а также отдельные слова, часто встречающиеся в былинах, как *юдалой* обычно в сочетании *юдалой доброй молодец*, *ётправлятися*, *на юлицу*, *ёчи*, *ёчунь* и некоторые другие.

Закрепление фонетического облика слов с протетическим *j* подтверждается и наличием в ряде случаев приставочных образований, таких как *по заюлочкам*, *по заюлкам*, *приюмокнули*, *приюдрогнули*, *преюдалый*, *приюнизили* и др.

В песнях, записанных собирателем Н. Г. Ординым (как замечает Д. К. Зеленин, с соблюдением особенностей местного говора)⁵⁷ в Сольвычегодске в 1877 и 1883 гг., встречается несколько раз слово *улица* с *j*: Ай, юлица мала, карену (?) велик; Во юлице во Швецкой, в слободе Немецкой, еперал немчин тут гуляет; Уж ты, матушка, Степан, осударыня, Степан, он на юлоцке стоит, сладки речи говорит. Здесь же и другие слова: *юголь* (Ой,

⁵⁵ Дурново, 1902, с. 259.

⁵⁶ Опчуков, Печорские быльи, с. 78.

⁵⁷ Зеленин, 1914, с. 243.

Танюшка, Ой, Татьянушка, по чисту полю ходила, черной юголь выбирала, на цюжу межу бросала), *юшат* 'ушат' (Хороша бражка заложена была, во юшатах не домоценая, на печи не досушенная).⁵⁸

В сказке из сборника Н. Е. Ончукова, например, в тексте детской песенки несколько раз повторяется *юбила* (Маменька, маменька! Меня сестрица юбила), а в тексте самой сказки — *убила* (сказка записана от женщины, жившей на Печоре, но родом с Мезени) (Сев. сказки, с. 118—119).

Слова с протетическим *j* в разговорном языке

На Севере записано некоторое количество слов с протетическим *j* в сказках и в разговорной речи. Опытом областного великорусского словаря отмечено, например, слово *ябулонь* 'болонь в дереве' (Мезен. Арх., 1852) из *оболонь* (ср. аблонь. Дубров. Брян., 1968; *абалонина*, *абалонь* (Гродн., 1972)).⁵⁹ В сборнике сказок Н. Е. Ончукова из записей А. А. Шахматова встречаем *юж* 'уж' (Ну тут юж ены стали пер водит, пер перовать. Петрозав. Олон., Сев. сказки, с. 208).

Слово *юхнуть*, отмеченное в ряде мест в акающих говорах, получило распространение и в севернорусских: *юхнуть* 'провалиться, упасть' (Пошел по льду да под него и юхнул. Покр. Влад., 1896). В Кадн. Волог. *юхнуть* известно в двух значениях 'выпить разом' (Он так-таки вдруг и юхнул целой стакан вина. Дилакторский, 1902) и 'проехать очень быстро какое-либо расстояние' (Иваницкий, 1883—1889). Возможно, сюда же относятся приведенные Г. И. Куликовским в словаре олонетские *юкать* (Водлозеро, Кенозеро, Кошуги) 'стучать, ударять', иногда в значении 'упасть, липиться чувств от какой-либо неожиданности' (В сенях юкнуло; Юкни-ко хорошенько), *ёхнуть* (Заонежье) 'вздрогнуть от неожиданности'.

Еще несколько отдельных записей из других мест: *южи* от *ужи* 'змеи' (Белозер. Погг., 1896) и *Юльга* 'Ольга' (д. Катупки Балахн. Нижегород., Доброзраков, 1870); *ёченька* (нареч.) 'очень' (Ой, ёченька как устала. Ялатор. Тобол., 1930); *ёхнуть* 'вздрогнуть от неожиданности' (Олон., 1898), 'подвинуть, дернуть, сдвинуть с места что-либо' (Арх., Даль); *ёхнуться* 'податься, пошатнуться вперед' (Шенк. Арх., 1844; Арх.); *ёшенки* (междом.) 'употребляется для выражения удивления, сожаления' (Ой-ой-ой, ах горе! Ёшеньки моп!. Урал, 1964); *ёшкнуть* 'спугнуть кого-либо' (Осип. Перм., 1896, Перм.).

Приведенный материал дает возможность говорить о наличии на Севере в прошлом определенного фонетического явления. Это явление наиболее ярко (в наибольшем количестве слов) прояви-

⁵⁸ Орднп, 1877; Орднп, 1883.

⁵⁹ Сцяшковиц, 1972.

лось в старых записях былин. Именно в этих текстах обнаруживается основная масса слов с протетическим *j*. Очевидно, в былинах и песнях это явление реализовалось вообще более отчетливо,⁶⁰ а в некоторых местах такое исполнение даже превратилось в своеобразную песенную манеру.

Цельзи не заметить, что в былинах наметилась определенная тенденция к лексикализации этого явления, т. е. к преимущественному употреблению с *j* отдельных слов. Кроме того, в севернорусских говорах зарегистрирован ряд слов с протетическим *j* в обиходно-разговорном языке. Таким образом, ко времени записей диалектных материалов исследуемое явление на Севере было лексикализированным.

Количество слов с протетическим *j* здесь даже большее, чем в южнорусских говорах (особенно в фольклорных произведениях). Этот факт скорее всего можно объяснить наличием иного, чем в южнорусских говорах, сочетания явлений в начале слова, оставлявшего больше возможностей для употребления протетического *j*: так, на Севере не получил большого развития протетический *в*, нет здесь и отпадения начальных гласных *а* и *о* и др.

На наличие в ряде говоров русского языка в недавнем прошлом протетического *j* как определенного явления начала слова указывают следующие факты.

1. Цельзи не поставить в связь со словами с протетическим *j* русские диалектные и белорусские местоимения *ён*, *яна́* (*енá*, *ёнá*), *яно́* (*ено*, *ёно*), *яны́* (*ены*, *ёны*). В настоящее время они известны в говорах западной зоны.⁶¹ Однако, по сведениям Е. С. Скобликовой (привлекавшей и старые материалы), эти местоимения встречались и восточнее: в отдельных говорах Рязанской, Владимирской областей, в Поволжье.⁶² По нашим сведениям (преимущественно по записям конца XIX—начала XX в.), они были известны также в Архангельской, Олонецкой, Вологодской губерниях, в ленинградских, повгородских, тверских говорах и в северном Поволжье. Сравнение географического распространения слов с протетическим *j* и местоимений *ён*, *яна* показывает, что слова с протетическим *j* были зарегистрированы в зоне распростра-

⁶⁰ Любопытно мнение музыканта Л. Сабанеева об отличиях речи от музыки. «В самом „звучном“ звуке живой речи, — говорит он, — нет той ясности, той напряженности звучания, как в самом тихом „рр“ музыкального „петого“ звука. . . Самый тембр речевого звучного звука отличается от звука той же высоты и силы, но петого: он ниже, неопределеннее по тембру, он, если так можно выразиться, обычно несколько „небрежнее“ по своему облику». По его мнению, «четкий, ясный звук пения получается, очевидно, при более напряженных колебаниях связок, чем те, которые дают начало звуку речи. . . Даже в минуты максимальной яркости звука речи — в моменты напевности или крика — голос не переходит в тембр пения по-настоящему, а только приближается к нему, и даже это приближение часто ощущается как неестественность, напряженность» (Сабанеев, 1923, с. 62, с. 101).

⁶¹ См. карту № 3 в кн.: Русск. диалект., 1965, с. 242—243; а также: Образов. севернорус. нар. и среднерус. говоров, с. 284.

⁶² Скобликова, 1955, с. 263—274.

нения местоимений *ѣн*, *яна* и не регистрировались, за редким исключением, вне этой зоны.

2. Наконец, в говорах употребляются слова иноязычного происхождения, получившие *j* на русской почве. Некоторые из них имеют довольно значительные ареалы. Например, слова *ялыйй*, *яленький* зарегистрированы в юго-западных и севернорусских (поморских) говорах: яленький твятток (Смол., Добровольский, 1914); ялыйй, яленький (Унеч., Трубч. Брян., Чагиншева, 1967—1969); ялая лента (Мосал. Калуж., Брок, 1916); Взаиди, мае горя, Ялыми т'цветами; Т'цвятия ялые, Вочи кария (Стародуб. Брян.); бутто ялой цвет (Мезен. Арх., Григорьев).

В Записях курских песен М. Г. Халанского встречены *ярмия* (. . . твая ярмия Ана ятакóвына, с. 295), в печорских былинах Н. Е. Ончукова — *Истрахань* (Ой да во славном-то во Казани, ой да во Истрахани, с. 155). Слова *ялтарь* (древнерус. *альтарь*), *янгел* (древнерус. *ангелъ*), *ярмяк* (из тат. *ägmäk*) получили распространение во многих говорах. Уже приводилось свидетельство Н. Дурново относительно слова *ялтарь*, которое он слышал «кое-где» не в песнях в Тульской, Рязанской и Тамбовской губерниях.⁶³ Оно также зарегистрировано в Лебедянском уезде Тамбовской губернии (Цветков), в нескольких местах Воронежской губ. (Землян. Ворон., 1854; Задон. Ворон., 1914; Никушедев. Ворон., 1893; Ворон., 1897) и в Симбирской губернии (1859). В Рязанской и Псковской областях слово *ялтарь* сохранилось до наших дней. Находим его в Псковском областном словаре (В женьскѣм намостири женъшпны ходют в ялтарь. Середк. Пск., вып. 1) и в словаре деулинского говора (Еслп девачка (родится), то пои в ялтáрь ня вносят. Цеул. словарь, 1969). Кроме того, с меной *л* на *н* слово отмечено в нижегородских говорах: *ялтарь* (Семен. Нижегород., 1851, Нижегород. Нижегород., 1852; Княгин. Нижегород., 1905—1921).

С протетическим *j* зарегистрировано в смоленских и псковских говорах слово *ангел* (древнерус. *ангелъ* из греч. ἄγγελος): *яндиль*, *янгиль* (Новоржев. Пск., 1904); Як наслаў жа гасподь бог да двух янгилиў: Летитя вы, янгыли (Смол., Добровольский, 1891). Ср. в украинском языке: *янгол* 'ангел', *янголя* 'ангелок', *янгольятко* 'ангелочек', *янгольский* 'ангельский'.⁶⁴ Интересно записанное В. И. Добровольским слово *Яришэ* 'Варшава' (Сы горыда, Сы Яришава Все дамой валы припили), в котором *j* перед *а* после отпадения начальной *в* (ср. *аршáўка* 'сорт картофеля, варшавка'. Новогруд. Усціновіч, 1975).

Многочисленны записи слова *армяк* с протетическим *j* — *ярмяк*. В Опыте слово *ярмяк* сопровождается указанием на распространение его в Шенкурском уезде Архангельской губернии и Пудожском уезде Олонецкой губернии (1852). И в дальнейшем записи этого слова наблюдаются преимущественно на Севере (Шенк. Арх., 1846; Примор. Арх., 1939 и Шенк. Арх., 1947 —

⁶³ Дурново, 1902, с. 257.

⁶⁴ Укр.-рус. словарь, т. 6, 1963.

Матер. 1-го т. Атласа, Ленинград; Петрозав., Заонек., Олон., Куликовский, 1885; Бабаев. Волог., Меркурьев, 1967; Кадуйск. Волог., 1956; Ржев. Твер., 1853; Пск., Осташк. Твер., 1855; Пск., 1963; Прибалт., 1963; Мещов. Калуж., 1916; Сиб., 1916, а также в Шацк. Ряз., Маслова, 1966). Много раз (Матер. 1-го т. Атласа, Ленинград) регистрировалось в различных местах Архангельской области слово *ермяк* из *ярмяк* (Онеж. Арх., 1939; Примор. Арх., 1939—1940; Пяндом. Арх., 1941; а также Петерб., Ярослав., Повг., Пск., Костром., Перм., Акм., Забайк.), а также *ерма́к* 'армяк' (Повг., Арх., СРПГ), *ермячо́к* (Буйск. Костром., 1927). Слово *яре́ст* 'арест' записано в Минусинском, Канском округах Енисейской губ. (Под яре́стом. Пейзен, 1857).

В ряде западных говоров слово *агрест* 'крыжовник' (пришло через пол. *agrest* из итал. *agresto*, Фасмер) известно в форме *ягра́ст*, *я́грус* и др., например, в русских говорах Прибалтики (1963), в брянских говорах: *ягра́ст* (Сев. часть Стародуб., 1912; Зап. брян., 1957; Брян., 1969), в русском говоре Вятки в Белоруссии — *я́груст* (Маанаенкова, 1973, с. 55—56). Хотя в белорусском и украинском литературном языках это слово употребляется без протезы, но в говорах оно встречается с протетическим *j*. Так, в гродненских и минских говорах — *я́граст* (Сцяшкови́ч, 1972; Янкоўскі, 1960), могилевских — *я́граст*, *я́грист*, *я́граставы́й*, *я́гристывы́й* (Юрчанка, 1966), в словарях П. К. Белькевича (1970) и Ф. М. Янковского (1959—1970) — *я́граст*, *я́груст*, у Б. Гринченко (1969, т. 4) — *я́грос́т*.

Сюда же, по-видимому, можно отнести *езям* 'азям' (Урал, Миртов, 1930), *елма́з* 'сверло, которым сверлят подковы', *елмазить* 'сверлить подковы', *елма́зка* 'просверливание подков' (Тул., 1881), *ерхалу́к* из *архалук* 'род одежды' (Костром., СРПГ), *ермя́нин* 'армянин' (Лебед. Тамб., Цветков), в которых *e* на месте *a* могло появиться в результате закономерных фонетических особенностей предупредного вокализма, но после приставки *j*. Имеются и более новые заимствования, также получившие протетический *j* перед *a* и *e*, как *јелементы* 'алименты', *јеконё́мка*, *јеропла́н* (Пинеж. Арх., Симина).

Ареалы приведенных заимствованных слов больше ареалов других слов с протетическим *j*, однако в основной своей части (юго-западные и севернорусские говоры) они совпадают.

3. Слова с протетическим *j* имеются в белорусском и украинском языках. Особенное распространение они получили в зоне белорусского языка, т. е. на территориях, соседних с юго-западными говорами русского языка. Как известно, в белорусском литературном языке и в его говорах такой *j* развит перед ударным *и* (лит. *іней*, *і́зні*, *і́скра*, диал. *Їван*, *Їры́на*, *йшлі́*, *йі́скра*), а в некоторых диалектах — и перед неударными,⁶⁵ в местоимениях *ён*, *яна́*, *яно́*, *яны́* и в некоторых других словах (они вводятся по ходу изложения материала). Очевидно, в диалектах

⁶⁵ Яшкін, 1966, с. 90—91; Нарысы па беларус. дыялекталогіі, с. 84.

протетический *j* получил большее распространение. В говорах Славгородчины такой *j* известен и перед *y*: *jujedy*, *juvujun* (*yyn*), *jubju* 'убью'.⁶⁶

Кроме уже приведенных выше, можно назвать еще некоторые слова, употребляющиеся в белорусском языке с протетическим *j*. В словаре П. П. Посовича находим: *юшйць*, *заюшйць* 'бить по ушам, заушать' (За што ты яго юшйшь? За то югу — нехай не крадзець. Заюшив разы три мене ни за што. Посович, 1870). Возможно, сюда же относятся *ялюга* 'густые заросли на болотистом месте' (Шарыцк. Гомел., Прач., 1960, с. 171). Ср. *ольга* 'болото' (Олон. Куликовский, 1898) и 'тонкое болото' (Олон. Рыбников, 1864), а также *ляга*, *ляжка*, *ляговина* 'низкое болотистое место', 'лужа' (Онеж. Арх., 1939; Примор. Арх., 1939; Плесец. Арх., 1939 — Матер. 1-го т. Атласа, Ленинград).

В ряде диалектных словарей отмечено *ясёнка* 'женское пальто для весны и осени' (Минск, Жыдовіч, 1970; Гродн., Сцяшкoвіч, 1972), *ялень* 'олень', *ялёниха*, *еляничок* (Гродн., Сцяшкoвіч, 1972). А. А. Шахматов приводит белорусские *як ба* (Лепел., Шейн., № 457), *я пыталіся*, *я потом* (Гродн., № 147).⁶⁷ В украинских говорах находим *яжурят* 'как раз' (с. Квитки Корсунь-Шевч. р-на и с. Крачковка Буцкого р-на на Черкащине, Лисенко, 1958, с. 21), *ярик* 'арык' (Нижнее Поднестрие, Дзедзелівський, 1958, с. 54).

Приведенные факты с достаточной убедительностью свидетельствуют о том, что слова с *j* перед начальными *a*, *o*, *y* в истории русских диалектов представляют собой явление, напоминающее слова с протезой *o* (*возеро*, *вумный*, *вутка*).

Как известно, А. А. Шахматов считал, что в праславянском языке в абсолютном начале слова развивалось три протетических согласных: *u* перед *ā*, *ī* и *j* перед гласными переднего ряда, *a* и *h* перед гласными заднего ряда.⁶⁸ Однако в дальнейшем в употреблении протетических согласных в славянских языках произошли изменения. В современных восточнославянских языках наблюдается следующее: протетические согласные известны в украинском и белорусском языках⁶⁹ и почти не известны (за исключением нескольких слов) русскому литературному языку. Если же обратиться к истории русского языка, то надо вспомнить о том, что слова с протетическим *o* встречаются уже в ранних памятниках письменности, а некоторые из них употребляются и в современном литературном языке (*восемь*, *вотчина*, устар. *вотчим* и некоторые другие). Протетический *o* известен южнорусским говорам. Особенно широкое распространение он получил в юго-западных говорах. *В* перед *o* в этих говорах наблюдается систематически (обычно независимо от происхождения *o*): Смол. *обзеро*,

⁶⁶ Яшкня, 1966, с. 91.

⁶⁷ Шахматов, 1893, с. 281—282.

⁶⁸ Шахматов, 1915, с. 57.

⁶⁹ См.: Нарысы па беларус. дыялекталогіі, с. 84, с. 139—141; Нарысы па гісторыі беларус. мовы, с. 62—63, с. 85.

во́сенъ, во́ба, во́блака, во́кала, во́чи, во́чень, во́бмер, во́братень, во́протеть, во́пух, во́стров, во́торонь; также перед *у*: Смол. *вѣгыль, вуж, вѣжин, вѣзиль, вѣлий, вум, на вуглѣ, вужѣ, вуздѣ, вупрашаю, вусы, вучѣный*. В отмечен и перед *а* (из *о*): *вадин, вазера, валья, вакошка, ватдала, ватлучиѣся* (Смол.). Эти случаи употребления протетического *в* А. А. Шахматов считал поздними по происхождению: «Некоторые славянские языки уже в позднейшее время развили вновь, усилив или восстановив его, придыхательный приступ к начальным гласным; таковы языки малорусский и белорусский; наречия польские и чешские, также великорусские; поэтому малорусские: *вулиця, вораги, горати, гострий, вузький* и т. п. не дают прямых указаний на придыхательный приступ в общеславянском праязыке; ср. в малорусском также и *гаспид, гарбуз*». ⁷⁰ Сюда же можно отнести смол. *вакиѣн* (на мыри, на вакянн. Ельн. Смол.), *вѣрмия* (Смол. Смол.), *вапѣстол, вад* (Смол.) — Добровольский, 1914; *воўта́рь* 'алтарь', *варган* 'орган' (Гризлов. Волог., Мансикка, 1911).

При изучении слов с протетическим *ј* обращает на себя внимание следующее обстоятельство: говоры, в которых записано наибольшее количество слов с протетическим *ј*, отличаются определенными сходными чертами. Мещовские говоры, например, где А. Косоноговым записаны песни с ярко проявившейся йотацией гласных, по сведениям В. П. Чернышева, имели протетический *в* перед *о* и *у*. Протеза в этих говорах являлась и перед неударным *а* (*васѣ, Вадѣма*). В то же время начальный *а* имел склонность к отпадению, особенно после частицы *не* и предлогов (*запбар, дарлѣ, накнѣ, ниддавали* и т. п.). Перед начальным *и* произносился *ј* (*јѣва, јѣстари, јѣдалы* и т. д.). ⁷¹ Таким образом, мещовские говоры имели тенденцию к прикрытию начальных гласных и не допускали произношения подряд двух гласных. Смоленские говоры, в которых, по материалам В. П. Добровольского, употреблялись слова с протетическим *ј*, отличаются такими же характерными чертами, что и калужские. Употребление протетического *ј* в них является как бы одним из звеньев в своеобразной системе прикрытия начальных гласных. На фоне произношения большинства слов с протетическим *в*, пзмещением начального предударного *а* (из *о*) в *и*, отпадением безударных начальных гласных встречаются отдельные слова (главным образом с ударением не на первом слоге), где начальный *а* (на месте *а* и *о*) прикрыт йотом. Все эти особенности свидетельствуют о ярком проявлении в этих говорах тенденции возрастающей звучности слога. На наличие такой тенденции в русском языке указывают экспериментальные исследования ленинградских фонологов. ⁷² По их мнению, в речи фактически реализуется деление на открытые слоги, и только перед паузой может быть закрытый слог. Характер арти-

⁷⁰ Шахматов, 1915, с. 58.

⁷¹ Матер. для изуч. говора и быта Мещов. у., с. 153.

⁷² См.: Бондарко, 1957, с. 34—46; Бондарко, Павлова, 1967, с. 11—20.

куляции последнего весьма знаменателен, т. е. конечный согласный «остается эксплозивным и склонен к образованию после себя глухого призвуча, т. е. даже в абсолютно консонантном конце слова наблюдается тенденция „приоткрыть“ конечный слог». По словам В. А. Виноградова, «слабость замыкающего согласного в отношении его влияния на гласный объясняется меньшей „интенсивностью“ его в слоговую структуру, а это в свою очередь отражает тенденцию русского языка к открытости слога».⁷³

Той же тенденцией возрастающей звучности слога объясняют романисты похожее явление во французском языке, известное под названием *liaison*: начальный гласный слова (в пределах синтагмы) перетягивает в один с ним слог конечный согласный предшествующего слова (*par_ici, avec_une_amié*). Необходимость связывания звуков вытекает из требования слогоделения.⁷⁴

Тенденция возрастающей звучности слога вызывает в начале слова в говорах совокупность различных явлений: отпадение начальных неударенных гласных, наличие протетических согласных, мену начальных гласных (*a — u*) и др. Видимо, действие указанной тенденции в разные периоды истории русского языка вызывало разные языковые особенности. Проявление ее было более заметным в диалектах русского языка и в украинском и белорусском языках; причем степень интенсивности этой тенденции в разных говорах русского языка была неодинаковой. Как можно было видеть, среди южнорусских говоров наибольшее количество слов с протетическим *j* отмечено в юго-западных говорах. Как раз здесь наблюдается в начале слова целая совокупность явлений: прикрытие начальных гласных (особенно в ударном положении) протезами *в* и *j*, отпадение начальных безударных гласных. На фоне произношения большого количества слов с протетическим *в*, меной начального *a* на *u*, отпадением начальных гласных встречаются отдельные слова (главным образом с ударением не на первом слоге), где начальный *a* (на месте древнерусских *a* и *o*) прикрыт йотом. Это явление охватывает здесь небольшое количество слов.

На севере слова с протетическим *j* встречаются в былинах, записанных в глухих местах (на берегу Белого моря, по северным рекам — Печоре и др.), говоры которых, по наблюдениям собирателей и диалектологов, характеризуются консервацией архаических черт. По свидетельству Г. Я. Симиной, например, говоры на Пинеге отличаются слабой редукцией безударных гласных, наличием второго полногласия (*верёх, молонья, доложон, доложна, тверёзой* и др.).⁷⁵

В текстах былин обращают на себя внимание факты, свидетельствующие о довольно ярком проявлении тенденции возрастающей звучности слога, как например функционирование предлогов

⁷³ Виноградов В. А., 1971, с. 61.

⁷⁴ Шигарева, 1964, с. 161—174.

⁷⁵ Симиная, 1970, с. 13.

и приставок *со, ко, во*, соответствующих литературным *с, к, в*: Птица солеталась по поднебесью (с. 331); Соежжались богатыри во Киев град (с. 314) и др. — из былин, записанных Н. Е. Ончуковым на Печоре. Такие же примеры можно найти в сказках, записанных им в Усть-Цильме: Заставили сырой дуб выколоть и на огонь склась, сожеччи (с. 6); Невод сошили, стали рыбу ловить (с. 2) и др. Находим также в сказках из сборника Смирнова: Глядит — человек сидит на дереве. Если, говорит, крешноюй — соходи (Онеж. Арх., с. 21; Смирнов, 1917). Так же в былинах Григорьева: Соходил Добрыня со добра коня . . . соходили со своих добрых коней (Кем. Арх., Григорьев, т. 1, с. 82, 44). Интересно восприятие речи усть-цилемцев, которые, по наблюдению Н. Е. Ончукова, «говорят очень певуче». ⁷⁶

В материалах 1-го т. Атласа (Ленинград) такие слова встречаются не только в песнях (Состянул-то да сломил со правой руценьки золото да колецько. с. Пушлахта, Онеж. Арх., 1940), но и в обычной разговорной речи (Сошила вот из кожи просто. Кто во чём сумиёт. Где она соходит? д. Оксово Плесец. Арх., 1948) и др.

Ряд фактов и соображений указывает на позднее происхождение слов с протетическим *j*. Такого мнения придерживался А. И. Соболевский, считая, «что перед нами нечто очень позднее по происхождению, новейшее». ⁷⁷ Так же думал и М. А. Колосов. ⁷⁸ Примеры этих слов в памятниках подтверждают эту точку зрения. И. Дурново привел три примера из списка повести об Акире XV в. (в рукописи Общества Истории и Древностей Российских № 189). Собственное имя *Анадан* здесь передано как *Янадан*: *отвѣща Анаданъ, слыша Анаданъ*; и далее: *Аливскую* (Аливскую) землю. ⁷⁹

А. А. Шахматов в грамоте до 1491 АЮр № 7 местоимение *ен* предлагал читать как *ён*. Он также писал, что в позднейших памятниках можно найти *йон* (Ряз. гр. 1677). ⁸⁰ М. Карпинский в Западно-русской четье 1489 г. нашел *юже, вжище* 'веревка, гуж' (И оувидѣли его старци повивша южем власнымъ). ⁸¹ О позднем происхождении исследуемого явления свидетельствует следующее: 1) слова, начинающиеся сочетанием *ја* (Смол., Брян. *ябломить, яблетать, яна, яны* и др.), соответствующим древнерусскому *о*, могли появиться только после возникновения аканья; 2) сочетание *jo* в севернорусских говорах — только после перехода *е* в *о*, первые следы которого в памятниках письменности известны с конца XII в.; ⁸² напомним, что в архангельских говорах (откуда большая часть наших севернорусских примеров), образо-

⁷⁶ Ончуков, Сев. сказки, с. 76.

⁷⁷ Соболевский, 1901, с. 397.

⁷⁸ Колосов, 1876, с. 12.

⁷⁹ Дурново, 1902, с. 257.

⁸⁰ Шахматов, 1893, с. 56.

⁸¹ Карпинский, 1889, с. 84.

⁸² Борковский, Кузнецов, 1963, с. 129.

вавшихся на основе повгородских, этот переход должен был происходить позже, чем в других севернорусских говорах;⁸³

3) наличие *j* перед *a* в поздних заимствованиях, таких как *ялый*, *яленький* (древнерус. *алъ*, укр. *ялий*), которые, по сведениям Фасмера,⁸⁴ известны с XIV в. (из тур., крым.-тат. *ʾal* 'алый'), *янисовый* из немецкого или французского, слова *ялтaрь* (древнерус. *ялътарь*), *янгел* (древнерус. *яньгелъ*), *ярмак* (из тат. *ärmäk*) известны с конца XVI в. (по Фасмеру);

4) наличие протетического *j* в ряде слов, претерпевших трансформацию своего фонетического облика на диалектной почве: например, *j* в слове *ёже*, являющемся северной диалектной разновидностью литературного *уже* (см. выше пример из сборника Н. Е. Ончукова), *j* в смол. *юзяли* (из *узяли*), соответствующее общенародному *взяли*, *j* в словах *юдова*, *юдовушка*, *ювдовушка*, *ювсё* (южнорус.), в которых *y* на месте *e* и *ув*.

2. СЛОВА С *a* НА МЕСТЕ *e* ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ

При составлении выпуска Словаря русских народных говоров на букву *ж* обратил на себя внимание ряд слов из севернорусских говоров, имеющих *a* после *ж* в 1-м предударном слоге на месте этимологического *e*. Современным севернорусским говорам такое произношение, как правило, не свойственно. Оно зарегистрировано лишь в отдельных словах при наличии предударного вокализма, характеризующегося еканьем и ёканьем, и, следовательно, может считаться лексикализированным. На этом основании слова с *a* на месте *e* после шипящего (*жалезо*, *жамчуг*, *жанить*, *жаниться*, *жаних*, *жаланный*, *жалать* и некоторые другие) были помещены в словарь.

Как известно, авторы карты МДК слова *жаних*, *жалезо*, *жалать* включили в число черт, характеризующих поморские говоры,⁸⁵ а по словам П. С. Кузнецова, отступления от обычного произношения после шипящих на месте звука *e* «отмечены рядом наблюдателей, но до настоящего времени в достаточной мере не изучены и не систематизированы».⁸⁶ Другими словами, вопрос этот, безусловно, требует самого тщательного изучения, учета и обследования всех существующих материалов, изучения и сопоставления различных точек зрения. Севернорусские *жалезо*, *жаних*, выделяющиеся на фоне предударного вокализма с еканьем или ёканьем, привлекали внимание и интересовали А. А. Шахматова. Еще юношей, читая в 1881 г. древнерусские памятники, А. А. Шахматов обращает внимание на случаи написания *a* после шипящих на месте *e* («интересно *a* вместо *e* после шипящих»)

⁸³ Образов. севернорус. пар. и средверус. говоров, с. 27.

⁸⁴ Фасмер, т. 1.

⁸⁵ Тр. МДК, вып. 5, с. 20.

⁸⁶ Кузнецов, 1951, с. 50.

наряду со случаями отражения перехода *е* в *о* после шипящих: *аща* (Злат. XII в.), *кожаника* (Сб. 1073), *жана* (Усп. рись, XII).⁸⁷ А. А. Шахматов несколько раз возвращался к загадочным языковым фактам в севернорусских говорах. Появление новых материалов все время заставляло его пересматривать прежнюю концепцию. В «Исследовании в области русской фонетики» А. А. Шахматов объяснял сев. *жалéзо*, *жанíх*, *жанíться* наличием в этих словах особого звука: *я́* открытого, который появился в обесславянскую эпоху вследствие диссимилиации со звуками *е*, *и*, *ѣ* следующего слова: «Такое *а* мы находим, например, в общеслав. *žal'žzo* из *žel'žzo*, причем на *я́*, переходившее, как увидим, еще в общерусском языке в *а*, указывает Олон. и Онеж. *жалезо*, Олон., Арх. и Волог. *зал'žзо* (Колосов, ч. 2, с. 47), южн. и зап. *зал'žзо* и *зализо* (Словарь Даля), малорос. *залізо*, *залізы*. . . такое же *я́* находим в общеслав. *žānīx*, *žānitise*; ср. совр. Олон. *жаних*, *жаниться*, *ščāmiti*, ср. Повг. *цаमितь*, *ščāpiti*, ср. малорос. *цапыты* при *ценыты* и т. д.»⁸⁸ По мнению А. А. Шахматова, в общерусском языке одновременно с переходом *е* в *о* изменялся и *я́* открытый: на месте его стал произноситься *а*. На это указывают данные памятников: *кожаника* (Сб. 1073, 2626), *оставляюцаи* (рукопись 1296 года, л. 75 в.), *моучацаица* (Хожд. Богородицы по мукам XIV в., Нам. Срезневского, 206). Ср. также белорус. *залезный*, укр. *залізо*. Позже во многих говорах *а* в словах *жаниться*, *жалезо* и т. п. перешло в *е* под влиянием *женися*, *зелезо*, а в севернорусских говорах сохранились старые формы.

Однако по мере накопления материалов оказалось, что все новые случаи с *а* на месте *е* перед слогом с *а*, *о*, *у* невозможно объяснить влиянием аналогии. А. А. Шахматов ищет новые объяснения этого явления. В «Истории русского языка» он предлагает сразу два возможных решения; оба они связаны с отверждением шипящих, а потому отнесены уже к более позднему времени. Эти две новые концепции сводятся к следующему: 1) звук *а* на месте *е* появился после отверждения шипящих, когда *я́* перешел в *е* и затем под влиянием отвердевшего звука в *а*; 2) *жана* можно возвести к *жона* (получившемуся после перехода *е* в *о*), т. е. *а* из *о* после отверждения *ж*. При этом остаются необъясненными случаи после *ч* мягкого (Онеж. *очара*, Прогр. АН № 260).⁸⁹

Тем не менее предположение А. А. Шахматова о древности этого явления, высказанное им в «Исследовании о звуках русского языка», позднее поддерживали В. Поржезинский,⁹⁰ П. С. Кузнецов и Р. И. Аванесов.⁹¹ П. С. Кузнецов в примерах *всажанъ*, *на те чарах*, *жалание* из Переяславского евангелия 1354 г. (памятника, написанного на территории Ростово-Суздальской земли) видел отражение описываемой особенности. По его мнению, «такое

⁸⁷ Переписка Шахматова, с. 34.

⁸⁸ Шахматов, 1893, с. 6; см. также с. 9, 62, 83, 85, 98.

⁸⁹ Там же, 1912, с. 267—268.

⁹⁰ Поржезинский, 1920, с. 101.

⁹¹ Аванесов, 1949 (3), с. 103.

произношение не является новым для этих говоров, появившимся в результате проникновения акапья, а характеризует старое произношение и объясняется особыми фонетическими процессами, имевшими место после шипящих». ⁹² Отклонение в системе предударного вокализма после шипящих в учебнике «Русская диалектология» под редакцией П. С. Кузнецова связывается с отвердением шипящих: несмотря на прошедшее отвердение шипящих, часть говоров сохраняет после шипящих предударный вокализм, соответствующий вокализму после мягких согласных. ⁹³

Даже простое приведение неоднократно изменявшихся взглядов А. А. Шахматова на этот вопрос говорит о его чрезвычайной сложности, о затруднительности его разрешения. Представляется, что при рассмотрении данного явления первоочередной задачей является систематизация сведений о распространении его по всей территории севернорусских говоров. Без этого невозможно исследование причин его возникновения.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы из печатных и рукописных источников позволяют нарисовать следующую картину распространения указанных слов.

Архангельские говоры

Прежде всего обращают внимание частые и неоднократные записи слов с *a* на месте *e* после шипящих в разных местах Архангельской губернии (области), в особенности в районе Усть-Цильмы. Здесь зарегистрировано наибольшее количество слов с *a* после шипящего, причем не только в первом предударном слоге, но также во втором предударном, в заударных слогах и после *з* (на месте *ж*): *жалёзный*, *жалёзо*, *жамчѳг*, *жанѳть*, *жанѳх*, *жаребѳци*, *пианѳ*, *ключавоей*, *жамѳный*, *зѳмчужка*, *зѳмчужный* и др. Большое количество примеров отмечено в печорских былинах Н. Е. Оичукова. Много раз здесь встретилось слово *жалезной*, в том числе и с меной *ж—з* (*залезной*) (Ухватил он лонатоцьку жалезную, с. 20; На дворе стоит жалезна кузница. Усть-Цилем., с. 82; Пролизни двери жалезны языком. Усть-Цилем., с. 82; Ворота-ти, двери были жалезны. Усть-Цилем., с. 282; А посадили тут Ставра сына Годинова, Накатили на его плиту залезную. Усть-Цилем., с. 117; Кабы брал-ле в руки палицу жалезную, с. 224; Он ведь брал ведь палицу жалезную, с. 225; Он хватил свой право жалезной прут. Усть-Цилем., с. 249), слово *жамчѳг* и с ударением на первом слоге — *жѳмчуг* (А третьей- от караб да' скатным жѳмчюгом. Усть-Цилем., с. 157; Третьей-от караб' да скатным жѳмчюгом. Усть-Цилем., с. 157; Дорогой-ле товар да' скатной замчуг. Усть-Цилем., с. 184). Помимо слов *жалезо*, *жамчуг* в сборнике Н. Е. Оичукова встретилось несколько других слов с *a* на месте *e*

⁹² Кузнецов, 1949 (1), с. 143—145.

⁹³ Русск. диалект., 1973, с. 70.

после шипящих: *жаню* (Да хопь-лп, Садко, да я тебя жаню? с. 362), *жаних* (Але твой-от жаних, да не жаних он пам, А моя-то ведь девка не невеста вам. Усть-Цилем., с. 193), а также и не в первом предупредительном слоге: *жаребец* (Кабы князь-то выпускает да тридцать жаробыцей. Усть-Цилем., с. 109; Прибегали жаробыци да к каню доброму. Усть-Цилем., с. 109), кроме того, ряд слов с *a* после других шипящих и перед слогом с гласными *a*, *o*, *ы*: . . . как он насыпал пшаны да белояровой (Усть-Цилем., с. 109); Ты корми миня пшаной да белояровой (Усть-Цилем., с. 104); Он насыпал опять пшаны да белояровой (Усть-Цилем., с. 108); Ты подай-ко-ся мне воды ключавой (Пустоозер., с. 320).

В песнях, записанных на Печоре в 1929 и 1955 гг., также имеются интересующие нас слова с *a* на месте *e*: Да ле привозил ко мне цепочку Да кругом шеп замчужнѹ (д. Речево, с. 153); с ударением на *a*: Да на каждой на маковке по замчужке (Усть-Цильма, с. 160); Ох, да ох, мне жанитися? (д. Великая Виска Нарьян Мар).⁹⁴ В былинах А. Маркова (1901) встретилось: по-жаланненькому поклониться (Арх.). В пинежских былинах А. Д. Григорьева (т. 1) отмечены слова *жалезный* (Схватил он осишню жалезное, с. 160), *жалеза* (Куйте жалеза немецкие, с. 158), *жаланный* (И мы вместе же с тобой бы в гости мы схап. . . И ко своей же к жаланной ко мамешке. Мезен. Арх.), *жанился* (Ой, ты здорово жанился, да тебе не с кем спать. Мезен. Арх.).

Может создаться впечатление, что рассматриваемые слова были употребительны только в языке устной народной поэзии. Однако это не так. В конце XIX—начале XX в. они употреблялись в говорах в разговорном языке, а не только по традиции воспроизводились в исполняемых фольклорных произведениях. Слова с *a* на месте *e* после шипящих встречаются в сказках, которые больше, чем другие фольклорные жанры, отражают разговорную речь. В «Северных сказках» Н. Е. Опчукова, например, записанных в тех же местах, что и былины (в районе Усть-Цильмы), несколько раз встретилось слово *залезный*: Эту надпись бросил в чисто поле, сам загонил в залезную траву (Усть-Цилем., с. 14); Добрый конь стоит закопанной в погребу, прикован на цепи залезной (Усть-Цилем., с. 9); зубы залезны, глаза хрустальны (с. 109). Слова *жаних*, *жалезо* можно найти в обычных диалектных записях, в ответах на академические программы, в статьях, представляющих собой описания говоров, и т. п. Так, например, в материалах А. Грандильевского Холмогорского у. Архангельской губ. имеется: *жаланный* (1907), *жаланныцo*, *жаниа*, *жанийтися*, *жаних* (1896). В СРНГ включено слово *жалэзо*, помеченное как пенежское (1897) и архангельское. В Мансика (1912) в пенежских говорах наряду с *золезо* отметил бытование слов *жилезо*, *залэза*, *жалать*, *жалезной*, *крашанина* (материя), *крошанина* (кушанье), *ожарёлок* (воротничок). Корреспондентами МДГ в пенежских говорах были записаны *жалэзо*, *жалайо*, *жалайт*.

⁹⁴ Песни Печоры, 1963.

жеряф (из севернорус. *жерав* 'журавль') (д. Пемпровская, Тр. МДК, вып. 11, № 9а, с. 30—32),⁹⁵ в с. Воскресенском: *жалáнной*, *жалáть* наряду с *пчелíнный*, *желúдок*, *жонíх*, *жолеза*, *пионица* (Тр. МДК, вып. 11, № 6, с. 23—27). В севернорусских сказках в записи А. И. Никпфорова: На Мезепи — жопиться бы желал (с. 322), так жаны-то сказал (с. 318); на Пинеге: Вот, говорит, то есть мой жаних, а это не есь жаних (с. 173), Он жанился (с. 146), зачала (с. 160).

Корреспондентом МДК в городе Пинеге записано: *жани́х*, *жалéзо*, *жалáнный*, *пиани́ца* (Прогр. № 5, 1912; Тр. МДК, вып. 11, с. 22—23). В пинежских говорах также отмечено: *жалéзница* (. . . трава така, против порезки, пажуешь да приложишь к рапы. Симина, 1959). В ответе Шергина на программу МДК из Архангельского у. сообщается, что в окрестностях Архангельска в 1916 г. можно было услышать *жаних* и *жоних*, *жалéзка* и *жолéзка*, *жалáнный*, *жалáть*, *пионица* и *пионница*, *жалудок* и *жолудок* (Тр. МДК, вып. 11, № 1а, с. 2—4). Заметим, что звук *а* сохраняется и в тех случаях, когда на месте *ж* имеется *з*, как в Лепуконской волости Мезепского района, где записано *залéзо*, *жани́х*, *жалáнный*, *жалúдок*, *пчалíнный*, *пиани́ца* (Макаров, Тр. МДК, вып. 11, с. 19). В ответах на программу МДК отмечено: *жалáть* (Арх., Прогр. № 55, 66, 201; Тр. МДК, вып. 11, 12).

По сведениям А. М. Селищева, в архангельских говорах употреблялись: *жалаю*, *шасток*, *пиано*, *жалать*, *чаво* (Кем., Арх.), в Шенкурском уезде Архангельской губернии: *жалать*, *жалезной*, *крашанина*, *ожарелок*, по чаще здесь сочетания с *жо*, *шо*.⁹⁶ В записях М. Романова из Северо-Двинской области (1928) помещены: *жалáнный*, *жалáнный* 'милый, дорогой человек', *жалáннушка*, *жалáнная* 'милая, дорогая женщина', а также *жарáть* 'жрать' из *жерать*, известное еще в Вологодской, Псковской, Пермской областях и на Урале. В СРНГ находим еще *жалáнный* 'милый, дорогой человек', от *жаланья* 'от всего сердца', 'сердечно', 'усердно': Кто на море не бывал, тот от жаланья богу не малявался (Арх.).

Собиратели отмечают, что такое произношение указанных слов встречалось чаще в речи старшего поколения: в ответе на программу МДК собиратель Томилов, описавший говор с. Марьегорского Архангельского уезда (бывшего Пинежского уезда), сообщает, что оно свойственно чаще старикам. Не случайно другой его пример представляет собой топонимическое название *залéзные ворота* (Тр. МДК, вып. 11, с. 5).

Однако и позднейшие записи подтверждают наличие слов с *а* на месте *е* после шипящих в архангельских говорах, например, материалы Диалектологического атласа (Арх. мат. 1-го т., Ленинград) содержат такие сведения. В ответе № 178 из д. Шеговары Шенкурского района сообщается, что в 1-м предупредном слоге на

⁹⁵ Как известно, в программе МДК имелся вопрос (№ 13) о произношении гласного на месте *е* после шипящего в первом предупредном слоге.

⁹⁶ Селищев, 1921, с. 151.

месте *е* и *а* перед твердыми и мягкими согласными в говоре произносится *е*. В качестве исключения из этого правила приводятся слова *жалать*, *жалеть*: Кто жалайот, сходите по ягоды. В текстах этого ответа имеется еще *пчалá*. Слово *жаниўся* находим в ответе № 29 Ф. П. Филипа из с. Унежма (Онеж. Арх., 1939). По современным сведениям Л. И. Пироговой, которая наблюдала говоры Холмогорского района в 1950-х гг., после шипящих в предупредном слого паряду с *о* в этих говорах возможно и *а*. Она записала: *жалёза, жанáты, тежалб, жанá, за жанбй, жану, з жанé, кашамйр, жанййх, жанйлся, пишаница*.⁹⁷ Д. Т. Лисенкова пишет, что в говоре с. Трусово Усть-Цилемского района Коми АССР после шипящих «чаще» наблюдается *а* на месте *е*: *жанá, шар'с'т'áнка, жалудок, шастбй, жал'éz'ина, жан'йх, пишанйц'ной, жалáт', чатв'ерк, чац'в'брта*.⁹⁸

В Архангельской губ. (области), таким образом, было записано более трех десятков слов с *а* на месте *е* после шипящих, по нашим подсчетам — 35, т. е. состав слов общенародного словаря, например, по словарю С. И. Ожегова, с *е* после *ж* почти полностью исчерпан. Только шесть слов (*жевать, желвак, желтеть, желток, желтуха, жеребая*) не попали в число слов, записанных в архангельских говорах с *а* на месте *е*. Впрочем, этому легко можно найти объяснение: во-первых, нельзя сказать, что записи этих слов были полными; во-вторых, часть этих слов, как *жевать, желвак, жеребая*, могла отсутствовать в обследованных говорах. Слово *жеребая*, например, считается южнорусским по происхождению; вполне возможно, что на Севере оно не было известно. Характерны в этом отношении показания диалектных материалов. В материалах находим следующие записи: *Кобыла-бережа*. Это жереба при колхозе стали (Арх., 1949). Мы раньше и не слыхали, что так (жеребая) звать, все бережа (Вожгора Лешукон. Арх.). Бережа — по-прежнему, это уж поне жеребая (Вершинская Устьян. Арх., 1950). В СРНГ (вып. 2) слово *бережая* имеет указание на распространение его в Архангельской, Северодвинской, Вологодской, Олонецкой губерниях. Кроме того, оно помечено как новгородское, ленинградское, ярославское, костромское, владимирское, вятское.

Со значением 'жевать' на Севере употребляются слова *жвачить* (о животных; Волог.), *жáвкать, жáвкнуть* (Волог., Яросл., Влад., Вят.), *жáвлять* (Костром., Яросл., Перм.) и *жвáкать* (Яросл., Вят.). В значении 'ударять, бить' *жвáкать* зарегистрировано в Вытегорском у. Олонецкой губ., а в значении 'укусить', 'ужалить' — в Петрозаводском у.; таким образом, можно думать, что и здесь оно употребляется в значении 'есть, жевать'.⁹⁹

Состав записанных в архангельских говорах слов при повторяющейся общей части во всех пунктах (*жалать, жалáнный*,

⁹⁷ Пирогова, 1959, с. 185—186, 205.

⁹⁸ Лисенкова, 1962, с. 55—68.

⁹⁹ См.: СРНГ, вып. 9.

производные — *жалáнье, жалáтник*; *жанá, жанийть, жанийться, жанийх*; *жалéзо, жалéзный* и производные — *жалéзка, жалéзина, жалéзница*; *замчúжка, замчúжный*; *пианí, пианó, пианийца, пианийцной*) довольно разнообразен, что объясняется наличием несовпадающей части слов в каждом из говоров. Слова, характеризующие отдельные конкретные говоры, следующие: *жарáв, ожарёлок, крашанийна* 'материя', *крошанийна* 'кушанье', *пчалá* (Шенк. Арх.), *тежалó, кашамир* (Холмог. Арх.), *пчалыйный* (Мезен. Арх.), *ключавой* (Пустооз. Арх.), *зачанийла* (Пинеж. Арх.), *жалúдак* (Усть-Цилем., Арх. Арх.), *чавó, шастóк* (Кем. Арх.), *шарстýнка, шастóй, чат'в'ёрк, чац'в'ёрта* (Усть-Цилем. Арх.). Как правило, они имеют неоднократную фиксацию. Думается, что приведенные факты дают основание предположить наличие в прошлом в архангельских говорах определенного фонетического явления, с результатами которого мы теперь встречаемся. На это указывает и другое: наличие в тех же архангельских говорах, в которых отмечены слова *жалáть, жанийть* и др., произношения *a* на месте *e* после мягких согласных (об этом есть сведения в ряде описаний архангельских говоров). Например, в говоре д. Пемпировской Шенкурского уезда, где отмечено *жалéзо, жалáю*, одновременно имеется *понясú, помялó* (в других словах в этом положении — *e*) (Гр. МДК, вып. 11, с. 30—32). Л. И. Пирогова, описавшая говор Холмогорского района, отмечая там еканье, в то же время сообщает о произношении в говорах Холмогорского района в отдельных случаях *a*: «Встретился нам переход *э* в *a* в положении после мягкого согласного перед твердым: т'анлó, п'ир'анийта (Лом.), пон'аслáс', побр'аду, пов'ариулас', у с'астры (Кон.), ц'авó ц'агó (Рак.), н'аслá, з'арпóm; н'и з'амнууу, с'в'акрóф' (Б. Тавра), вос'амнáдцат'и, ростр'анáлас', кол'асó, кол'анкор, н'акут, пр'ив'азут (В. Мат.)». ¹⁰⁰ В рукописном словаре говоров по р. Устье Северо-Двинской губернии М. Романова (Архив Слов. карт., ИРЯЗ, Ленинград) встретились слова *ляиúть* 'плеснуть' из *ленуть, мяздра* 'мездра', в которых *a* на месте *e* при обычном в этом положении произношении *e* или *ё* (напомним, что в словаре М. Романова обнаружены и слова с *a* после шипящего).

Олонекские говоры

Особое место занимают материалы из олонекских говоров. В этих говорах, особенно в Заонежье, слова *жалéзный, жалáнный* записывались неоднократно. В словаре Г. Куликовского (1898) находим: *жанийтьба, жанийться, жанийх, цакотать* (Петрозав. Олон.). В сказке из сборника Н. Е. Опчукова (в записи А. А. Шахматова): Дпд водяник выноу из воды с палицей залезной (Петрозав. Олон., Сев. сказки, с. 269). Из причитаний Ирины Федосовой: А как я тебя, жалáнна, провожала (ч. 3, с. 64); Что

¹⁰⁰ Пирогова, 1959, с. 185.

жаланного-то нашего солдатика (ч. 3, с. 63); великое жаланьще (ч. 3, с. 65).¹⁰¹ В описании В. Мансикки (1915) имеется: *жалать, ришато, вцярá* (Шудож. Олон., с. 145). Р. И. Аванесов (1949, 1) в говоре с. Семеновского на р. Водле, предударный вокализм которого характеризуется ёканьем — еканьем, записал *пшанийцу* (с. 246). В СРНГ (вып. 9) есть еще: *жаланный* (прил. и в знач. сущ.; Олон.), *жаланьщице* (Вытегор. Олон., 1896), *жалезо* (Олон.).

Однако существует мнение, согласно которому все приведенные олонецкие примеры объясняются особым явлением, характерным для этих говоров, — «ляпаньем».¹⁰² Действительно, в современных записях заонежских говоров наши слова отличаются от записей их в других местах: здесь *а* на месте *е* получает ударение: *жáних* (Скуратова, 1962, с. 50), *жáнихи* (Скуратова, 1963, с. 71), *найди жáнига* (Доля, 1963, с. 129). Такого перемещения ударения не наблюдается в старых записях, и они в этом смысле ничем не отличаются от таких же записей архангельских говоров. Если учесть характер заонежских говоров, сходство их с поморскими, архангельскими, наличие тех же старых особенностей,¹⁰³ то можно допустить, что и в олонецких говорах мы встречаемся со следами того же явления, однако позже соединившегося с новым диалектным явлением — «ляпаньем».

Вологодские говоры

Наличие отдельных слов с *а* на месте *е* после шипящих отмечалось и в вологодских говорах. Слова *залезо*, *жалезный* и *залезный* помещены уже в Опыте (1852); бытование их в Вологодской губернии подтвердили Шейн (Архив АН, ф. 104, № 844) и П. А. Дилакторский (Архив Слов. карт. ИРЯЗ, Ленинград, 1902, шифр № 35): У него точно жалезное здоровье-то. В словаре Дилакторского имеется еще *жалать*. В ответе № 28 на академическую программу (из Устюженского у.) есть *жалéзо* и *залезо*. В записях собирателя Обнорского *жаланный* вместо *желанный* (*жаланное дитяtko*), *жаланье*, *жалать* (Волог., Грязов. Волог., 1898). В. Мансикка (1915, 1) в Никольском у. записал: *жалáдной* (из *жаланной*) 'желанный', *жалать*, *ножанька* (с. 202, 207). В ответе № 49а (1912) на программу МДК из Сольвычегодского у. имеется *жоних*, *пионйца*, но *жалать* (Тр. МДК, вып. 11, с. 114—116). Неоднократно слово *жалать* в Вологодской губернии отмечалось собирателями, отвечавшими на академические программы (Матер. для изуч. великорус. говоров, вып. 9, 1910, с. 34). В СРНГ находим еще: *жаланный* (Волог.), *жалать* (Неужели он ещё больше будет жалать. Великоуст. Волог.), *жалéзо*, *жанáтый*,

¹⁰¹ Агреева-Славянская, ч. 3.

¹⁰² Гринкова, 1947 (2), с. 372.

¹⁰³ См. мнение об этом В. В. Колесова, изложенное им в статье «Диалектологические экзотизмы в Заонежье» (Колесов, 1966, с. 157—158).

жани́ться, жани́х (Волог.). И современные записи вологодских говоров указывают на бытование слов с *а* на месте *е*, например: *Жани́х-то* с попом придут за невестой (пос. Жихарево Жихар., 1961), *жани́лся* (д. Самойловская Вожегод., 1968).¹⁰⁴

Новгородские и ленинградские говоры

Описываемые слова регистрировались и в говорах Ленинградской области: *жалать, жаних* (Лужск. Ленингр., Тр. МДК, вып. 11, с. 184), *жаланный, жаних, пшани́ца* и даже — *чатырех, жаних* (во 2-м предударном слоге), но *железо, пчелиный* (Шлиссельб. Петерб., Тр. МДК, вып. 11, с. 185), *жаланный* 'приветливое слово' (Лодейноп. Ленингр., Фомин-Светляк, 1928); Ох, ты [каланная, скажи-ка мне-ка (Ленингр., СРНГ).

Приведенные материалы показывают, что рассматриваемое явление было распространено в архангельских, олонечких и вологодских говорах, т. е. в говорах, генетически связанных с новгородскими. Здесь оно было довольно устойчиво (особенно в архангельских говорах): слова с *а* на месте *е* после шипящих регистрировались различными собирателями и диалектологами в разное время начиная с середины XIX в. Есть все основания предполагать, что слова с *а* после шипящих бытовали и в новгородских говорах.

Действительно, в новгородских говорах (причем в различных местах Новгородской губернии) собиратели не раз отмечали слова с *а* на месте *е* после шипящих: *по жализу* (Архив РГО, XXIV, 30, г. Тихвин, Невинский), *жаланный* 'милый, любезный' (Тихв. Новг., Дестунис, 1854), *жалезо* и *залезо* (Белозер. Новг., Прогр. № 166). В предисловии к сказкам Белозерского края Б. и Ю. Соколовы писали о том, что после шипящих в говорах Белозерского у. наряду с *о* может произноситься *а*: «жонá, жонáтой, жолáть, жолáнный, жонíх, хотя часто жани́х, жалáнный» (с. СХ), «... мы слышали также *А* в словах: жанá, жани́х, жалáнный, жалáть, пшани́шной» (с. СХ).¹⁰⁵ Из текста сказок Б. и Ю. Соколовых: Гляди-ка, нянюшка, глаза-то какие у них вдоль лица и зубы, как жалезные (с. 113); *жана, жаной* (с. 81), *жана* (с. 83), *жалаю* (с. 81). Примечательно, что в белозерских говорах Б. и Ю. Соколовы слышали в отдельных словах *а* на месте *е* в безударном и ударном слогах.¹⁰⁶ По сведениям А. М. Селищева (1921), в новгородских говорах употреблялись еще *жанат, жаних* (д. Волкова Белозер., с. 151). В СРНГ находим: *жалáнный, жалéз, жанá, жанáтый* (Новг.). По современным данным А. Ф. Марецкой, в говорах Старорусского района Новгородской области в отдельных словах после шипящих на месте *е* наблюдалось *а* (при *о* и *е* во всех

¹⁰⁴ Родионова-Нащокина, 1976, с. 19—21.

¹⁰⁵ Соколовы, 1915, с. СХ.

¹⁰⁶ Там же, с. СХ—СХІ.

других случаях): *жалáть*, *пожалали*, *жан'их*, *пиан'ица*, *пиан'ишный*, *мука пиан'ишна*, *шастайа*, *ишат'инка*, *фчарас'*, *за чарн'ицой*.¹⁰⁷ В описании окающих говоров Лычковского района Новгородской области О. А. Князевская замечает, что после шипящих в этих говорах могут произноситься *о* (только перед твердыми) и *е*. При этом наблюдается отклонение от этого правила: в некоторых словах здесь зарегистрирован звук *а*: *жалáйет'е*, *жалáйу*, *жанáтый*, *жан'илс'и*, *пиан'ица*, *пиан'ишный*.¹⁰⁸

В окающих тверских говорах (при наличии ёканья) отмечено *жаланный* (д. Бережницы, Савино, Харавичи Лукинской волости Весьегон. уезда, Тр. МДК, вып. 3). В окающем псковском говоре (с. Торопатцы Холмского уезда, 1903) при оканье, произношении *о* на месте *е* после шипящих, *а* записано в словах: *жалезо*, *жаних*, *жанат*, *жалать*, *чатыре* и т. д. (Матер. для изуч. великорус. говоров, вып. 8, 1903, с. 105—111).

Очевидно, та же особенность отразилась в слове *шалóник* 'юго-западный ветер' (Новг., Олон., Арх., Байкал, Иркут., Тобол.), которое известно наряду с *шелоник*.¹⁰⁹

Поволжские говоры

Слова с *а* на месте *е* после шипящих записывались в других севернорусских говорах: в поволжских, вятских и пермских. Слово *жалáнный* было записано в с. Ермаково Пошехонского у. Ярославской губ. в 1850 г.; *жалáть* с указанием на бытование его в Нижегородской губ. попало в Дополнение к Опыту (1858). Находим их также в ответах на академическую программу: *жалáть* (Меленк. Влад., Матер. для изуч. великорус. говоров, вып. 9, с. 34), *пианисный* (с. Параты Казан. Казан., Прогр. № 62, Челноков, 1897). Во владимирских говорах еще *жалáние*, *жалáть* (Чернышев, 1910), *от жалáнья* 'от всего сердца', *жанá*, *жанáтый* (СРНГ). В записях костромских говоров, например Маркова из Ветлужского у. Костромской губ., встретилось: *жани́ло*, *жалáника* 'милая, любимая' (1907), *жалáнница* 'милая, дорогая женщина', *жалáнный*, *жани́ться*, *жани́х* (1913).

Сведения о рассматриваемых словах в поволжских говорах содержатся и в ответах на программу МДК. Как правило, слова с *а* приводятся здесь в качестве исключения из обычного в этом положении произношения звука *е* или *ё*: *желéзо*, *пчели́ный*, *пшени́ца*, но *жалáнный*, *жалáть*, *жалудок*, *жани́х*, *жани́ха* (д. Моловые Макар. Костром., Аполлов, Тр. МДК, вып. 11, с. 171); *жалáнный*, но *железо*, *жених*, *жолудок*, *пчели́ный*, *пшени́ца* (Костром. Костром., Павлычев, Тр. МДК, вып. 11, с. 162); *жених*, *жалезо*

¹⁰⁷ Марецкая, 1953, с. 136—137.

¹⁰⁸ Князевская, 1962, с. 148—155.

¹⁰⁹ По Фасмеру, от названия р. Шелонь.

иногда *залезо*, *зелезо*, но редко), *желудок*, *желанной*, *пчелиный*, «почти всегда говорят не *журавль*, *журавли*, а *жа́ровель*, *жа́ровли*» (Варнав. Костром., Пономарев, Тр. МДК, вып. 11, с. 176); *желёзо*, *женіх*, *жолѹдок*, *пчѣлі́ный*, *пи́еница*, *жаелать*, *жалáнной* (с. Протасово Нерехот. Костром., Жданова, Тр. МДК, вып. 11, с. 164); *железо*, *жених*, но *жаланной*, *жолудок*, *пчолинный* (с. Никольское Нерехот. Костром., Тр. МДК, вып. 11, с. 173). Слово *жалáть* при *е* в других словах записано в д. Твердино Костром. (Тр. МДК, вып. 11, с. 160—161), в Родниковской волости Юрьев. Иван.-Вознес. (б. Костром.) (Тр. МДК, вып. 11, с. 170—172). Записи из других поволжских говоров: *пчели́ный*, *женіх*, *желёзо*, *пи́еница*, но *жолѹдок*, *жалáнный*, *жалáть* (д. Новинки-Абрамовы Александров. Влад., Липин, Тр. МДК, вып. 11, с. 35—36); *жалáть*, остальные с *е* (д. Микшино Ковров. Влад., Молев, Тр. МДК, вып. 11, с. 38—41; д. Афанас. волости Шуйск. Влад., Кузьмин, Тр. МДК, вып. 11, с. 60); *железо* и *жылёзо* (женщины — *зилезо*), *жених* и *жыних*, *жалáнной*, *жалáть*, *жана* (с. Заколпье и селцо Константиново Меленк. Влад., Красильников, Тр. МДК, вып. 11, с. 41); *жолѹдок*, *жыніх*, *жылёзо*, *пи́ыніцы*, *жалáть* (Меленк. Влад., Тр. МДК, вып. 11, с. 44); *жалать* (Яросл., Прогр. № 172, Тр. МДК, вып. 12); *жалáнный*, *жалáть*, *жанихи*, остальные с *е* (с. Абрамово Арзамас. Нижегород., Тр. МДК, вып. 11, с. 1); *жалáть*, остальные с *е* (д. Мерлино Арзамас. Нижегород., Тр. МДК, вып. 12, с. 3); *пчели́ный*, *женіх*, *желёзо*, *пи́еница*, *жалáнный*, *жалать* (с. Верхний Услон Свияж. Казан., Тр. МДК, вып. 11, с. 133—134); *жалáнный*, *жалáть*, *железо*, *женіх*, *жолѹдок*, *пчели́ный* (д. Баиковка и с. Яшевка Б. Казан. губ. Тетюш. у., Тр. МДК, вып. 11, с. 136); *пчели́ный*, *женіх*, *желёзо*, *пи́еница*, *жолѹдок*, *жалáнный*, *жалáть* (с. Монастырское Тетюш. Казан., Тр. МДК, вып. 11, с. 138); *желáнный*, *железо*, *жених*, *желудок*, *пчели́ный*, *пи́еница*, но *жалáнный*, *жалáть*, *жаних*, *пи́аница*, *жолѹдок* (д. Щепетково (Орша) Царевококш. Казан., Иванов, Тр. МДК, вып. 11, с. 140); *жалáть*, остальные с *е* (д. Большое Шиганово и д. Помаштур, Федоров, Тр. МДК, вып. 11, с. 142; д. Михайловка Царевококш. Казан., Тр. МДК, вып. 11, с. 147—148); *жалáнный*, *пи́аница*, но *пчели́ный*, *железо*, *женіх*, *желѹдок* (с. Малый Абаскур, д. Шули—Ярамор и В. Выселки Ярамор Царевококш. Казан., Заметин, Тр. МДК, вып. 11, с. 150). Из записей в Симбирской губ.: *жанá*, *жанáтый*, *жаних*, *жалати* (Курмыш. Симб.).

И по современным наблюдениям, например в говорах Любимского района Ярославской области, при обычном произношении после шипящих *е* и *о* на месте *е* (*женá*, *жонá*, *пи́енó*, *жолток* и т. п.) в слове *желать* и его производных отмечается *а*: *жалáть*, *жалáли*, *жалáние*, по *жалáнию*, *жалáтельно*.¹¹⁰ Произношение слова *желать* с *а* зарегистрировано также в мышкинских говорах

¹¹⁰ Бородина, 1968, с. 140.

(Яросл.).¹¹¹ По сведениям Н. А. Романовой, в говоре с. Ваганово Галичского района Костромской области говорят *жалéза* 'железный лист', *жалезинка*, *жавать* (1975).

Таким образом, бытование рассматриваемых слов в 'поволжских' говорах отличается от бытования их в архангельских говорах. Здесь зарегистрировано всего 16 слов (по нашим сведениям) с *a* на месте *e* после шипящих, причем бросается в глаза наибольшее количество регистраций слов *жалáть*, *жалáнный*. В отдельных пунктах известны или только два эти слова, или одно из них. Остальные слова встречаются гораздо реже. Среди последних только слово *жаних* (с *a*) записывалось неоднократно. Состав лексики характеризуется однородностью: 6 слов с корнем *жел(ать)*, 5 слов с корнем *жен(ить)*. Остальные слова (*жалезо*, *жаровель*, *пианисный*, *пианица*, *жалудок*) зарегистрированы по одному разу.

Вятские говоры

В вятских, уральских и некоторых соседних с ними говорах интересующие нас слова также отмечались собирателями. В ответах на академические программы имеется: *залéзо*, *залéзный* (Акм., Прогр. АН № 75), *залéза* (Оренб., Прогр. № 5), *жалезный* (Малмыж. Вят., Прогр. № 79; Яран. Вят., Прогр. № 59), *залéзной* (Слобод. Вят., Прогр. № 65; Орл. Вят., Прогр. № 63), *залéзо*, *жалéзо*, *з жалéзу*, *жалезной* при *жона*, *жонат*, *жоних* и др. (Яран. Вят., Прогр. № 59). В ответе № 52 из с. Колобово Нолинского у. Вятской губ. при ёканье после шипящих говорят *жани́х*, *залéзо*, *жалáть*, *жанат*, *жаны́* (Матер. для изуч. великорус. говоров, вып. 8, с. 92). Залéзом ноги закуют — в записи Дьяконовой (Нолин. Вят., 1896). В сказках Зеленина: *залéзный* (Вят., 1915).¹¹² В отчете Зеленина о диалектологической поездке в Вятскую губернию: *залезняк* 'болезнь животных': По всей нутреносте у нее топериче залезняк ходит с черевным ногтём (Глазов. Вят.).¹¹³ В современных материалах Е. П. Лупповой: *залéско* *зделают* (Удмурт. АССР). В СРНГ еще: *жалáть* в значении 'желать' и 'приглашать в гости' (Вят., 1907), *жалéзный*, *жалéзо*, *жанáтый*, *жани́х* (Вят.), *жалáть*, *жанá*, *жани́ться*, *жани́х* (Уфим.), *жалéзо* (Акм.). По сведениям Р. А. Юналеевой, в речи старшего поколения в русских говорах северо-восточной части Башкирии наблюдается параллельное употребление слов *жэ́лать* — *жалáть*, *жолу́док* — *жалу́док*, *жол'éзо* — *зал'éзо*, *жалéзну* *крышу*.¹¹⁴

¹¹¹ Соцкова, 1964, с. 85.

¹¹² Зеленин, 1915.

¹¹³ Зеленин, 1903, с. 57.

¹¹⁴ Юналеева, 1961, с. 121, 239.

В записях собирателя Луканина: *желáтельно*, *жалáть*, *залéзо*, *залéзной*, *залезá* 'железы' (Чирей сел на лопатку, дак на шее-то залезá отметались. Перм., 1856); *залéзо*, *жанá*, *жанáтый*, *жáнийтьба*, *жáнийться* 'жениться' и 'выходить замуж' (Осин. Перм., 1896); *жáнийться* 'жениться' и 'замуж выходить' (Верхотур. Перм., СРНГ), а также *жалáнный* от *жалáнья* 'от всего сердца', *жáнийх* (Жаних оболокся вот в эдаку гуню. Перм., СРНГ). Из ответов на академическую программу: *залезо*, *залезной* (Кунгур. Перм., Прогр. № 134); *залезо*, *залезной*, *залеза* 'железа' (болезнь) (Красноуфим. Перм., Прогр. № 137); *залезо* (Шадр. Перм., Прогр. № 211); *жалéзо* (Шадр. Перм., Прогр. № 86; Ирбит. Перм., Прогр. № 204; Красноуфим. Перм., Прогр. № 209); *жолезо* или *золезо*, *залезо*, *зелезо* (Чердын. Перм., Прогр. № 258); *золезо* и *жалéзо* (Верхотур. Перм., Прогр. № 154); *залезо*, *золезо* (Соликам. Перм., Прогр. № 180); *залезной* (Соликам. Перм., Прогр. № 207). В ответе на прогр. № 181: Подумыват уж было он поныче итти робить-то на залéзну дорогу (Соликам. Перм.). Из легенд Н. Е. Ончукова: . . . раскалил залезной прут (Тавд. Свердл., 1926). В словаре Миртова: *залéзна печка* (Охан. Перм.), *полы-те залезные* (Тобол., Шадр., Перм.), *залéзо* (Перм., Охан., Шадр. Перм.), *залéзка* 'железная дорога' (Перм.), *залéзница* 'вид рыбы' (Охан. Перм., 1930). У собирателя Бирюкова: *залéзо*, *залéзный* (1933—1936). Из современных записей: *жалéзо* (Урал) и *жанáч* 'женатый, молодой мужчина' (Урал, 1960).

Таким образом, в вятских и уральских говорах из слов рассматриваемого типа употребляются главным образом слова с корнем *желез-* (с меной *ж* на *з*). Именно эти слова получили распространение в некоторых сибирских говорах: *залéзо* (Енис., Нахомов; Сиб., Селищев), *залéзина* (Сузун. Новосиб., 1964), *залéзный* (Том., 1913).

Приведенные материалы дают возможность говорить о различиях в количестве и наборе рассматриваемых слов между говорами, генетически связанными с новгородскими (что наиболее ярко проявилось в архангельских материалах) и другими севернорусскими говорами. В первых зарегистрировано наибольшее количество слов с *а* на месте *е* после шипящих (по нашим подсчетам — 41), произведено наибольшее количество фиксаций этих слов; состав зарегистрированных слов отличается разнообразием. В поволжских говорах, например, слов записано почти в три раза меньше (16), налицо небольшое количество фиксаций, однообразный состав слов (главным образом, слова с двумя корнями: *жел(ать)* и *жен(ить)*). Нельзя забывать, конечно, и о том, что это различие в известной степени объясняется разными условиями развития диалектов (как известно, географические и другие условия русского Севера способствовали консервации диалектных особенностей). Все же характер архангельских материалов (довольно большое количество слов и разнообразный состав их)

указывает на наличие в прошлом в архангельских говорах определенного фонетического явления.

Следовательно, явление, которое, на первый взгляд, кажется противоречащим системе севернорусского вокализма, связано с характером этой системы, выводится из нее. Специфический характер предударного вокализма после мягких согласных поморских говоров заключается в том, что в архангельских говорах, например, на месте *e* после мягких согласных произносится *e*, а не *o*¹¹⁵ или же слабо лабиализованный звук *e*, как в говоре с. Семеповского Пудожского района на р. Водле.¹¹⁶ Именно старые системы новгородского типа отличаются слабой лабиализацией предударного *e*. На территории, исторически связанной с новгородской колонизацией, есть говоры с непоследовательной лабиализацией [*e*].¹¹⁷ По наблюдению Р. И. Аванесова, в олонечных говорах, например, предударное *o* после мягких согласных произносится как звук переднего образования со слабой лабиализацией, т. е. представляет собой слегка лабиализованное *e*, в то время как во владимиро-вологодских и вологодско-вятских говорах предударное *e* имеет более заднее образование и большую степень лабиализации.¹¹⁸

На частое *e* в первом предударном слоге в говорах по берегам оз. Ильмень указывали еще В. И. Даль («Звук *e* местами не так часто переходит в *ё*, как в восточном наречии: *ты ведёшь, мы ведём, ты смеёшься, женка, черный*; в этих и других словах произносится *e*, а не *ё*. Говорят также *кольце, хороше*».¹¹⁹ и А. И. Соболевский.¹²⁰ С. К. Пожарицкая, специально изучавшая вопрос о произношении звуков на месте *e* в первом предударном слоге в севернорусских говорах и составившая карту этого явления, пришла к выводу, что к северу от Волги ёканье «в значительной части говоров вообще не отмечается».¹²¹

Как известно, архангельские говоры, отличающиеся наибольшей сохранностью архаичных черт, до сих пор имеют или имели совсем недавно такие старые особенности, как мягкое цоканье, произношение особых звуков на месте старого *ѣ* (т. е. следы наличия в недалеком прошлом особой фонемы *ѣ*). В них позже, чем в других севернорусских говорах, произошло падение редуцированных гласных и, следовательно, позже стали формироваться черты, связанные с их утратой.¹²² Иное, чем в южнорусских говорах, соотношение ударных и безударных слогов, при котором

¹¹⁵ По материалам МДК, Опыту диалектологической карты, ответам на программу Диалектологического Атласа (Арх. материалы 1-го т. Атласа, Ленинград), материалам Диалектологического атласа и описаниям говоров А. Грандильевского, В. Мапсикки, О. Брока, Л. И. Пироговой и др.

¹¹⁶ Аванесов, 1949 (1), с. 244.

¹¹⁷ Горшкова, 1968, с. 90.

¹¹⁸ Аванесов, 1947, с. 12.

¹¹⁹ Даль, 1955, т. 1, с. XII—LXXXV.

¹²⁰ Соболевский, 1897, с. 43—44.

¹²¹ Пожарицкая, 1964, с. 94.

¹²² См.: Горшкова, 1968, с. 171—172.

гласные безударных слогов незначительно отличаются по своей полновесности и длительности от ударных, продолжительное время позволяло сохранять старые особенности предударного вокализма после мягких, точно так же, как эта система давала возможность различать неударные *а* и *о*.

Таким образом, наблюдается зависимость наличия исследуемого явления от типа говора. Наибольшее количество случаев с *а* на месте *е* отмечается в говорах, восходящих исторически к новгородским; в говорах новолужских, наоборот, таких слов мало. Конкретные системы говоров хорошо иллюстрируют это. В говоре с. Трусово Усть-Цильмского района Коми АССР, описанном Д. Т. Лисенковой (*а*, как известно, в районе Усть-Цильмы зарегистрировано наибольшее количество примеров), предударные *о* и *а* хорошо различаются. Здесь же отмечаются такие архаические особенности, как остатки произношения звука *и* на месте *ѣ*. Результаты перехода *е* в *о* свидетельствуют о том, что он происходил непоследовательно. Фонемы *е* и *а* после мягких в предударном положении перед твердыми и мягкими согласными и перед шипящими реализуются в звуке *е*. В то же время после шипящих «чаще» наблюдается *а*: *жанá*, *шарс'т'ánка*, *жалúдок*, *шастбóй*, *жал'ézина*, *жан'úх*, *пианíц'ной* *хл'ен*, *жалít'*, *чатв'ёрк*, *чац'в'рта*. В этом же положении, по словам Д. Т. Лисенковой, отмечены случаи произношения *о* (*жонбóй*, *пионбó*, *жолтбóк*, *жонú*, *жонú*).¹²³

Поморские говоры сел Ломоносово, Ракула, Копачево, Б. Товра, Верхние Матигоры Холмогорского района Архангельской области, по описанию Л. Н. Пироговой, имеют шестифонемный состав гласных (*о — ё — е — а — и — у*), следы наличия в прошлом на месте *ѣ* особого звука, твердое и мягкое *ц*: оканье и еканье. После шипящих на месте *е* встречается то *о*, то *а*: *жонá*, *жол'эзна*, *жон'úх*, *пишохóдом*, *пишогол'áла*, *жолтúха*, *з жолúт-ком*, *з жонбóй*, *жолúдок*, *шостбóй* и *жал'эза*, *жанáты*, *т'ежалбó*, *жанá*, *жанбóй*, *жанú*, *г жан'é*, *жан'úх*, *жан'úлся*, *пиан'úца*, *кашам'úр*. А на месте *е* в предударном положении отмечено и после мягких согласных (наряду с преобладающим произношением здесь *е*; в нескольких словах — *о*): *т'аплбó*, *п'ир'ашúта*, *пон'аслúс'*, *побр'адú*, *пов'арнúлас'*, *у с'астрú*, *ц'авбó*, *ц'агбó*, *п'аслá*, *з'арнбóм*, *п'из'амнúйу*, *с'в'акрбф'*, *вос'амнáццат'и*, *ростр'апалас'*, *кол'асбó*, *кол'анкбóровы*, *п'акúт*, *пр'ив'азúт*, *л'аснбóй*, *р'акá*, *за р'акбóй*.¹²⁴

Говор д. Терехово-Малахова Белозерского уезда Понгородской губернии, где Б. и Ю. Соколовы записали слова *жанúх*, *жалáп-ный*, *жалít'*, *пианíшный*, отличался также чертами архаичности. В нем сохранялось мягкое цоканье; безударные *о* и *а* различались, на месте *ѣ* перед мягкими согласными произносился *и*; имелись следы произношения *и* (на месте начального *в* в ряде слов записан *у*). В этом говоре налицо результаты перехода *е* в *о* независимо от ударения, однако встречаются случаи, когда такого перехода

¹²³ Лисенкова, 1962, с. 55—68.

¹²⁴ Пирогова, 1959, с. 179—226.

не произошло даже под ударением. При этом Соколовыми зарегистрированы отдельные слова, где *a* на месте *e* (в ударном и предударном слогах): а) перед твердыми согласными — *головяшка*, *хряснет*, *Ягор*, *нитянки*; б) перед мягкими согласными — *врямё*, *ядёной* (иногда *ёдиной*, например, *с ёдину*).¹²⁶

Являясь отличительной особенностью старой системы, само это явление уже в конце XIX—начале XX в. было архаизмом и, по свидетельству собирателей, выходило из употребления. В описаниях говоров встречаются указания на устарелость, малоупотребительность слов *жалать*, *жаних*. Нередко пишется, что *жа* говорят только старики, а *жо*, *шо* указываются в качестве нового произношения в говоре (по словам А. М. Селищева, так, например, в Шенкурском уезде Архангельской губернии).¹²⁶

Кроме того, характерной особенностью таких систем, по наблюдению С. К. Пожарицкой, основанному на материалах Диалектологического атласа, является более передний и более верхний характер *a* после мягких согласных и, следовательно, слабая акустическая противопоставленность звуков *e* и *a*,¹²⁷ произношение на месте предударного *e* звука среднего между *a* и *e*, «который наблюдатели частично отождествляют с *a*, частично же — с *e*, значительно огрубляя и в том и в другом случае факты живого произношения».¹²⁸

Наличие в говорах повгородского типа такого *e* объясняется самим характером этих говоров, который в недалеком прошлом отличался шестифонемным (*o — e — ê — a — u — y*) или семифонемным составом гласных (*o — ô — e — ê — a — u — y*). Сама система этих говоров (в отличие от говоров поволжских) требовала более отчетливого противопоставления двух фонем *e* (*e* и *ê*).

Таким образом, архаическая система повгородского типа с четким противопоставлением двух фонем *e* (открытой и закрытой) вследствие слабой лабиализации *e* или вообще отсутствия таковой в период перехода *e* в *o* могла стать почвой, на которой появились слова с *a* на месте *e* после шипящего.

Объяснение принципиальной возможности рассматриваемого явления в говорах архаического типа не позволяет, однако, ответить сразу на все конкретные вопросы, встающие перед лексикологом. В отличие от других исследователей лексиколог не может удовлетвориться изучением только общих причин появления определенного явления; он обязан интересоваться конкретными причинами изменений фонетического облика каждого слова. Целью оставить без внимания, например, следующие факты: а) сохранение в говорах слов с *a* на месте *e* после шипящих, а не после мягких согласных. Как уже говорилось, случаи, в которых это

¹²⁶ Соколовы, 1910, с. 51—67.

¹²⁶ Селищев, 1921, с. 151.

¹²⁷ Возможно, об этом свидетельствует колебание в написании слова *пинежский* в тексте важских порядных XVII в.: Пипяжской волости (3 раза), Пинежской волости, пѣнежскому чудотворцу, на Пѣненку и т. п. (Дерягин, 1971, с. 151—188).

¹²⁸ Пожарицкая, 1964, с. 100.

явление поддерживается параллельным произношением в отдельных словах *а* на месте *е* после мягких согласных, встречаются довольно редко; б) *а* на месте *е* встречается главным образом в словах после *ж* и *ш* и гораздо реже после *ч*.

Ответом на это могут служить лишь некоторые соображения, к которым приводит изученный материал. Думается, что причину сохранения слов с *а* после *ж*, *ш* надо искать прежде всего в изменении качества самих шипящих *ж*, *ш*. Естественно предположить, что *е* открытый в сочетаниях *ж* (*ш*) плюс *е* открытый после отвердения шипящих стал или особенно близок к *а*, или совпал с ним. Сочетания *жа*, *ша*, таким образом, совпали с сочетаниями твердый согласный плюс *а*, что давало им возможность сохраняться в севернорусских говорах новгородского типа, где *а* между мягкими согласными и нередко после мягкого перед твердым согласным после падения глухих изменялся в *е*. Нельзя не отметить эту особенность сочетаний гласных с отвердевшими шипящими, заключающуюся в том, что такие сочетания в отличие от сочетаний гласных с мягкими согласными имеют тенденцию сохраняться, несмотря на изменения, происходящие в диалектах. В говорах Опаринского района Кировской области, например, старое ёканье сменяется еканьем, однако после шипящих и в формах слова *лежать* оно еще держится (*л'ожѣ*, *л'ожѣла*, *л'ожѣл*, *жонѣ*, *жанѣй*, *жонѣ*, *у жонѣ*, *жонѣйх* и т. п.).¹²⁹ Что касается сочетаний *ч* плюс *е* открытый, то они совпали с сочетаниями мягкий согласный плюс *е* открытый и разделили их судьбу. Как показывают наши материалы, слова с *а* на месте *е* после *ч* в говорах встречаются гораздо реже — записи их буквально единичны.

Не менее затруднительным является объяснение причин, которые следует назвать чисто лексикологическими, — причин, по которым в разных говорах сохранились разные слова с *а* после шипящих. Почему сохранились именно эти конкретные слова, а не какие-либо другие? Как уже говорилось, севернорусские говоры довольно сильно различаются по количеству слов с *а* на месте *е* после шипящих и по составу их. В говорах, по происхождению связанных с новгородскими (в особенности в архангельских), число таких слов относительно большое, а состав их разнообразен. В архангельских говорах хотя и выделяется общая часть, характерная для большинства говоров, все же и в этой общей части трудно наметить слова наиболее употребительные. Другое дело говоры поволжские и вятско-пермские. В тех и других круг слов сужен, особенно в говорах вятских и пермских. В группе слов легко выделяются лексические единицы, наиболее часто встречающиеся. В поволжских говорах наиболее частотным оказывается слово *желанный*. О произношении этого слова с *а* во многих говорах упоминал и Н. С. Кузнецов.¹³⁰ Думается, что наибольшая сохранность именно этого слова и других лексем того же корня

¹²⁹ Самойлова, 1959, с. 306.

¹³⁰ Кузнецов, 1951, с. 50.

в какой-то степени объясняется тем, что слова от корней *жалать* и *жалеть* имеют в диалектах тождественные значения: *жалáнный*, например, употребляется в значениях 'дорогой, милый', 'любящий, ласковый, сострадательный, жалостливый', известно еще *жалáнный* 'милый, дорогой человек'; в то же время глагол *жалеть* известен в говорах со значениями 'любить' и 'проявлять заботу, бережно относиться к кому-либо, ласкать, обнимать', известны также *жа́лочка*, обозначающая 'милая, любимая женщина' (Одоев. Тул., 1913; Дон.), *п жаль* 'милая, дорогая женщина' (Дон.). Семантическая близость слов с корнями *жел(ать)*, *жал(еть)* могла способствовать и формальному смешению этих глаголов, что безусловно подкрепляло употребление формы с *a* (*жа́лать*). Интересно, что А. А. Шахматов высказывал мнение о том, что в слове *жалать a* под влиянием *жалеть*.¹³¹ Слово *желанный*, кроме того, во многих говорах русского языка было одним из самых распространенных обращений ко всякому человеку. Если судить по Словарю русских народных говоров, с таким значением *желанный* было известно как севернорусским, так и южнорусским говорам.¹³² Кроме того, слово *желанный* было излюбленным словом фольклорных произведений. Высокая частотность этого слова в говорах также укрепляла позиции старых форм с *a* и способствовала их сохранению.

Вероятно, той же высокой частотностью можно объяснить употребление слова *жалезо* в вятских и пермских говорах.

3. ОТДЕЛЬНЫЕ ЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫЕ СЛУЧАИ. СЛОВО *ЧЕРЕМХА*

Отличие лексикализованного характера может реализоваться в одном слове. Причины появления таких особенностей диалектных слов чаще всего объясняются исторически: они могут быть интерпретированы при специальном изучении судьбы этого слова.

Такое отличие наблюдается в слове *черемха*, соотносительном с литературным словом *черемуха*. Этот случай на первый взгляд можно отнести к случаям с выпадением заударного гласного. Однако замечается уже внешняя несхожесть с ними: «выпадающим» оказывается здесь не *o* или *a*, а звук *y*, что не свойственно для него. Кроме того, обращает на себя внимание обилие регистраций слова *черемха*, причем преимущественно в севернорусских говорах (в которых в отличие от акающих говоров нет резкого противопоставления ударных гласных безударным).

Приведем имеющиеся записи: *черёмха* (Верховаж. Волог., 1849; Волог., 1890; Кем. Арх., 1897, 1909; Онеж. КАССР, Калинин, 1933; Лужск. Петерб., 1898, 1912; Тихв. Новг., Бердников, 1854; Кирил. Новг., 1910; Белозер. Новг., 1926; Твер., 1912); Через

¹³¹ Шахматов, 1912, с. 268—269.

¹³² СРНГ, вып. 9.

реченьку черемха Через быструю лежала (Ленингр., Русск. нар. песни, 1950); Идти лучше черемхи паламайти (Пск. обл. слов., 1952, ст. Баловать); Черемха цветет, оттого и холодно (Пск., Смол., 1902—1904); *черёмха*: Это черёмха, нельзя ее жгать (Шиней. Арх., Симина, 1970); Мороз был цирёмха-та цыла (Пудож. Олон., Мансикка, 1915); черёмха (Грязов. Волог., Мансикка, а также в д. Оксово Плесец. Арх., Судоплатова и Зайчикова, 1948); Черемха раньнъ фснх цвьяц'о (Йонав. Лит. ССР, Прил. Латв. ССР, 1963); Нарви черемхи побольнъ (Тарт. Эст. ССР, 1963). В Смоленском словаре В. П. Добровольского: *черёмуха* (Росл.) и *черёмха* (Росл., Южн.). Собиратель Верябинский в Курской губ. записал: *черёмха*. Кроме того, это слово отмечалось на Урале и в Сибири (Яран. Вят., Чердын. Перм., Ончуков; Том., 1964; Иркут., 1817).

От слова *черемха* известны многочисленные производные, например прилагательное *черемх(х)овый*: Где черемховый куст, там не будет дом пуст (Онеж. КАССР, 1933), Иди, говорит, туда, будет черёмковый сад (д. Сура Арх., Никифоров, 1961, с. 119). В сказках Н. Е. Ончукова оно встретилось с ударением на первом слоге и без гласной фонемы в заударном слоге: Пёреди стоял чёрмковой куст, та из куста рябчик — шор! (Усть-Цильма Арх., с. 74). Слова *черёмша* и *черемшина*¹³³ имеют широкое распространение, в особенности *черемшина*. Слово *черемша* известно с двумя значениями: 1) 'черемуха' (Онеж. КАССР, 1933), 2) 'ягоды черемухи' (Пск., Осташк. Твер., 1856). *Черемшина* неоднократно регистрировалось в нескольких значениях: 1) 'черемуха' (Тихв. Новг., 1854; Боров. и соседние районы Повг., начало XX в.; Опоч. Пск., 1852; Пск., 1904—1918; Осташк. Калинин., 1946; Олон., 1885—1898; Пудож. Олон., 1915; Онеж. КАССР, 1933; Прионеж. КАССР, 1966; Подпорож. Ленингр., 1956; Урал, 1934; Бельск., Росл. Смол., 1914; Останк. Калинин., 1946); 2) 'палка, прут черемуховый' (Олон., 1864 и 1895—1898); 3) 'ягоды черемухи' (Опоч. Пск., 1852 и Пск., 1904—1918). Имеются записи этого слова с ударением на суффиксе, но также без гласного звука после *м*: *черемшйна*: 1) 'черемуха' (Холмог. Арх., 1907; Брасов. Брян., 1956; Свердл., 1965; Зауралье, 1960; Том., Кемер., 1964); 2) 'черемуховый лесок' (Холмог. Арх., 1907); 3) 'ветка черемухи' (Зауралье, 1960). Слово *черемшина* зарегистрировано еще со значениями 'черемуховая кора' и 'черемуховые лучинки' (Шиней. Арх., 1961). Известно уменьшительное от этого слова с ударением на корне: *черёмшинка* (Тихв. Повг., 1854); Ломал парень черемшинку в зеленом саду, в зеленом саду (Ленингр., Русск. нар. песни, 1950), также в Осташковском районе Калининской области (1946) и со значением 'ягода черемухи' (Тихв. Новг., 1854); Пайдем, пайдем, Танюшнънка, у темнънкпй лясок, Выканаим черемшинку да пад карышок (Смол., Добровольский, 1903).

■ 133 В работе не рассматриваются этимологические отношения слов *черёмша* 'черемуха' и *черемша* 'растение *Allium ursinum* L.'

Таким образом, приведенные материалы свидетельствуют о широком распространении слова *черемха* и производных от него в говорах русского языка. Знаменательно также, что перечисленные образования в большинстве случаев не имеют себе соответствий от основы *черемух-*. Все это заставляет предположить, что слово *черемха* — не результат недавнего изменения фонетического облика слов, а издавна известно говорам. Это подтверждают следующие факты. Название *черемуха* в славянских языках, по мнению В. Махека, старое, очевидно, праиндоевропейское.¹³⁴ Этимология этого слова до сих пор неясна: О. П. Трубачев говорит о «фактическом отсутствии этимологии» у слова *черемуха*, замечая при этом, что этимологические связи славянских и балтийских названий черемухи и структура их форм «представляются совершенно невыясненными».¹³⁵ «Слово неясное по составу», — пишет П. Черных.¹³⁶ В славянских языках господствующей оказывается форма без *y*: ср. польск. *čeremcha*, словен. *čremcha*, чеш. *střemcha*. В украинском языке наряду с *черемуха* известны *черёмха* и *черемшина* 'одно дерево черемухи' (по Гринченко); в белорусском употребляется только форма без *y*: *чаромха*, *чаромхавы*, *чарёмшына*, *чарёмшынавы* (Белорус.-рус. словарь, 1962), *чарёмха* (с. Пустоселье Докш. Витеб., Ралавец, с. 82).

В произведениях XVIII в. были употребительны оба слова: *черемха* и *черемуха*; один и тот же автор (см. Татищев, Экон. записки, 1737) использует как то, так и другое слово. Такое положение отражено и в Словаре Академии Российской (1822, т. 6): здесь имеются оба слова (*черёмха* и *черёмуха*) и прилагательные (*черёмховый* и *черёмуховый*). В Словаре церковнославянского и русского языка 1847 г. представлены также оба слова, однако предпочтение слову *черемуха* показывается отчетливо: значение слова *черемха* толкуется с помощью отсылки к слову *черемуха*: «Черёмха. То же, что черемуха».

В XIX в. слово *черемуха* остается единственным наименованием в литературном языке для растения *Rubus radus* L. В художественной литературе первой половины XIX в. слово *черемха* уже не употребительно: в произведениях Пушкина, Баратынского, Гоголя, Лермонтова, Плещеева, Аксакова, Фета, Полонского находим только слово *черемуха*. При преимущественном употреблении в литературе XIX в. прилагательного *черемуховый* встретились единичные случаи употребления прилагательного *черемховый* (А. К. Толстой, Князь Серебряный; Древняя и Новая Россия, 1878). В. И. Даль привел в своем словаре оба существительных и соответствующие прилагательные, не сопроводив их никакими пометами, что можно объяснить его стремлением расширить рамки литературного языка за счет диалектных слов.

Приведенная история употребления двух слов в литературном

¹³⁴ Machek, 1954, с. 110.

¹³⁵ Трубачев, 1962, с. 34—36.

¹³⁶ Черных, 1956, с. 52.

языке на протяжении XVIII—XIX вв. свидетельствует о том, что старое, известное еще с древности, слово *черемха* в XIX в. выходит из употребления в литературном языке, уступив место, очевидно, более новому слову — *черемуха*.

Представляется, что образование современного литературного слова *черемуха* с фонемой *у* на месте старого глухого произошло в русском языке после падения глухих. Очевидно, в той части древнерусского языка, которая легла в основу южнорусских говоров, глухой не исчез в этом слове. Когда стали развиваться процессы влияния соседних звуков друг на друга (результаты именно такого процесса наблюдаются в говорах юго-западной зоны), гласный на месте *ъ* после губного согласного подвергся лабиализации. Этот звук стал произноситься как гласный полного образования — *у*. Такое превращение старого *ъ* в *у* после губного *м* вполне вероятно. Напомним комментарий А. А. Шахматова, высказанный ранее И. А. Бодуэном де Куртене,¹³⁷ к современному звуковому облику слова *муравей*: «Великорус. *муравей* восходит к общеслав. *тъгавѣ*; начальная *т* перед *г* изменилась здесь, следовательно, в *ту*».¹³⁸ Примеры подобного же превращения (в особенности в говорах западной зоны) имеются, причем и не после губных согласных; например, зарегистрированные псковским словарем *белуток* 'белок' и *желуток* 'желток' (В яйце белуток и желуток. Лянд. Пск., 1961, ПОС, вып. 1, 1967, ст. Белуток), *суведася* (На третий год Ванюша, Ванюша суведася. Ельнин. Смол., Добровольский, 1903, с. 603), *младешунька* (А я, младешунька, Да замешкалася, Да за гусими, за вутими. Дмитров. Орл., Добровольский, 1905). Собиратель Корнеев в ответе № 150 на академическую программу из Мещовского уезда Калужской губернии отмечает, что в словах *дорбжунька*, *свашунька*, *Машунька*, *подружунька* произносится «слабое *у*», а в слове *камушик у* «вполне ясно» (Матер. для изуч. великорус. говоров, вып. 11, с. 54). В. Мансикка в описании говоров Шенкурского уезда Архангельской губернии сообщает, что в названии дерева ольха слышится «звук близкий к *ю*» (*олюха*),¹³⁹ также в Грязовецком уезде Вологодской губернии: *блюха* 'ольха'.¹⁴⁰

Говоры сохранили также слова этого корня с нелабиализованным гласным и с гласным *ы*. Так, в говорах Грязовецкого уезда Вологодской губернии В. Мансикка (1914) записал *черемоха*, причем наряду с *черемха* (здесь нет оснований, следовательно, предполагать делябиализацию *у*). По сведениям О. А. Князевской, в говорах Лычковского района Новгородской области говорят *чербѣмха* (1950).¹⁴¹ Е. С. Скобликова в с. Осоке Барышского района Ульяновской области записала *ч'ир'омѣха*.¹⁴²

¹³⁷ Бодуэн де Куртене, 1963 (1), с. 286—287.

¹³⁸ Шахматов, 1915, с. 243.

¹³⁹ Мансикка, 1912, с. 98.

¹⁴⁰ Там же, 1914, с. 75.

¹⁴¹ Князевская, 1962, с. 152.

¹⁴² Скобликова, 1965, с. 74.

В говоре с. Кидусова Спасского района Рязанской области Р. И. Аванесовым зарегистрировано слово *черѣмѣха*.¹⁴³ В записях песен М. Халанского встречается *чирямышничек*. Ой, зяленый мой чирямышничик! Ой, иде ты рос, а иде ты зацвита́в? (с. Козино Путивл. Курск.).¹⁴⁴

Следовательно, наличие в говорах слова *черѣмѣха*, соотносительно с литературным *черемуха*, можно также считать случаем лексикализации, поскольку отличия в фонетическом облике этих двух слов нельзя объяснить ни действующими фонетическими закономерностями, ни разницею в морфемном составе слов, так как морфемный состав этих слов, по мнению специалистов (И. Черных, О. П. Трубачев), неясен. Незначительное отличие (в одной фонеме) в фонетическом облике этих слов объясняется причинами индивидуального порядка, особыми судьбами этих слов, понять и объяснить которые возможно только при обращении к историческим материалам.

¹⁴³ Аванесов 1949(2), с. 146.

¹⁴⁴ Халанский, 1886, с. 295.

ЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ВОЗНИКШИЕ НА ПОЧВЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ФОНЕТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

Как уже говорилось выше, явление лексикализации обычно связывают с исчезнувшими или исчезающими фонетическими или морфологическими закономерностями. «Фонетические и морфологические процессы, переставая быть элементами фонетической или морфологической системы, теряя свою регулярность, — пишет Ф. П. Филин, — „растворяются“ в корнях слов, таким образом, становясь элементами лексики».¹ Случаи такого происхождения рассмотрены выше. Между тем лексикализованные фонетические явления могут иметь разные источники происхождения.

Анализ не отдельных, разрозненных фактов, а всей совокупности относящихся к проблеме материалов позволяет сделать вывод о том, что в говорах русского языка наблюдается лексикализация живого, действующего фонетического явления. Это наблюдение получает принципиальное значение, так как содержит в себе указание на совершенно новые, не отмечаемые раньше причины и условия лексикализации в русских говорах, а следовательно, приводит к пересмотру понятия лексикализации.

В настоящей главе будут рассмотрены два лексикализованных явления, имеющие своим источником действующие фонетические явления стяжения гласных и отпадения начальных гласных.

1. СЛОВА С ОТПАДЕНИЕМ НАЧАЛЬНЫХ ГЛАСНЫХ *а* И *о*

В говорах русского языка отмечается лексикализация живой и действующей фонетической особенности — явления стяжения гласных. Действие этой особенности обычно проявляется только при определенных условиях; без них фонетический облик слова остается исходным, неизменным. Однако в отдельных словах в силу определенных конкретных причин изменение фонетического облика слова закрепляется, и исходная форма слова уже не восстанавливается.

В истории русского языка и диалектологии давно уже обращалось внимание на отпадение у слов начальных гласных *а* и *о*

¹ Филин, 1966, с. 27.

быдѣнка — обыдѣнка, быдѣношный — обыденошный, горбд — огород, гурѣц — огурец, киян — океан, со́борь — осокорь и др. Вспомним широко распространенное народное произношение собственных имен *Александр, Алексей* и др. как *Лександр, Лексей*, некоторых заимствованных слов, начинающихся с *а* и *о*.

Во многих описаниях южнорусских и среднерусских говоров и некоторых севернорусских нередко находим упоминания об этой особенности.² Так, Е. Будде еще в 1892 г. привел слова с отпадением начального гласного, записанные им в Касимовском уезде Рязанской губернии: *Ляксандр, Ляксандра, Ляксе́й*.³ Такого же рода примеры, но в большем количестве, можно найти в Смоленском словаре В. П. Добровольского: *Ликсандр, Ликсандра, Ликсандров, Гриппина, Ракчей* (Аракчеев)⁴ и др.

Произношение собственных имен, заимствованных слов и некоторых других без начальной гласной фонемы засвидетельствовано в памятниках письменности, например местными брянскими и орловскими рукописными источниками XVII—XVIII вв.⁵ Такое произношение собственных имен как типично русское отмечал в своей грамматике Ф. И. Буслаев.⁶ В брянских рукописных источниках XIX в., опубликованных П. Тихоновым, встречаются и другие слова с отпадением начального *о*: . . . с зеленым и ранжевным шелком (1800 г.), насечка ловянная (1804 г.), нагдысь — оногдысь (1857 г.).⁷

В акающих говорах слова нерусского происхождения, как правило, произносятся без начальных гласных: *кушѣрка* 'акушерка', *рендѧ* 'аренда', *рендѧтилѧ* 'арендатор', *ришитѧнт* 'арестант' (Смол., Добровольский, 1914); *курѧт* — *аккурѧт* (Курат иду за водой; курѧт так и было. Андреев. Смол., Кустарева, 1950); *кушѣрка* 'акушерка' (Маю дочку уж кушерка бабила. Себеж. Пск., 1962); *купѧция* 'оккупация' (Строилась как с купѧций приѧехали. Навл. Брян., 1966). Большое количество слов с отпадением начальных *а* и *о* зарегистрировано псковским словарем: *бѧжур* 'абажур', *мерикѧнец* 'американец', *мерикѧнка* 'американка', *налѧй* 'аналой', *курѧтно* 'аккуратно', *курѧтный* 'аккуратный', *кагблѧк* 'алкоголик', *гранѧм* 'аграном', *тамабѧлишко* — 'автомобилишко', *тамабѧиль* 'автомобиль', *кушѣрка* 'акушерка', *пинѧцыцѧт* 'аппендицит', *рендѧтор* 'арендатор', *рендѧвать* 'арендовать', *тамѧн* 'атаман' и др. (ПОС, вып. 1, 1967).

На явление отпадения начальных гласных в говорах русского языка и в белорусском языке обращал внимание А. А. Шахматов. В «Истории русского языка» он указал и места распространения этого явления: Ельнинский у. Смоленской губ., Мосаль-

² Этих сведений так много, что здесь, к сожалению, нет возможности привести их полностью.

³ Будде, 1892, с. 48—49.

⁴ Добровольский, 1914.

⁵ Новопокровская, 1968, с. 100—104.

⁶ Буслаев, 1959, с. 100.

⁷ Тихонов, 1904, с. 56.

ский, Мещовский у. Калужской губ., Касимовский у. Рязанской губ., Рузский у. Московской губ., Белевский у. Тульской губ., Болховский у. Орловской губ., Оболянский у. Курской губ., Воронежская губ., Мглинский и Стародубский у. Черниговской губ., говоры белорусского языка. По наблюдению А. А. Шахматова, отпадение начальных гласных обычно сочетается с произношением звука *и* на месте начальных *а* и *о*. При этом отпадение этих звуков в говорах наблюдается чаще, чем произношение на их месте звука *и*.⁸

Ряд фактов свидетельствует об устойчивости произношения отдельных слов без начального гласного в говорах русского языка. Например, некоторые слова без начального гласного приводятся и в записях собирателей, не пользующихся фонетической транскрипцией. Иногда записывающий замечает при этом, что слово в такой форме произносится независимо от фонетических условий.

Как известно, в белорусском языке это явление получило широкое распространение (особенно в диалектах) и такие слова, как *гурэц*, *гарбд*, употребительны в литературном языке. Как диалектное явление редукция начального гласного отмечается в восточной части Могилевской области, в части Витебской и в северной части Гомельской областей. В результате редукции начальный гласный может совсем исчезать: *днягб*, *тн'ас'й*, *дн'ас'й* 'отнеси'. Наблюдается утрата гласного и в первом предударном слоге: *в'ёчка* 'овечка', *в'ос* 'овес', *гон'* 'огонь', *дно* 'одно'.⁹ Отпадение начальных гласных известно и в украинском языке. А. Потебня, например, считал это явление одной из особенностей украинского языка.¹⁰ О распространении его в украинском языке пишет и Е. Тимченко.¹¹ Специально занимавшийся отпадением начальных гласных П. Д. Тимошенко характеризует это явление как чисто фонетическое, имеющее место только при наличии определенных условий. Отпадение гласных происходит, по его мнению, «при ускоренному темпі мовлення на межі морфем та в тісненні поданих між собою у граматичному або смислового відношенні (особливо в сполученнях неовнозначних слів і з новозначними і в постійних виразах)».¹²

Отпадение начальных *а* и *о* в говорах русского языка наблюдается в первом и втором предударных слогах. Это обусловлено характерным свойством русских говоров, особенно проявляющимся в южнорусской области произношением первого предударного слога слабее, чем ударного. Как известно, «второй предударный слог во многих ю-в-р говорах настолько ослаблен, что при наличии благоприятных условий редукция гласного в нем может

⁸ Шахматов, 1912, с. 93, 317.

⁹ Нарысы на беларус. дыялекталогіі, с. 84—85. Специально об этом явлении в мстиславских говорах белорусского языка см. статью А. А. Кривецкого (Кривіцкі, 1975, с. 32—34).

¹⁰ Потебня, 1866, с. 117.

¹¹ Тимченко, 1930, с. 62—64.

¹² Тимошенко, 1965, с. 117.

дойти до нуля, т. е. до полной его утраты». ¹³ В описании одного говора Белгородской области читаем: «Говору свойственна сильная редукция гласных вплоть до полного их исчезновения в определенных условиях, а именно в начале слов в беглой речи: *гурцы, блачок — облачок, на* в.м. *она*». ¹⁴ В некоторых акающих говорах Поволжья отпадение начальных гласных в отдельных словах (*гарбѣ, гурцѣ, зарнѣй*) обычно сочетается с сужением начального звука в предударном положении: *инѣть, ибирѣть, иднавѣ, иста-валѣс* (Фролова, 1954, с. 77—94).

Замечено, что тенденция к ослаблению второго предударного слога сильнее всего проявляется на стыке предлога или приставки, кончающихся на гласный, и слова, начинающегося с гласного, т. е. при наличии третьего предударного слога, на что еще в 1898 г. обратил внимание при описании воронежских говоров К. Филатов. ¹⁵ Наиболее благоприятными условиями для стяжения гласных звуков является, как заметил П. Д. Тимошенко, граница морфем и стык тесно связанных между собою в грамматическом или смысловом отношении слов (особенно на границе неполнозначных слов с полнозначными). Именно здесь, т. е. на стыке предлога или приставки, оканчивающихся на гласный, и следующего слова, начинающегося с гласного и т. п., образуются сочетания гласных типа *ау, оу, ао, оо* и др., обычно не встречающиеся в исконных восточнославянских словах. В указанном положении в ряде акающих говоров и некоторых окающих эти сочетания претерпевают изменения: происходит так называемое стяжение этой группы гласных за счет исчезновения начального гласного слова.

Стяжение гласных находит объяснение не только в артикуляционном ослаблении предударных слогов, характерном для акающих русских говоров, но также в тенденции возрастающей звучности слога. Не случайно стяжению гласных в говорах часто сопутствуют и другие явления, также связанные с указанной тенденцией: наличие гласного между согласными внутри слов (*пашѣница, пашено, самородина, таворог, каравива* и т. п.). Сочетание именно этих явлений наблюдается в смоленских говорах (по материалам В. П. Добровольского), а также во многих других. ¹⁶

Исследователи давно уже писали о происходящем в предударных слогах стяжении гласных. Примеры этого явления можно найти в описаниях многих акающих говоров: *набедали, санця, вапче, за кно, наханѣчик, на борачки, ня дной, ня тказывайтца* и др. (Ворон., Филатов, 1898); *От-ба на (она) табе служыла; на (она) за то мене бранит; краска дна у тарноўсаў; битанѣя — парныи их бируть; мае сердца ня баротитца* (Новосил. Тул., Будде,

¹³ Аванесов, 1949 (3), с. 60.

¹⁴ Трипина, Федюшина, 1955, с. 105—106.

¹⁵ Филатов, 1898, с. 170.

¹⁶ См., например, описания говоров: Копорский, 1946, с. 41; Спроткина, 1952, с. 23—62; Долгачева, 1961, с. 83—102.

1902); *усё дно* 'все одно', *нядін* 'ни один', *занбар*, *на кнѣ*, *на днѣм*, *за рѣхами* (Судж. Курск., Резанова, 1912); *на гарѣдѣ*, *на днѣм*, *прагрáli* (Обоян. Курск., Резанов, 1897); бжиганть, я быв дин, бедать (Жиздр. Калуж., 1909); Ни ддавай миня, батюшка. младу замуж! (Брян. Орл., Будде, 1904); Вышли дѣве девки замуж за 'баих братоу (с. 60); Певинь даганяя. Кинечки 'тымая (с. 77); Яны шли, прайшли, Астанавилися. З' адну девачку Пасварилися (с. 54); Поп на 'бедню звоню (с. 20); Сахорнаю ябланку Крылцамы 'байму; Залатоя какотьтяка Слѣзкамы 'балью (с. 107); Я старшага ни за што ни'ддам (с. 116); Ни пали жаркага 'гня (с. 118) (Стародуб. Брян, Печасев, 1912), в говорах западной брянщины: *усё дно* (1973), в описании говора д. Парфенки Повонетр. Моск. (Паникаровская, 1958, с. 394), архаических говоров Осташковского района Калининской области (Копорский, 1946, с. 11), в говорах восточной половины Духовницкого района Саратовской области. По свидетельству О. Б. Сиротининой, «всегда в слове *один*, *одна* в сочетании с предложениями: *уднаво* (у одного), *на дини* (на одном), *на днѣм*, *на днѣм* буквы и т. п.» (Духовн. Сарат.).¹⁷ Многочисленные примеры стяжения гласных можно найти в ответах на академические программы: Мцен. Орл., Прогр. АП № 188; Медын. Калуж., Прогр. АП № 263; Дмитриев. Курск., Прогр. АП № 125; Мещов. Калуж., Прогр. АП № 150, 267; Касим. Ряз., Прогр. АП № 47; Чембар. Пенз., Прогр. АП № 228, 229 и др. (Матер. для изуч. великорус. говоров, вып. 10, 1923). В Опытте областного великорусского словаря находим: *заяэром* 'за озером' (Опоч. Пск., 1852), в рукописном словаре И. И. Карпова: *зайэрье* 'место за озером' (Пск., Осташк., Твер., 1855. — РО БАН, шифр 17.10.16).

Наибольшее развитие эта особенность получила в юго-западных говорах. И. Дурново при описании говоров деревень Чайковичи, Липово, Буда и Дарковичи Брянского уезда Орловской губернии отметил, что в этих говорах наблюдается отпадение начальных гласных после гласного предшествующего слова (*гълавѣй* 'тварию', *ни ддѣм* 'не отдам', *на днѣ* 'на одну', *да' беда* 'до обеда') и в то же время может произноситься *и* (*инѣ*, *инѣть* *при апа*, *апяты*) при более обычном *а*.¹⁸

Редукции до нуля в юго-западных говорах начальные *а* и *о* подвергаются не только после гласного частицы, приставки или предлога, но также в положении после гласного предшествующего слова: *То бед* (обед), *только бносички*, *только блommyчки*, *сама тстануся*, *магила твичаить*, *мне тлитаить*, *матушки тсылали*; А Юда им твичанть, мы усе будим ложки барачивать (оборачивать) и т. п. (Смол., Добровольский, 1891—1903); Патанула во слизах сабаляная мая дейла. Тѣмлыя днѣла — синяя моря (Пореч., Смол., Добровольский, 1914). Манаськую дѣжу сабрали; Паклитѣта, можа и' тзавецца; ти бедь ти вячера; гусь нада бкусъть

¹⁷ Сиротинина, 1952, с. 23-62.

¹⁸ Дурново, 1914, с. 155.

(общинать); мы такжыме скоро, сад яго бабрани, усё дшакъва (Зап. брян. Пеньковский, 1958—1959).

Отдельные случаи редукции *a* и *o* до нуля зарегистрированы и после согласной: *A ёи дин едидт. я им бедат ни даю, палучилас слажнення, резьти хлеб, бедать будим* (Зап. брян., Пеньковский, 1958—1959). «Быть может, из таких сочетаний, — писал А. А. Шахматов, — извлекалось произношение без начального *a* независимо от положения после гласной предшествующего слова; ср. мосальск. *тец?* вм. *отец* (Шахм.), *смушку* вм. *осьмушку*, *режй дузгають* вм. *орези* (Шахм.), *мещов. горот* вм. *огород*, *ворон. свабайла* (Филат.), *касим. гуриць* (Будде), *белевск. на* вм. *она* (Будде), *рузск. жырёли* (Дурново), *болхов. снажйнки* (Сахаров), *обоян. на* вм. *она*, *ни* вм. *они* (Резанов) и т. п.»¹⁹ В смоленских говорах и говорах западной брянщины стяжение гласных распространилось и на другие случаи. Это связано, как можно судить по исследованиям А. Б. Пеньковского, с определенными свойствами этих говоров, обнаруживающими себя в том, что фонетические процессы в них, например ассимилятивные изменения звуков, происходят не только внутри слов, но также и на стыке их. В то же время в юго-западных говорах, как и в белорусском языке, тенденция возрастающей звучности слога, очевидно, действует более интенсивно, чем в других акающих говорах: на это указывает меньшее количество начальных гласных, которые здесь в большинстве случаев прикрыты протетическими *и* и *ј*, и широко проведенное здесь стяжение сочетаний гласных.

Наблюдение случаев стяжения гласных убеждает в том, что мы имеем дело с живым фонетическим процессом, по-разному проявляющимся не только в трех восточнославянских языках, но и в разных говорах русского языка: если в одних говорах стяжение наблюдается только на стыке частицы, предлога, приставки и слова, то в других (юго-западных) такое стяжение происходит и на стыке слова при условии, что предшествующее слово кончается на гласный. В украинском языке, где стяжение получило небольшое распространение, налицо большая зависимость этого явления от особых условий: оно имеет место только после гласного и к тому же при быстром темпе речи. По словам Н. Д. Тимошенко, в украинском языке «афере́за належить до числа необов'язкових, факультативних явищ».²⁰ Причиной такого положения является не наличие протетических согласных в украинских говорах, как думает Н. Д. Тимошенко (протетические согласные есть и в смоленских и в брянских говорах, но между тем отпадение гласных получило там даже большее распространение, чем в других русских говорах), а иной характер соотношения ударных и безударных слогов в этом языке по сравнению с южнорусскими говорами — меньшая противопоставленность ударных и безударных гласных, большая полновесность безударных слогов.

¹⁹ Шахматов, 1912, с. 317.

²⁰ Тимошенко, 1965, с. 117.

При таком характере соотношения ударных и безударных гласных отпадение начальных предупредительных *а* и *о* не могло получить в украинском языке большого распространения.

Таким образом, характер стяжения гласных, как уже говорилось, заставляет считать его явлением фонетическим, проявляющимся в определенных условиях. Без таких условий начальные *а* и *о* произносятся беспрерывно, и исходный фонетический облик слова легко восстанавливается. Так, в абсолютном начале слова, после согласных, при употреблении слов с предложениями *в*, *к*, *с*, *под* начальный гласный слова, как правило, произносится: Вылиз из над авина; а ежили ты ни загасишь авина; по пачуваў на вии (Смол., Добровольский, 1891); Павесил піджак на сїну, по піджачок с асінки сїяла (Смол., Добровольский, 1893); А у пашига старьети кружельня пўчи; Падеў ланти, дай онўчи (Смол., Добровольский, 1914); Ва дной церькыўки венчались. На дном рушничке стьяли; Пра днаё верная славечушка забыли (Смол., Добровольский, 1891); Атдала яму ус'о в один день (Зап. брян., Пеньковский, 1958), Адопах хочуть класть, по ветки на допак (Павл. Брян., Родионова, 1958).

Начальный гласный сохраняется также и в том случае, если на него падает ударение (при подвижном ударении в слове); в юго-западных говорах в таких случаях возможно появление протетического *в*: Ни вóдин п'а мериу (ни один не...), пят баб и ни вóднага мужика (Зап. брян.); Ни вóдная ни паслухала, ни вóдин ни тронить; Ён у вóдныга мальчика украл кнут; Їны паразбеглись уси адни на вóдным у лес, по на дїзї паге, на дїбм мєсть, ни днá ня кухнула; Паши свиньчки Кала снїячки, Паши козычки Кала лозычки; Питьчай вокыла яго завязки (Смол., Добровольский, 1891); Нету ни вóдныя авечки у пашиї дярєїни (Смол., Добровольский, 1914). Протетический *в* появляется перед гласным и в безударном положении: Ни тдавай ты биз нас ты сястры замуж!... А на третїтїй год пна замуж ватдала (Смол., Добровольский, 1914); Калыо ватдала (Смол., Добровольский, 1891); Ён стукнуў-грюкнуў у тасовыя: Ватчини, жина, новы вароты (Ельнин. Смол., Добровольский, 1903); Кадаб ня Дáм с Ёвай ни сагрянїли; Как у Вадáма с Ёвай (д. Калужкино Менцов. Калуж., 1901).

В юго-западных говорах иногда наблюдается любопытное чередование словоформ одного слова: формы слова без начальной гласной с формой слова, в которой начальный гласный прикрыт протетическим *в*: Были дружочки з моря купёчки; паймаў вокуня; у кыня вокунём грива (*в* протетическое, очевидно, появляется здесь под воздействием формы *вóкунь*). Такое сочетание словоформ бывает и более сложным. В смоленских говорах, например, формы слов *один*, *одна*, как правило, употребляются с протетическим *в* (при ударении на начальном *о*); однако известны и другие формы этих слов (при ударении на втором слоге): с сохранением начального гласного без протетического *в*, а также с *и* на месте начального гласного: Адни вóдныга ни знають, идна баба, к идному дому, идна у друзей. Примеры других слов: А йон яму ня 'твєтїў;

вне пада приид богым итветить (Смол., Добровольский, 1891).

На этом фоне обращают на себя внимание многократные записи некоторых слов постоянно в форме без начального гласного. Обилие и разнообразие таких записей позволяет утверждать, что эти слова употребляются без начального гласного не только после гласного, но также после согласных и в абсолютном начале слов, т. е. вне зависимости от условий. Здесь мы встречаемся уже не с отражением фонетического явления. Функционирование слов без начального гласного звука вне зависимости от обычных условий (при которых появляются формы без начального гласного) свидетельствует о том, что в данном случае явление стяжения гласных утрачивает чисто фонетический характер. Фонетическое явление в отдельных случаях в силу конкретных причин приводит к изменению фонетического облика слов. Все это говорит о совершившейся лексикализации. Причем следует заметить, что образование новых слов происходит своеобразно: путем изменения фонетического облика основы, в результате отпадения, утраты начальной гласной фонемы.

В говорах русского языка можно найти немного слов, у которых закрепился фонетический облик без начального гласного. Наибольшее распространение среди них получило слово *город* 'огород'; ср. в древнерусском — *огородъ* (Срезневский, т. 2); в письменности XVII—XVIII вв. — *огородъ*. Новый Оскол, 1657 (с. 42), на *огороде*. Обоянь, 1715 (с. 72), *под огороды*. Белев, 1658 (с. 81).²¹

Без начальной гласной фонемы это слово встречаем в записях А. С. Машкина (1858) из Обоянского уезда Курской губернии, Е. Резановой из Суджанского уезда (Курск., 1912). М. Г. Халанский при описании «сильноокающих или якающих» курских говоров замечает: «*О* начальное отпадает в слове *гарот* — *огород*».²² «Отпадение *о* в слове *гарот* — *огорот*», — замечает М. Д. Мальцев при описании белгородских говоров.²³ У Г. В. Денисевича записано: Мать прийти з городу (Михайл. Курск., 1963). Имеется еще запись из западно-курских говоров: Больны они ни паскѹ-бить с гарода (Марейчева, 1971). В указанной форме слово *огород* находим и в курско-орловском словаре С. М. Кардашевского (1956), который говорит о распространении его как в Курской области, так и в Дмитровском, Кромском, Трубчевском уезде Орловской области, на Дону и в Тамбовской области. К. Филатов, рассматривая случаи отпадения начальных гласных в воронежских говорах, пример «на *harót*» сопровождает замечанием: «Без предлога тоже *harót*».²⁴ Многочисленны записи этого слова без начального *о* из орловских и брянских говоров: Гарод наш летось пуствовал (Трубч., Карач., Брян. Орл., Слодохов); Пасхаѹ мой

²¹ Котков, 1970.

²² Халанский, 1904, с. 8.

²³ Мальцев, 1941, с. 163-199.

²⁴ Филатов, 1898, с. 171.

мужик гароду пахаці (Зап. брян., Косич); Гарод дзяліць найшлі; сядзе-то не як гарод ні вобраный і др. (Зап. брян., Пеньковский, 1958); ґарот хоть ґнхтар бярі (Комар. Брян., 1961), а также Севск., Клетн., Почеп., Унеч., Погар., Навлин., Брасов., Брян. Брян. (1962—1969); с предложениями *к* и *в*: К ґароду ток вычнншан (Брян. Брян., 1965); А ґ гароди чырвоная бярэза, пасярёд гарода (Стародуб. Брян., 1912); лук, буракі и маркоўку у ґаротчыку (сажаем) (Трубч. Брян., 1970). Много записей и из смоленских говоров: Забиретца малый у гарод; мой казёл В гарод нашоў; Пасаку рябилицу В саде, ни ў гароде; падъизиканть к полю, к гародам; я с гароду далоў и др. (Смол., Добровольский, 1891); Свишня пралезла у ґарот: Карова у ґарот ухрыпннца (ворнестя) (Посл. Смол., Граве, 1964), а также и из других областей: Ды ить ў барсках народах ядрннейшы, покрупнейшы зимляннка; мы суды ближа — гародъм (Новосил. Тул., Будде, 1902), а также записи из Дубен. Тул. (Филин, 1933—1960), Менцов. Калуж. (Прогр. АН № 31), Мосал. Калуж. (Брок, 1916), Янздр. Калуж. (Тр. МДК, вып. 3, 1909, с. 80), Орл. Орл. (Будде, 1902), Дон. (Миртов, 1929), Ворон. (Титовская, 1949), Пск. (Копаневич, 1902—1918), Повг. (Прогр. АН № 239), Морш. Тамб. (Прокудин, 1912), Бударин. Волгогр. (Долгачев, 1961). О. Б. Сиротинина при описании одного из акающих говоров Духовницкого района Саратовской области сообщает, что в этом говоре в слове *огород* происходит «полное отпадение начального гласного». Исследователь замечает, что начальный гласный выпадает «даже в абсолютном начале слова»: *гарот есьть, гародъм ни пѣзавѣи*.²⁵

Характерно, что и производные от слова *город* в тех же говорах зарегистрированы без начального гласного: *горбдіна* 'огородные овощи' (Усякая гарбдіна урадилася. Хомут. Курск., Кардашевский, 1947—1953; Зап. брян., Расторгуев, 1973), *гарбдішка* (Бесед. Курск., 1963), *горбдік* (Вбсннь придетъ — ґарбдік убратъ пада. Севск., Дубров. Брян., 1966), *горбдіник* 'огородник' (Мосал. Калуж., Брок, 1916; Брян. Брян., 1965), *городное* 'овощи' (Садить ґарбдіная пѣкаґда; ґародная палотъ. Дубров. Брян., 1958), *горбдний* 'огородный' (горбдное место. Смол., 1974; Почеп. Брян., 1973), *гарбдіник* (Зап. Брян., 1973).

В белорусском языке имеется *горбд* 'огород' (В городзе усё поскохло от перекоты), *горбдішка* 'овощи' (Посович, 1870); в украинском языке — *горбд* 'огород' (Преображенский, 1958); *горбдіна* 'овощи' (Кардашевский, 1956), в словаре В. Гринченко: *горбд, горбдець, горбдонько* и др. (1908, т. 1).

Слова *город, городской* встречаются в памятниках письменности XVII в.: . . . на моем городе; дворовое и городное место (Борисова, 1974, с. 121).

Возможно, что на закрепление формы *город* влияли родственные слова, фонематический состав которых не имеет начальных гласных, такие как *горождать* 'огораживать', 'сооружать плетень'

²⁵ Сиротинина, 1952.

(Смол., Пск., Курск., Ворон. и др., СРНГ, вып. 7), *городѣться* 'огораживать' (Христом христитца, Другим гарадитца. Добровольский, 1905, с. 42), *горбжа* 'забор, плетень' (Курск., Орл., Брян., Смол., Ворон., Калуж., Тул., СРНГ, вып. 7) и др.

Имеется еще несколько слов, произношение которых без начальных гласных можно признать лексикализированным. К ним относятся слова: *быдѣношное* (из *обиденошное*) масло 'только что приготовленное, свежее' (Новобуян. Куйбыш. — Малаховский, 1939) — ср. древнерус. *обиденьныи*, в брянских говорах — *обидѣнный* 'утренний (о тесте, которое ставят утром)', 'плохо приготовленный, неустоявшийся. О квасе' (1958—1962). В то же время в брянских говорах зарегистрировано слово *быдѣнок* (из *обиденок*) 'будничная одежда' (1958—1962). В различных поволжских говорах известно было слово *быдѣнкой* (из *обиденкой*) 'в один день', 'за один день' (Арзам. Нижегород., 1850; Козьмодем. Казан.; Ставроп. Самар. — Васильев, Прогр. АП № 130, 1897).

К такого же рода словам относится и слово *гурѣц* и его производные (Ср. древнерус. *огурець*. Преображенский), широко известные в брянских и смоленских говорах. В памятниках южно-русской письменности XVI—XVIII вв. слово *огурец* только с начальным гласным: Взяли... кодушку агурцов. Старый Оскол, 1691; собрать... огурцов. Брянск, 1749 (Котков, 1970, с. 82).

Приведем диалектные примеры: *гурбѣк*, *гуркѣ* (Севск. Брян., Преображенский; Зап. брян., Расторгуев, 1973); Баб, дивись, какой гурѣк Васька ѳзял! Гуркѣ, гурчѣк; гурѣц завизѣлись; Как ы пад гурец, как и пад лук; гурѣц реж; анкаивають лук, гурѣц; гурѣчек, гурчѣк; гурѣшкѣ; цвѣт гурѣшнай (Дубров., Почеп., Погар., Жуков., Новозыбк., Навл., Сузем., Брян. Брян., 1958—1970); гурѣчѣны 'огуречный' (Зап. брян., 1973); сѣлетася буйные гурѣкѣ забабѣлись 'в этом году огурцы очень крупные' (Орл.); гуркѣ и гурѣкѣ (Смол., Добровольский, 1914); Гурѣц марозѣм прихватила: нявкель ни атрыгнуць (Росл. Смол., Граве, 1964); гурѣц (Жиздр. Калуж., 1909); гурѣц (Касим. Ряз., Ильинский, 1897). В белорусском языке также *гурѣк*, *гурѣшѣк*, *гурѣшѣцѣ*, *гурѣшѣый* и др. (Посович), в украинском — *гурѣк* (Преображенский), *гурѣк*, *гурѣчѣкѣ* 'узор на яйцѣ', *гурѣшѣкѣ* 'плети огурцов', 'место, где растут огурцы' (Сев. Житомирщина, Лысенко, 1965).

Широко распространенным было произношение без начального *о* слова *океан* (древнерус. *океанѣ*).²⁶ известное преимущественно из фольклора. Имеются записи из различных мест: На мори на Кияни, на островѣ на Буяни (заговор) (Менцов. Калуж., Косогоров, 1916); По мору киянио плывуть 12 дев, На мори кияни на востравѣ Буяни, На мори на кияни на востравѣ Курганѣ

²⁶ Несмотря на то что круг лексик, рассматриваемой в связи с отпадением начальных *а* и *о*, сознательно ограничивается исконно русскими словами, для слова *океан* делается исключение, поскольку оно было известно уже древнерусскому языку.

(Брян. — Тиханов, 1904). В форме без начального *о* это слово приводится в Смоленском словаре В. И. Добровольского и в его записях песен из Дмитровского уезда Орловской губернии: Киян море всем морям мати; На мори на кияне и т. п. И лежиць (лежит) на мыре, на кияне (море, океане), на острове — на Бузине бел латырь камень (Горон. Пск., Киреевский). Имеются записи и из севернорусских говоров: На тех киян-море разливалося, орлы крылами отбивались, когтями отгребались (из заговора) (Иван., 1931); киян-море (Нижегор., 1852); *киян* (Вят., Верецагин, 1892); И со которой ты летишь со сторонунки. И ты с-за славного ль с-за синего Онегушка. Ты с-за этого ль кеан да синя морюшка? (Петрозав. Олон., Федосова, 1868). Интересно, что на такое произношение слова *океан* в народных песнях из сборника Н. В. Киреевского обратил внимание писатель Н. А. Бунин. В. И. Даль в Толковом словаре в статье на слово *океан* пишет: «... в сказках и заговорах: окиян, киян». Лексикализация формы *киян* в данном случае мог способствовать тот факт, что слово это не имеет в говорах родственных образований. Не лишено интереса замечание А. Г. Преображенского об этой форме: по его мнению, в сочетании *киян-море* слово *киян* воспринимается как собственное имя. В белорусском языке также употребляется *киян*.

В некоторых южнорусских говорах употребляются слова *блачок*, *блэчка* 'облачко' (ср. древнерус. *оболокъ*, старосл. *облако*): *блэчка* (Ворон., Поликарпов, 1893); *блэчка* папала, из *блэчки* дождь, *блэчки* пычка (Бесед. Курск., 1962); *блэчок* (Буден. Белгор., Тришина, Федюшина, 1955). В западных говорах слова этого корня также без начального гласного: *болочійнка* (Балачійнка бягить, не балачинка, а туча цілая. Великолуцк. Пск., Пск. обл. словарь, 1963, ст. Бежаты). *ббэаки*, *ббэака* 'облака', *болочійнка* 'облачко' (Смол., Добровольский, 1914), *ббэаки* (Калуж., МДК, вып. VIII, с. 9). В брянских говорах наряду с *оболоко* (Карач. Брян., 1960-е гг.) было записано *ббэоки* 'облака' (Болаки на Дунай йдуть, Кулиначка на думках сидить. — с. Гарцево Стародуб. Брян., Печаяев, 1912, с. 22). В словаре Н. А. Расторгуева: *балачійна*, *зббэацце* 'облако', уменьш. *балачійнка* (Зап. брян.).

Весьма любопытным представляется замечание Преображенского, высказанное им в связи с севскими формами *ббэоки*, *ббэаки*: «Интересно севск. *ббэоки* с утратой начального *о*; очевидно, происхождение из **оболоко* не осознается» (с. 628).

Слово *овощник* (древнерус. *овощь* 'плод, овощ', *овощьникъ* 'сад' — Срезневский, т. 2) в некоторых южнорусских говорах произносится как *вощник*. В местной письменности XIX в. встречается *овощник* 'огород' (Мцен. Орл., 1850 — Котков, 1970, с. 85). В говоре д. Выворотково Бесединского района Курской области это слово употребляется только без начального гласного: На вощнику асталась аґурція; на вощнику мелкая у нас картошка; вощник плахій. Слово *вощник* включает в свой словарь С. Кардашевский (Курск., 1947—1953). Закреплению формы *вощник* могли содействовать следующие факторы: потеря инниющим дол-

готы (Ср. овощной огород. Коротояк. Ворон., 1708, Котков, 1970, с. 85) и в результате этого отрыв слова от родственных слов; тем более что форма мн. ч. от *овоци* употребляется в д. Выворотково (Бесед. Курск.) с постоянным ударением на окончании (*овоцѣ*).

Литературному слову *оладья* в калужских и в особенности в брянских говорах соответствует *лѣдья* с отпадением начального гласного звука (ср. древнерус. *оладья*, укр. *оладок*): Пякли драчѣны, лѣдди (Жиздр. Калуж., 1903; Павл. Брян., 1966). Слово *лѣдья* зарегистрировано также в Томском словаре (Кожев. Том., Кемер., 1964).²⁷ Известны и производные от этого слова; причем производные распространены более широко. Слово *лѣдка* 'оладья' (мн. *лѣдки*) отметил еще Даль. Он указал на распространение этого слова на юге России. Позже оно было зарегистрировано на Дону, отмечалось неоднократно в смоленских и брянских говорах: Як папекла я вчора лѣдок, дак вот же екие були смашные (Зап. Брян., 1957); Синни ладок папеком (Красногор. Брян., Ляхова, 1973); а также в Брасов. Брян., 1961; Унеч. Брян., 1969; а в Севском районе Брянской области с ударением на окончании *ладкѣ* (1966). В брянских говорах слово *ладка* бытует еще в значении 'печенье, пряник' (Красногор. Брян., 1969).

Зарегистрированы и другие производные: *лѣдик* (мн. *лѣдики*): Сметаны нетутѣ — лѣдика не спечь (Комар., Брасов. Брян., 1961; Усть-Лабин. Краснодар., 1965), *лѣдушка*, отмеченное на Дону (1930), а также по р. Карай (Балаш. Саратов.), в Кедабек. Азерб. ССР (1963) и в томских говорах (1965).

Таким образом, рассматриваемые слова в европейской части России локализуются главным образом в южнорусских говорах. Имеется лишь одна запись из повгородских говоров: *лѣдка* 'изделие из теста' (Тихв. Повг., Соколов, 1909, с. 295). Слово *лѣдка* 'оладья' известно в украинском и белорусском языках.

Если говорить о причинах закрепления фонетического облика без начального гласного конкретно у слов *оладья*, *оладка*, то здесь можно указать как на одну из важнейших — на отсутствие в русском языке соответствующего производящего слова (по Фасмеру, *оладья* — старое заимствование из греч.), вследствие чего основа слова остается немотивированной. Последний фактор, как известно, способствует адаптации иноязычных слов, изменению фонетического облика их в соответствии с особенностями заимствующего языка. Возможно также, что формы без начального гласного на русской диалектной почве ассоциировались со словом *ладонь*, поскольку предметы, обозначаемые словами *оладья* и *ладонь*, имеют общий признак — круглую форму. На возможность такой ассоциации указывает запись из Курской области: *ладѣшка* 'оладья' (Дмитриев. Курск., 1900, Прогр. АП № 236), в которой и место ударения то же, что у слова *ладѣшка* от *ладѣнь*.

²⁷ Том. словарь, 1965, т. 2.

В брянских и курских говорах слово *оловянный* бытует также без начального гласного — *ловянный* (Бесед. Курск., 1959). В приведенной П. Тихановым записи 1804 г.: В ружье... на прикладки замка насечка лова́ная, фастовова вишта пет (Брян. Орл.).²⁸ В записях М. Г. Халанского из Курской губернии и Ф. П. Филиппа из Тульской области (1960—1963) это слово зарегистрировано с новым окончательным ударением — *лова́нбй*: На табе пирстничик да паткуй канечник, На табе лавяно́й да паткуй вараной (Путивл. Курск., Халанский, 1886, с. 23), лывяная лонка, лывяной зуп (д. Селино Дубен. Тул., 1933—1960). В южнорусских говорах отмечено и новое существительное, образованное от прилагательного без начального гласного: *ловь* 'олово' (Лебед. Тамб., Цветков, 1854; с. Верхотиншанка Бобр. Ворон., Опыт, 1852).

В Брянской области слово *орех* (ср.: Садовых овощей и орехов мало. Курск, 1750 — Котков, 1970, с. 80) несколько раз записано без начального *о* в косвенных формах (ударение в них падает на окончание): Сё лета тожа есть ряхи, ряхов нанясли (Клетн. Брян., 1959); Ряхи паболя клюковы; на ляншнихах растут ряхи; раскусиш ряшок — паядиш (Дубров. Брян., 1958); Валоския ряхи присалаў (Зап. брян., Пеньковский, 1959); также в материалах А. Д. Печаева: Ёрадила, прирадила Ёсяго тры ряшочка. Первы ряшочык — Михайлячка жынишочык, Други ряшочык — Микитачка жынишочык (с. Гарцово Трубч. Брян., с. 54). В смоленских говорах: Пошла каза у ряхи Пащипала три мяхи (Смол. Смол., Добровольский, 1903); Ён приходит ни рана, Принясет дабра нимала: Два карманчика ряшкоў (Смол., Добровольский, 1903); с ударением на *е*: Мне с решикуў ташненька, пупряничкам раденька (Добровольский, 1914, ст. П р я н и ч е к).

Название дерева *осько́брь* '*Populus nigra*' (ср. укр. *согора*, пол. *sokoga*) в Среднем Поволжье обычно произносится как *со́корь* (Куйбыш., 1963; Саратов, Зайковская, 1918). В Черниговской губернии это дерево называется *сокорина* (Анненков, 1878). Указание на возможную причину закрепления формы без начального гласного находим в Этимологическом словаре А. Г. Преображенского при объяснении пол. *sokoga*: «... в пол. отпало *о* вследствие каких-либо причин, может быть, ложной этимологии».

Смоленское и брянское *ваде́нь* 'овод' (*ваде́нь*, *ваднѣ*. Смол., 1914; вадий каров кусают. Труб. Брян., 1967) легко объясняется из слова *оводень*, также зарегистрированного в брянских говорах (*авиде́нь*, *аваднѣ*. Карач., Жуков. Брян., 1960).

Имеются записи и других слов без начального гласного, преимущественно из брянских и псковских говоров. Как правило, это слова с затемненной внутренней формой (*овес*, *овечка*, *облога* 'заброшенная земля' и др.: всецѣ даешь (Брян., 1958), И вѣс спють также (Сузем. Брян.); Ады нам блóуи дастáлись (с. Козловчик Клетн. Брян., 1959), Рыбку в зѣре лавили (Печор. Пск., 1961),

²⁸ Тиханов, 1904, с. 56.

Рыба всякая: платва́, щу́ка, куні́ (Красн. Песк., 1961 — ПОС, вып. 1, 1967). Однако недостаточность сведений не позволяет с определенностью утверждать, что форма без начального гласного у этих слов закрепи́лась. В этом отношении интересно замечание П. Я. Яшкина о том, что в славгородских говорах белорусского языка, например, наблюдается сочетание словоформ *кунь* (мн. *кунёў*) и *во́кунь*, *акунь*, *ва́кунь*.²⁹

Таким образом, круг слов с отпадением начального гласного в говорах русского языка невелик; правда, он, возможно, и не ограничивается перечисленными словами. Почему же именно эти слова допускают отпадение начального гласного независимо от условий, в каких же случаях происходит лексикализация фонетической особенности стяжения сочетаний гласных?

Прежде всего замечается одна общая особенность слов *горóд*, *гурéц* и др. — постоянное ударение на третьем, реже на втором слоге от начала: *огорóд*, *огурéц*, *оке́йн*, *ли́фьн*, *вби́шник*. Постоянное ударение дает возможность закреплиться фонетическому облику без начального гласного (при подвижном ударении начальный гласный в других формах слова легко восстанавливается), и единство фонетического облика слова тем самым нарушается. Нельзя не отметить также, что форма слова без начального гласного закрепляется главным образом у слов, имеющих после отпадения начального гласного один согласный, а не сочетание согласных: *о* — *гурец*, *о* — *город*, *а* — *кан*; только одно из рассмотренных слов имеет сочетание согласных вначале *бл* (*блачка*), правда, вполне допустимое уже в древнерусском языке.

Отпадение начального гласного в слове происходит, как совершенно правильно заметил П. Д. Тимошенко, только в тех случаях, когда оно не влияет на значение слова, и не происходит тогда, когда оно могло бы привести к затемнению значения слова или к различным семантическим сближениям и ассоциациям.³⁰ Этим, очевидно, объясняется и то, что слова, теряющие начальный гласный, в современных говорах являются бесприставочными (ведь утрата приставки могла бы привести к изменению значения слова).

Кроме общих факторов в каждом отдельном случае имели значение и разнообразные причины лексического уровня, способствующие закреплению формы слова без начальной гласной фонемы. Среди этих причин можно назвать следующие: отсутствие родственных слов (у заимствованных — *океан*, *акusherка*; у собственных имен, таких как *Александр*, *Алексей* и др.), немотивированность основы, разрыв родственных связей или же наличие родственных слов, фонематический состав которых не имел гласного в начале слова (например, у слова *огород* — *городьба*, *горожа*, *городить* и др.) и потому мог служить поддержкой словоформы без начальной гласной фонемы, и некоторые другие причины.

²⁹ Яшкин, 1968, с. 120, 122.

³⁰ Тимошенко, 1965, с. 106—124.

Примером названных лексикализованных случаев являются слова с выпадением безударных гласных в неударяемых слогах (во втором предударном или первом заударном неконечном): *пѣгвица*, *лѣквѣца*, *бортовѣть*, *просѣты* и др. Как фонетическое явление выпадение гласных в безударном положении в русской науке известно давно, и наличие его в говорах нет необходимости доказывать.³¹ О выпадении безударных гласных в диалектах русского языка писал еще А. А. Шахматов в «Исследованиях в области русской фонетики» и в «Истории русского языка».³² Это явление было отмечено во многих южнорусских, средне-русских и некоторых севернорусских говорах. Е. Будде наблюдал его на территории Рязанской губернии.³³ В. И. Чернышев — в Мещовском уезде Калужской губернии, в Клинском уезде Тверской губернии, в Московском уезде Московской губернии.³⁴ По свидетельству К. Филатова, выпадение безударных гласных «имеет большое распространение в воронежских говорах».³⁵

Это явление связано с наличием в говорах редукции неударяемых гласных, особенно проявляющейся во втором предударном слоге и первом заударном неконечном как наиболее слабых из неударяемых. Редукция неударяемых гласных иногда приводит к исчезновению звука. В некоторых случаях гласный неударяемый, слабей, может даже исчезнуть, как замечает при описании воронежских говоров К. Филатов. Е. И. Резанова, сообщая о выпадении безударных гласных в говоре д. Масловки и Хитровки Суджанского уезда Курской губернии, пишет: «На месте выпавшего звука не слышно никакого его остатка».³⁶

Одним из условий исчезновения гласного во втором предударном слоге является наличие третьего предударного слога, что, по мнению А. А. Шахматова, указывает на его большую силу «м. б., вследствие положения его в начале слова».³⁷ «Чем полнее гласный 3-го предударного слога, тем сильнее редукция гласного 2-го предударного, которая может дойти и до полной утраты гласного. Это видно, между прочим, из того, что последняя имеет место по большей части в таких случаях, когда налицо 3-й предударный слог, при отсутствии его редукция гласного 2-го предударного слога до нуля наблюдается лишь в единичных случаях», — читаем у Р. И. Аванесова.³⁸

³¹ Бодуэн де Куртене, 1882, с. 86.

³² Шахматов, 1893; Шахматов, 1912, с. 93, 312—313.

³³ Будде, 1892, с. 11, 46—47.

³⁴ Матер. для изуч. говора и быта Мещов. у., с. 155, 178, 182, 186, 188 и др.; Чернышев, 1900, с. 8; Чернышев, 1903, с. 12, 26, 35.

³⁵ Филатов, 1897, с. 265.

³⁶ Резанова, 1912, с. 232.

³⁷ Шахматов, 1893, с. 289.

³⁸ Аванесов, 1949 (2), с. 160.

Кроме указанных слоговых отношений на выпадение безударных гласных оказывают влияние фонетические условия — соседство с определенными согласными звуками. Много раз отмечалось, что соседние плавные, а также *в* и *ј*, безусловно, способствуют редукции гласного до нуля. По А. А. Шахматову, выпадение гласного происходит преимущественно в трех положениях: а) после плавных *р* и *л*; причем плавные в этом случае, как предположил А. А. Шахматов, становились слоговыми (белх. *полсапутъ*, ряз. *сарфаны*, обоян. *ширхаватой*, молхасбс); б) между согласным и плавными *р* и *л*; в этом случае выпадению содействовала «обычность» в языке сочетаний согласный + плавный (ворон. *вратъ*, *платѣнца*, мецов. *крагод*, *праход*); в) между согласными, сочетание которых часто встречается в языке.³⁹ такие сочетания представляют собой, по выражению В. Поржезинского, «обычные вообще в языке группы»⁴⁰ между *з* и *в*, *к* и *в* и некоторыми другими (ворон. *пугвица*, зубц. *луквица*).

Таким образом, как показывают наблюдения исследователей, редукция неударной гласной фонемы до нуля, исчезновение ее, имеющее место во многих акающих и некоторых окающих говорах, представляет собой фонетическое явление, посящее, как правило, факультативный характер. Достаточно характерно в этом отношении наблюдение такого тонкого фонетиста, как С. С. Высотский: «В Ялмоти наблюдается более слабое, чем в литературном языке, произношение второго предупредного гласного (не начинающего слова) вплоть до его факультативного исчезновения.»⁴¹ В говоре может наблюдаться выпадение безударных гласных, но оно не изменяет звукового облика слов. Именно такой характер имеет это фонетическое явление и в белорусских говорах Мстиславщины.⁴²

Однако те же наблюдатели приводят ряд конкретных слов, которые в говорах имеют новый звуковой облик — без гласной фонемы в безударном слоге. Закрепление нового фонетического облика слова имеет место лишь у отдельных слов. Происходит, таким образом, лексикализация фонетического явления. Выявление этих слов и попытка описать условия, при которых происходит лексикализация, — задача настоящего раздела. В некоторых словах фонетическое явление проявляется наиболее ярко: гласная фонема редукцируется в них до нуля и исчезает. Но все же фонетический облик этих слов сохраняется, так как такая редукция непостоянна, факультативна. Явление все еще происходит на фонетическом уровне. Но в ряде слов, как уже отмечалось, такая редукция устойчива. Новый, измененный облик слова закрепляется.

Изучение этих случаев приводит к выводу, что помимо фонетиче-

³⁹ Шахматов 1912, с. 312--313.

⁴⁰ Поржезинский, 1920, с. 123.

⁴¹ Высотский, 1949, с. 32.

⁴² Крывіцкі, 1975, с. 134.

ских и слоговых условий можно указать еще на определенные обстоятельства лексического характера, способствующие лексикализации. При наличии их закрепление нового фонетического облика слова происходит чаще и легче, чем в других случаях. Существование, например, ряда родственных слов с фонетическими условиями, допускающими выпадение безударного гласного, и с ударением на одном и том же слоге способствует лексикализации нового, измененного облика слова. На другое обстоятельство, также благоприятно сказывавшееся на лексикализации формы с выпавшим гласным, обратил внимание С. С. Высотский. Закрепление нового фонетического облика слова может произойти, по его мнению, «при ослаблении или отсутствии аналогии с родственными словами»; в подтверждение этого он привел названия деревень, имеющие в говоре д. Ялмоти (Коробовский р-н Московской обл.) иной вид, нежели их литературная форма: Драфеева — Дороеева, Пышлицы — Пытелицы, Чисма — Чисома и др.⁴³ Звуковой облик отдельных слов изменился и закрепился в измененном виде. Произошла лексикализация фонетического явления: результаты его отложились, как бы застыли в отдельных словах.

а) Слова с выпадением гласного в предударном слоге. Приведем только некоторые, наиболее распространенные и наиболее очевидные случаи, когда закрепление фонетического облика слова с выпавшим безударным гласным произошло. Наиболее ярким и убедительным примером может служить глагол *борновать*, в котором гласный выпал во втором предупдарном слоге. Слово *борновать* получило широкое распространение в говорах. Об этом свидетельствуют многочисленные записи из разных мест (Ряз., 1893; Рязск. Моск., 1903; Клин. Моск., 1903; Моск.; Медын., Мещов. Калуж.; Пск.; Осташк. Твер., 1909; Твер.; Холмог. Арх.; центр. часть Лит. ССР, Йонав. Лит. ССР; Иыгев. Тарт. Эст. ССР; Смол.; Яросл.; Нижегород.; Вадим. Пенз.; Саратов.). Родственные слова зарегистрированы также с выпадением гласного: *заборновать* (центр. часть Лит. ССР, 1968), *забарнавал* (Клин. Моск., 1903), *заборни́ю* (Ставроп. Влад., 1948); Апять этой бараной забарни́ши (д. Волчья Дуброва Тепло-Огарев., Родионова-Нащокина, 1964); *борновальщик* 'тот, кто боронует' (Юрьев. Влад., 1910) и др. Устойчивость корневой морфемы *борн-* подтверждается, с одной стороны, наличием в говорах родственных слов, бо́льшая часть которых, по материалам картотеки Словаря русских народных говоров, известна только с корнем *борн-* и неизвестна с корнем *борон-*; с другой стороны, тем, что слог с выпадающим гласным у многих из этих слов занимает иное положение по отношению к ударению, нежели в слове *бороновать*, и несмотря на это слово употребляется с корнем *борн-*: *борновидьба* 'бороньба, боронование' (Ржев. Твер., 1905—1921), *борноволбька* 'девочка-бороновальщица' (Ниже-Сергин. Свердлов., 1964), *бор-*

⁴³ Высотский, 1949, с. 32.

ново^лобчить 'бороновать' (Урал, 1930; Челяб., 1964), бороновол^лишка 'то же, что бороноволовка' (Зайков. Свердл., 1964), боронол^лок 'тот, что боронит' (Ср. Урал, 1964).

Слово бороновол^лок в значении 'мальчик, подросток, который боронит' (и вообще мальчик такого возраста, в котором можно боронить) имеет значительный ареал. Как показывают материалы, распространенность его ниже, чем слова бороноволок. Неоднократно оно регистрировалось в северо-восточных говорах, особенно часто на Урале, где впервые и записано (Шадр. Перм. 1848, Перм. 1850 и 1898, Челяб. 1914); с другим ударением — боронов^олок — слово записано в Шадринском у. Пермской губ. (1895). На Урале бороновол^лок употребляется и в настоящее время (Свердл., Ср. Урал, 1963). В 1855 г. слово бороновол^лок было записано в Кадниковском уезде Вологодской губернии (У тебя парень-ёт как раз будет бороновол^лок; еще раз оно отмечено в том же уезде, но с иным ударением: У него уж свой боронов^олок (1883—1889). Имеются записи этого слова из Тобольской (1899), Иркутской, Якутской (1905—1921), Вятской (1907) губерний, Кемеровской (1959), Томской (1964) областей. С другим значением — 'жеребенок трех лет, пользовавшийся при бороновании' — и с иным ударением — барнав^алок — слово записано в Батайском районе Саратовской области (1946—1949), а со значением 'лошадь двух лет' — в Ярославской области (1963).

Известны и производные от этого слова: бороновол^лочка 'бороновальщица, девочка — бороновальщица' (Ср. Урал, 1963—1964), а также 'валек у бороны' (Малоарх. Орл., Кардашевский, 1956). Появление таких слов, как барно^лвий (Барно^лвий зуб валялец, Клин. Моск., 1910), боронов^ланный (там же), в которых исчезнувший гласный находился в первом предударном слоге, связано с лексикализацией формы боронов^лать.

Таким образом, в глаголе боронов^лать закрепление нового облика слова — боронов^лать происходит при наличии в говорах нескольких однокорневых слов с одинаковыми условиями. От этих слов образованы новые слова, большая часть которых неизвестна с первой частью бороно-.

Распространенными являются слова прас^енок, прас^еж 'поросенок', мн. прас^ята. Они не раз регистрировались, особенно в акающих говорах: прас^яты (Ряз., 1892 и 1893, Шахматов), прас^ята (Брон. Моск., Шахматов), прас^яты, прас^ят (Клин. Моск., 1903); н^ат прас^ятами (Ставр. Влад., 1948), прас^еж (Ряз., 1892; Рузск. Моск., 1903; Касим. Ряз., 1897; Егор. Ряз., 1949; Земетч., Вад. Пенз., 1948); Пустили прас^енка (Можар. Ряз., 1939); прас^енок (Стар. Твер., Шахматов), уменьш. прас^еничка (Линец. Ворон., 1898). Можно привести целый ряд слов, фонетический облик которых претерпел изменения вследствие выпадения безударного гласного во 2-м предударном слоге. Такие, например, слова, как плав^иица, зарегистрированное в Рязанской губернии в 1892 и 1893 гг., в Дмитриевском уезде Курской губернии (Коростелев, 1922), плат^еница (Ряз., 1893; Дмитриев. Курск., Коростелев, 1922;

Стар. Твер., Прогр. АП № 218, Калли. Моск., 1903). Слово *плати́б* в Касимовском уезде Рязанской губернии Е. Будде (1892) также записал без гласного во втором предударном слоге.

Неоднократно записывалось собирателями слово *порхово́й* 'порховой' (и не только в южнорусских говорах): *парха́во́й* (Тимек. Курск., Шахматов; Дмитриев. Курск., Коростелев, 1922; Льгов. Курск., Прогр. АП № 78; ?), срядитый как серыник пархавой! Судж. Курск., Резанова, 1912; Мещов. Калуж., Корнеев, 1897, Мцен. Орл., Кедров, 1898; Мокш. Пенз., 1899), *пырха́вой* (Писар. Пенз., Семилейский, 1899), *парха́во́й* (Мосал. Калуж., Шахматов, 1897), *порхова́ казна́* (Симб., Киреевский, т. 6, с. 34, 211).

Довольно значительное распространение в говорах получило слово *верте́нб*. Оно было записано в следующих местах: Павл. Ворон., 1858; Ворон., Филатов; Дон.; Обоян. Курск., Шахматов; Дмитриев. Курск., Коростелев, 1922; Судж. Курск., Резанова, 1912; Мцен. Орл., Кедров, 1898; Мокш. Пенз., 1899. Передко это слово регистрировалось и с мягким *р* — *верте́нб*: Калли. Твер., Смирнов, 1898; Киржач., Покр. Влад., Чернышев, 1910; Мещов. Калуж., Чернышев, 1904; Волов. Тул., Комшилова, 1948, 1952; Мокш. Пенз., 1897, 1899; Влад., 1961 (Родионова-Пацоккина, 1976). Фонетический облик слова с выпавшим гласным, возможно, укрепился не без влияния слова *вертеть* и его производных, таких как распространенные в южнорусских говорах слова *верта́ница* 'ящерица' (Орл., Кардашевский, 1956), *верте́ница* 'ящерица' (Бесед. Курск., 1957), *вертя́ница* 'ящерица' (Виртяницы длинные по полу сидят. Росос. Ворон., Попов, 1961). Неоднократно записывалось слово *сковро́да* 'сковорода' (Калли. Твер., Смирнов, 1897; Брян. Орл., Тиханов, 1904; центр. часть Лит. ССР, Немченко, 1968). Именно в таком фонетическом облике зарегистрировал слово прибалтийский словарь: Горячая сковра́да (Йонав. Лит. ССР); Блины пекем на сковрады (Прейл. Латв. ССР); На горячей сковрады (Йыгев., Тарт. Эст. ССР, 1963).⁴⁴

Выпадение гласного *А*. А. Шахматов видел в слове *молоко́сос* и в его производных: *молка́сб* (Обоян. Курск.), *молко́сбсника́* (Мещов. Калуж., Шахматов).⁴⁵

В ряде архангельских и некоторых других говорах сложные слова с первой частью *мороз* (*морозо́бый*, *морозо́бина*, *морозо́бийные*) зарегистрированы также с исчезнувшей гласной во втором предударном слоге: *морзобо́й* 'побитый, испорченный морозом хлеб на поле' (Арх., Подвысоцкий, 1885), *морзобина́* 'овощ, плод, побитый морозом' (До морозов не успели убрать картошку и было в ней много морзобины. Петров. Саратов., Наумов, 1960—1961). Прилагательное *морзобо́йный* отмечено в двух значениях: а) 'испорченный, побитый морозом' — морзобо́йный хлеб (Шенк. Арх., Шикунов, 1846; Беломор., Федоров, 1952), а также 'неурожайный вследствие заморозков, губительных для будущего урожая' —

⁴⁴ Прибалт. словарь, 1963.

⁴⁵ Шахматов, 1912, с. 312.

морзобойный год (Шенк. Арх., Шкүнов, 1846); Лонись зяблой был год, да и сей год, надо быть, морозобойной буде (Холмог., Шенк., Пинеж. Арх., Подвысоцкий, 1885; Беломор., Федоров, 1952).

Несмотря на то что только одно слово из перечисленных имеет соответствие в литературном языке (*морозоббила* — Слов. Акад. 1957, т. 6), а остальные являются собственно диалектными лексемами, не имеющими соответствий в литературном языке, все же нет сомнений в том, что и для этих слов исходным фонетическим обликом является фонетический облик с гласной фонемой между *р* и *з*. Он также зарегистрирован в севернорусских диалектах, в том числе и в архангельских: *морозоббй* 'мороз, низкая температура, губительная для плодов на поле и в огороде' (Холмог. Арх., 1907; Ворон.), 'испорченные, побитые морозом хлеба, овощи на поле, в огороде' (Даль; Холмог., Пинеж., Шенк. Арх., Подвысоцкий, 1885).

В некоторых случаях фонетический облик слова изменяется вследствие выпадения гласного в первом предударном слоге, например *карвай* (Обоян. Курск., Шахматов; Дмитриев. Курск., Коростелев, 1922; Тимск. Курск., Прогр. АН № 246; Мещов. Калуж. Корнеев, 1897), а также сочетание *у галва́х*, соответствующее литературному *в головах*. Последнее зарегистрировано в следующих говорах: Обоян. Курск., Шахматов; Дмитриев. Курск., Прогр. АН № 236; Тимск. Курск., Прогр. АН № 246; Мещов. Калуж., Корнеев, 1897; *во галва́х* — Епифан. Тул. Слово *галва́шки* отмечено в Обоянском уезде Курской губернии также без гласной фонемы между *л* и *в*.

Вследствие подобного же выпадения гласного звука, только не *о*, а *е*, изменился фонетический облик глагольного префикса *пере-* в южнорусских и некоторых других говорах: второй *е* этого префикса, находясь во втором предударном слоге, подвергся редукции и исчез: *пирьдава́ть*, *пирьва́лить*, *пирьва́рнуть*, *пирьва́зить*, *пирьку́сить*, *пирьса́лить* и т. п. Это изменение фонетического облика префикса отмечено было в Обоянском (Мапкин, 1855), Тимском, Львовском, Дмитриевском (Коростелев, 1922), Суджанском (Резанова, 1912) уездах Курской губернии, в западных районах Курской области (Марейчева, 1971), в Белгородском районе Курской области (Мальцев, 1941), в Воронежской губернии, в Рапенбургском и Рузском уездах Московской губернии (Дурново, 1902), в Тверской губернии, в Клинском, Московском уездах Московской губернии (Чернышев, 1901), в Мещовском уезде Калужской губернии (Чернышев, 1910), в Мценском уезде Орловской губернии (Кедров, 1898) и в станицах по Тереку (Водарский, 1901), т. е. в тех же местах, где наблюдается бытование отдельных слов с выпадением безударных гласных.

б) Слова с выпадением гласного в заударном слоге. В говорах встречаются слова, в которых исчезает гласный заударного слога. Можно указать на весьма распространенные в диалектах слова *пүгвица*, *лүквица*. Как уже говорилось,

В. Поржезинский приводил эти два слова в качестве примеров с выпавшим гласным. Наличие такого произношения подтверждает в своем словаре и Преображенский: *пуговица*, иногда *пѹговица* (с. 149). Слово *пѹговица* имеет довольно значительный ареал: Олон. Рыбников, 1864 (Покатилась голова, будто пугвица), Олон. (Куликовский, 1898), Онеж. КАССР (1933), Прионежье (1922), Кем. Арх. (1909), Холмог. Арх. (Граудилевский, 1907); Север. (Махнул этот Ваня своей саблей. У его головы, как пугвицы отлетели. Никифоров, 1961, с. 322), Мышкин. Яросл. (1964), Шадр. Перм. (1856). Мещов. Калуж. (Чернышев, 1900), Ворон. (1897). Слово *лѹквица* зарегистрировано в Зубцовском у. Тверской губ., в Мышкинском районе Ярославской области (Соцкова, 1964), в Воронежской губернии. Причем слово *лѹковеник* 'пирог с луком' в некоторых местах записано также без заударного о: *лѹквеник* (Пестр. Куйбыш. Кузнецова, 1952; Захар. Ряз., Жбанкова, 1962). Можно привести еще несколько слов, в которых выпадает безударный гласный в заударном слоге, как например слово *сѣвротка*, зарегистрированное в следующих местах: в Клинском уезде Московской губернии (1903), в Юрьевском уезде Владимирской губернии (1910), в Бесединском районе Курской области (1958), в центральной части Литовской ССР (1968), а также в Прейльском районе Латвийской ССР, в Йыгевском районе и Тартуском районе Эстонской ССР (1963), в Старицком уезде Тверской губернии (Прогр. АН № 218). В Клинском у. отмечено уменьшительное *сѣвротца*: Сывротцы прибавь (Клин. Моск., 1910). В курских говорах отмечено слово *зѣгвины*: *зѣгвены загавеим* (Зап. Курск., Марейчева, 1971).

В. И. Чернышев среди слов с выпадением гласной фонемы в мещовском говоре Калужской губернии называет п слово *кѹлкал*: Ты юдѹрь-кя (ударь-ка), большой кѹлкал, прыбуди маво батюшку. Несмотря на то что во множественном числе ударным является окончание (*калкалѹ*), в мещовском говоре сохраняется фонетический облик с выпавшим гласным после л; правда, в формах множественного числа гласный, подвергающийся редукции, попадает опять в положение, где такая редукция возможна.⁴⁶ *Кѹлкал* записан еще в Обоинском уезде (Машкин, 1855), в Суджанском уезде (Резанова, 1912), в Бесединском районе Курской области (1958), в Касимовском уезде Рязанской губернии (Ильинский, 1897), в Мосальском уезде Калужской губернии (Брок, 1916). В описании воронежских говоров К. Филатов приводит это слово также с выпадением гласного — *колкол* (1892). Форма мн. числа — *колколѹ* — отмечена в следующих местах: Мещов. Калуж., Корпеев, 1897 (*кылкалѹ*), Мцен. Орл., Кедров, 1898 (*калкалѹ*), Дмитриев, Курск., Коростелев, 1922 (*калкала*), Тимск. Курск. (*калкалѹ*), Судж. Курск., Резанова, 1912 (*калкалѹ*), Инсар. Пенз., Симилайский, 1899 (*кылкала*).

⁴⁶ Чернышев, 1901.

Замечание Преображенского по поводу слова *колкол* как будто свидетельствует о широком распространении, общепародном употреблении его («в произношении *колкол*»), однако в вышедшем в 1911 г. Словаре русского языка Академии наук (т. 5, вып. 5) это слово имеет помету «обл.» и подтверждается исключительно диалектными материалами (Влад., Курск., Брян.).

в) Весьма интересным случаем рассматриваемого явления может служить слово *жа́вронок*, соответствующее литературному *жаворонок*. Как известно, в древнерусском языке имелось *жаворонокъ* (Задонщина по сл. 1410 г.).⁴⁷ В тех говорах, где это слово имеет постоянное ударение на третьем слоге от начала — *жаварѡнак*, *жаварѡнки*, *жаварѣта* (д. Дулово, Белев, Тул.), гласный между *в* и *р* в слоге, занимающем в этом случае положение первого предударного, сохраняется.⁴⁸ По материалам картотеки Словаря русского языка XVIII в. в произведениях XVIII в. были употребительны обе формы — *жаворонок* и *жавронок*; однако форма *жаворонок* отмечается чаще. Показания словарей XIX в. противоречивы. Если Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г. указывает на общепародное распространение формы *жа́вронок* (в словаре *жа́вронок* помещается наряду с *жаворонок*, без стилистических помет (*жа́вронок* и *жа́вронок*) и с цитатой Крылова: Ты, жавронок, чем по верхам Тебе кумыркаться. . .), то в Словаре Академии Российской (ч. II, 1790) находим только *жа́воронок*. Диалектные материалы указывают на распространение этого слова в южнорусских и западных говорах: Калуж., 1896; Пск., Твер., Курск., Дон.; Пагляди-ка: жавронык палятеу; Ты запой, запой, Младой жаўранак, На калинушке да ты седючи, на праталинки! (Добровольский, 1903, с. 578; Смол., Добровольский, 1914). От слова *жавронок* в говорах зарегистрированы уменьшительные образования, как например *жавроу́шки* 'жаворонки' (Дон., Миртов, 1929), подтверждающие лексикализацию звукового облика *жа́вронок*. Обращают на себя внимание уменьшительные существительные к слову *жавронок* в смоленских говорах. Их звуковой облик довольно значительно отличается от звукового облика слова *жавронок*. Так, по материалам В. П. Добровольского, здесь бытуют следующие существительные: *жираўленачик* (Ты запой, зайграй, жипраўленачик, Да ты седючи на праталинки! Тюремн. песня. Добровольский, 1903, с. 578), *жираўка* (А я млада-младешанька, забавилася, За утими, за гусими замешкалася, за вольныю за пташкою, за жипраўкыю. Смол. Смол., 1914), *жира́вушка* (Жиравушка на стажку пахаживаць. Смол. Смол., 1914).

Интересные образования отмечены и в севернорусских говорах. Со значением 'молодой жаворонок' здесь записаны слова *жавролёнок*, *жавроленочек*: Жавролёнок на море десятский, то есть очник деревенский (Петрозав. Олон., Рыбников); Жавроленочек,

⁴⁷ Срезневский, т. 1.

⁴⁸ Сообщено А. А. Даниловым.

он по поднебесью летает, Жалобнехонько он щекотает (Петровзав. Олон., Рыбников, 2, с. 312).

Как можно заметить, звуковой облик основы уменьшительных образований отличен от звукового облика слова *жаворонок*. У севернорусских слов в основе появляется слог *-ле-*. Еще более значительны отличия смоленских уменьшительных. В одних словах (*жираўлёначик*) здесь также отмечаются и другие отличия в звуковом облике: в предударном слоге на месте *а* появляется *и*, исчезает звук *в* (*ў*) перед *р*; в то же время перед слогом *-ле-* здесь имеется звук *в* (или *ў*). Одни из указанных отличий вполне объяснимы фонетическими особенностями смоленских говоров: звук *и* на месте *а* в предударном слоге — системой яканья; *в* (*ў*) может выпадать перед согласными; другие (*в* или *ў* перед слогом *-ле-*) трудно объяснить причинами фонетического порядка.

Таким образом, отличия в фонетическом облике всех этих образований настолько значительны по сравнению с фонетическим обликом слова *жаворонок*, что возникает предположение об образовании их от какой-то другой, но сходной по звуковому облику основы. Исходя из приведенных материалов, можно предположить, что уменьшительные слова *жавроленок*, *жираўлёначик*, *жиралёнык* (с выпадением *ў* перед *л*), *жираўка*, *жиравушка* появились в результате так называемой народной этимологии, ассоциации со словом *журавль*, хотя не совпадающим по значению со словом *жаворонок*, но соотносительным с ним, как все названия птиц. Как увидим ниже, такое предположение вполне вероятно.

Случаи влияния схожего наименования в названиях птиц отмечал Л. А. Булаховский: «Одна из характерных особенностей многочисленных наименований птиц, известных в их более старой и позднейших формах, — что их позднейший облик представляет собою зачастую скрещенния (контаминации) двух названий птиц, иногда (и нередко) совсем различных пород». ⁴⁹ При этом, по наблюдению Бодуэна де Куртена, «действию народной этимологии подлежат слова с неустановившейся морфологически-семасиологической делимостью, получаемую только именно вследствие процесса «народной этимологии». ⁵⁰ В рассматриваемом случае (*жаворонок*) в современном русском языке как раз налицо немотивированность основы, затемненность морфологического состава слова. Соплелся здесь на П. Черных, который, касаясь употребления слова *жаворонок* в древнерусскую эпоху, пишет, что это слово до сих пор остается «неразгаданным по своему происхождению, несомненно, славянскому». ⁵¹ Таково же мнение и Л. А. Булаховского: «...наименее ясны со стороны этимологической восточнославянские формы слова: русск. *жа́воронок*. . . , укр. *жа́йворонок*. . . , белор. (по Поговичу) *жа́вронок*». ⁵² () возможности сближения именно этих наи-

⁴⁹ Булаховский, 1948, с. 177.

⁵⁰ Бодуэн де Куртене, 1963 (3), с. 43.

⁵¹ Черных, 1956, с. 46.

⁵² Булаховский, 1948, с. 194.

менованных двух различных птиц также писал Л. А. Булаховский, предполагая родство *жаворо́нка* и *журавля* еще на общеславянской почве на основании словен. *Žerjavec* 'жаворонок', которое, по его мнению, «представляет по происхождению нечто вроде «журавлик»». ⁵³ В. П. Добровольский в Смоленском словаре приводит следующие уменьшительные к *жаворонку*: *жираўлёначик*, *жиралёнык*, *жираўка*, *жиравушка* — и к *жораву* ('журавль'): *жиравок*, *жўрька*, *жўрюшка*, *жиравлёночек*. Достоверность предположения о влиянии основы *журавль* (при образовании уменьшительных слов *жаравленок*, *жаравушка*) на слово *жаворонок* подтверждается следующими фактами. Как известно, в древнерусском языке названия журавля имели фонетический облик, несколько отличный от современного литературного и более близкий слову *жаворонок*: ср. древнерус. *жаравь*, *жеравь*, *жеравль* (по Срезневскому); еще в Лексиконе Поликарпова (1704) — *жаравль*. В литературном языке XVIII в. употреблялись слова *жаравль*, *жеравль* и *журавль*. В произведениях самого начала XVIII в. находим *жеравль* (Зрелище, 1712; Пословицы Петровской галереи), *жорави* (Притчи Эсоновы, 1700); в то же время употреблялось *журавей* (там же), *журавлины* (там же). Позже слова с *у* после начального *ж* становятся единственными (см.: Зап. Желябова, 1840; Соймонов, Опис. Касп. моря, 1763; сочинения Сумарокова, Тредьяковского, Курганова, Крашенинникова и др.). В Словаре Академии Российской (1790) читаем: *журавль*, по-старинному *жаравль* или *жеравль*. Старинные названия журавля до сих пор сохраняют говоры: *жарав* (Арх., 1858; Волог., Олон.), *жарав* (Арх., 1852; Осташк. Твер., Пикол. Волог., Олон.), *жаравя* (Арх., 1855). В сказках Ончукова: Ей встречу идет жарав (Усть-Цильма Арх., с. 51), по рядом: Журав ей унес высоко (Усть-Цильма Арх., с. 52). Отмечено еще: *жаравль* (Молог. Ярослав., 1896), *жаравий* (Волог., 1902), *жорав*: Несите утицу плавучу да жоравя долгоногого (Шенк. Арх., 1877), *жбрав* (Прибалт., 1963), *жбраў*, уменьш. *жиравок*, *жиравленочек* (Смол., Добровольский, 1904, 1914), *жбраў* (Зап. Брян., Расторгуев, 1973). Причем эти старинные названия отмечены и в говорах, где имеются уменьшительные к слову *жаворонок* с основой *жарав-*, *жаравл-*. Они находят себе подтверждение и в других славянских языках (ср. старослав. *жеравль* и *жеравъ*, польск. *żogaw*, белорус. *жорав*). Таким образом, все приведенные факты достаточно убедительно показывают, что предположение о смешении, контаминации основ *жаворонок* и *журавль* в говорах не лишено основания.

Однако говорить более конкретно и более определенно о том, как происходило образование уменьшительных к слову *жаворонок*, на каком этапе сказалось влияние основ *жоравль*, *жаравль*, пока нет возможности. Ведь ряд изменений (за исключением появления слога *-ле-*), например в смоленских говорах, вполне объясняется

⁵³ Там же, с. 195.

фонетическими особенностями этих говоров. Однако значительность, серьезность изменения фонетического облика уменьшительных (как правило, такого изменения вследствие лексикализации фонетических явлений не наблюдается) свидетельствует в пользу влияния со стороны основ *жоравль*, *жаравль*.

г) Слова, не имеющие соответствий в литературном языке. В говорах, очевидно, можно найти немало слов с исчезнувшей гласной фонемой в безударном слоге, не имеющих соответствий в литературном языке. Естественно, что в отличие от слов, только что рассмотренных (*борновать*, *просенок*, *пугвица*, *луквица*), слова такого рода трудно разыскиваемы. Они обнаруживаются только вследствие целенаправленных специальных поисков и изучения, сопоставления многочисленных языковых фактов древнерусского языка и других славянских языков. Таким образом, это наиболее сложные случаи. В то же время именно они представляют наибольший интерес. Разыскание такого слова и доказательств, подтверждающих, что именно здесь фонетический облик претерпел изменение вследствие выпадения безударной гласной фонемы, представляет собой лексикологическую проблему. Последняя помимо чисто научной стороны имеет и практическую сторону — лексикографическую. Она помогает составителям диалектных, исторических словарей разрешать такие задачи, как разделение слов на омонимы, как написание заголовочных слов в диалектном словаре.

Ниже приведем слова, основ которых нет в литературном языке и звуковой облик которых, по нашему мнению, претерпел изменение вследствие исчезновения безударной гласной фонемы. Представляется, что современный звуковой облик таких диалектных слов, как *мбркотню* (и *моркóтню*), *мбркотный* (и *моркóтный*) и некоторых других, однокоренных с ними, изменился вследствие полной редукции гласной фонемы между *р* и *к*.

Мбркотню (и *моркóтню*) имеет в говорах следующее значение: 'пасмурно, туманно' (Ср. Урал, 1971; Енис. Енис., 1902), 'грустно, печально' (Курск., 1848; Тамб., Смол., Зап. брян., Моск., Калинин., Арх., Волог., Яросл., Енис., Сиб.). Помимо этого, слово *моркотню* бытует в говорах в значении 'скучно, надоедливо, противно до отвращения' (Курск., 1848; Борисоглеб. Тамб., Орл. Орл., Смол.; Пск.; Кашин., Корч. Твер.; Прейл. Латв. ССР; Йонав. Лит. ССР; Поозер. Повг.; Лешукон. Арх.; Волог., Грязов., Тотем. Волог.; Моск.; Пошех., Молог. Яросл.; Влад.; Саратов.; Астрах., Ср. Урал; Енис.). Прилагательное *мбркотный* (и *моркóтный*) было записано в значениях: 'пасмурный, туманный, дождливый (о погоде)': (Лешукон. Арх., 1949; Беломор.; Том. Том.). В значении 'скудный, грустный' это слово было отмечено еще Словарем 1847 г. и квалифицировано им как простонародное. Диалектные записи свидетельствуют о функционировании его в этом значении в Псковской губернии, в Смоленском уезде Смоленской губернии (1919), в Йонавском районе Литовской ССР (1960). Кроме того, слово *моркотный* известно в говорах еще в трех значениях: 'озабочен-

ный' (Сарат., 1918), 'медлительный, перасторожный' (Терек., 1900), 'кропотливый' (Тамб., 1947—1950).

Диалектные материалы, на наш взгляд, дают возможность слова *моркотню*, *моркотный* соотнести со словами корня *морок-*. Как известно, слова этого корня имеются почти во всех славянских языках, в том числе в украинском (*Мброк* 'темнота', 'что-либо безрадостное, безнадежное'. Словник укр. мови, т. 6; *Морбчий* 'темный, мрачный'. Гринченко, т. 2) и белорусском (*мброка* 'помрачение'. Посович, 1870) языках. В древнерусском языке, по свидетельству словаря П. П. Срезневского (т. 2), употреблялось слово *морочыны* 'мрачный, темный'. В диалектах имеется целое гнездо слов этого корня, причем лексическое значение их прямо соотносится с лексическим значением слов *моркотню*, *моркотный*. Слово *мброк*, например, известно в значениях 'облако, туча' (Шенк. Арх., 1844; Арх., Беломор., Волог., Перм., Урал, Тюмен., Tobол., Новосиб., Иркут., Том., Забайкалье, Сиб., Енис., Колым., Якут.), 'мрак, сумрак', 'мрачная, сумрачная погода' (Арх., 1842—1847); Волог.; Кашин. Твер.; Яросл.; Перм., Свердл., Tobол., Зауралье; Енис. Енис.; Кашин. Том.; Южн.-Сиб.; Новосиб.; Иркут., Усть-Каменск. Горно-Алт., Хакас. Краснояр.; Индигирка, Камч.; Амур), 'туман' (Арх., 1885; Беломор., Сев.-Двин.; Коми АССР; Волог.; Перм., Tobол.; Хакас. Краснояр.; Русское Устье Якут.; Омск., Том., Кемер.; Енис.; Амур), 'мелкий, морозящий дождь' (Сев.-Двин., 1928; Арх.; Волог.; Свердл.; Сузун. Новосиб.; Камч.).

Слово *морба* имеет примерно те же значения: 'сумрак, мрак' (Минус. Краснояр., 1966), 'облако, туча' (Слобод. Вят., 1897; Перм.), 'облачная, пасмурная погода' (Соликам. Перм., 1973), 'туман' (Слобод. Вят., 1897).

В то же время такое сопоставление дает возможность дифференцировать омонимы. В рассматриваемом случае оно позволяет, например, в словах *моркотный*, *моркотню* видеть два слова; лексические значения первого слова связаны с понятием ненастной погоды или являются производными от него; лексические значения другого слова семантически далеки от значений первого комплекса. Дело в том, что слово *моркотню*, приведенное С. И. Котковым из Болховского района Орловской области (1940—1950), имеет значение 'беспокойно, много дел'. Несомненна его связь со значениями слова *моркотный*: 'озабоченный', 'медлительный, перасторожный, кропотливый', отмеченными, между прочим, также в южнорусских говорах. Указанные значения обоих слов очень близки следующим украинским и белорусским словам с корнем *морок-*: укр. *морочувати* 'сердиться, ворчать на кого-л.', *морочуватий* 'затруднительный, хлопотный', *морочливий* 'хлопотный, затруднительный, головолomный' (Гринченко, 1908, т. 2), белорус. *мбровка* 'медлительность, остановка', *морочацца* 'замедление, замедляющее препятствие', *морбжанне* 'проволочка времени, медлительность', *морбкать* 'медлить', 'медленно делать что-л.', *морочаць* 'медленно что-л. делать', 'роптать, быть недовольным', 'жить незavidно, скучно, кое-как переживать горе' (Посович, 1870).

Такая дифференциация подтверждается и словарем М. Фасмера.

Известный собиратель псковских и останковских слов Н. П. Карпов (лексические материалы его были использованы в Дополнении к Опыту областного великорусского словаря) отметил в своем словаре два слова *маркосить* и *марікосить* с одним и тем же значением 'мелькать, мерещиться в потемках' (Пск., Останк. Твер., 1855). Представляется, что в первом случае (*маркосить*) исходным звуковым обликом является *морокосить*; теперешний звуковой облик (*маркосить*) появился вследствие исчезновения гласной фонемы из-за полной ее редукции; во втором случае (*марікосить*) гласная фонема сохранилась, поскольку она ударная. Убедительным доказательством такого понимания приведенных языковых фактов являются записи *маракосить* и *морокосить* с близким значением 'говоря о дожде: идти мелкой россыпью', сделанные Карповым в тех же говорах (Пск., Останк. Твер., 1855). Этот глагол с тем же самым значением 'идти, накрапывать (о мелком дожде), моросить' отмечен в прибалтийских говорах без гласной фонемы между *р* и *к* — *моркосить* (Полав. Лит. ССР, Тарт., Йыгев. Эст. ССР, Прейл. Латв. ССР, 1960—1963).

Паряду со словом *дымоволок* 'вытяжная труба над дымовым отверстием в потолке или в стене избы с беструбной черной печью', распространенным в ряде севернорусских говоров (Олон., 1898; Черепов. Повг., 1910 — *дымоволок*; Сольвыч. Волог., 1819; Черепов. Повг., 1910; Олон., 1898; Волог., 1902; Арх., Перм. — *дымоволо́к*), в тех же говорах зарегистрировано и слово без гласной фонемы после *м* (*дымволок*), с ударением на первом или последнем слоге: *дымволок* (Волог., 1902; Кадн. Волог., 1895) и *дымволо́к* (Даль; Казан., Водарский).

Собирателем Карповым в Псковской губернии и Останковском уезде Тверской губернии зарегистрировано слово *задорога* со значением 'место за дорожкой, за канавами' (1855). Его привел также Даль с примером: Отдохнули да с часок понасли лошадок по за́дороге (Пск., Твер.). В этом же значении оно зарегистрировано было еще в Горьковской области.

Думается, что и часть значений, которые представлены в СРНГ (1974, вып. 10) как входящие в словарную статью *З а д о р о г а*, также надо отнести ко 2. *З а д о р г а* ('полоса по обе стороны дороги'). Речь идет о значениях 'боковая часть пода русской печи' (Том., 1964; Ср. Приптынье), 'стена русской печи, в которой сделан проем, устье печи' (Онеж., 1948), 'боковая сторона шестка' (Бухтарма Том., Гришкова, 1930; Том.), 'углубление в стене печи сбоку, около шестка' (Тунк. Бурят. АССР, 1968). Все эти значения наблюдаются и у слова *задорога*; причем функционирование слова *задорога* в этих значениях отмечено значительно чаще, в большем количестве мест: 'часть пода русской печи по обе стороны чела' или, как хорошо пишет Даль, «по бокам срединной полосы» — «дороги» (Арх., Сиб.). В Архангельской губернии также записано: Ставь горшок на задорогу, чтоб не мешал. В этом же значении слово зарегистрировано было в Северо-Двинской области (1929), в Во-

вогодской губернии, в Костромской и Владимирской областях, в Вятской губернии, на Среднем Урале, в Новосибирской, Томской областях и на Амуре. Следующее значение — 'боковые стороны наружной стенки печи, в которой чело'. Оно было записано в Шенкурском уезде Архангельской губернии, в Тотемском и Вельском уездах Вологодской губернии, в Пермской губернии (1856), в Ленинградской, Курганской и Тобольской областях. Этнографическое описание этой реалии отчетливо указывает на отношение этого значения к комплексу значений, связанных с понятием задорожной полосы, задорожного пространства: «На передней наружной стенке над устьем от выходящего из печи дыма всегда образовывалась широкая черная полоса, покрытая толстым слоем сажи; это чело печи, или челесник. По сторонам чела на белой стенке оставались чистые полосы — задороги».⁵⁴ К этому же комплексу надо отнести и некоторые другие значения этого слова, наличествующие и в слове *задрога*, как 'стена русской печи, в которой сделан проем, устье' (Том., 1965; Южн. р-ны Краснояр., 1967), 'углубление внутри печи за устьем или в шестке с одной или с обеих сторон' (Слобод. Вят., 1897; Полн. Вят., Северо-Двин., Киров., Перм., Урал., Омск., Кирен. Иркут., Краснояр.).

Как уже говорилось, в Словаре русских народных говоров все эти значения в словах *задорога* и *задрог* объединены со значением 'брус, доска по краю, ребру боковой стенки русской печи; за нее держатся, когда влезает на печь или слезают с нее'. Такое объединение явилось неслучайным и подсказано было наличием значений, связывающих оба комплекса, занимающих как бы срединное положение между ними, как *задрогá* 'печь', *задорога* 'край, бок печи', 'боковая стенка печи', 'место у печи около трубы', 'печная заслонка в избе с отоплением по-черному' и др. По всей очевидности, и у носителей говоров произошло такое объединение двух слов, восходящих этимологически к разным корням: одно — к *дерг-*, *дорг-*, другое — к *дорог-*. Таким образом, сопоставление этих слов, установление исходного фонетического облика для слова *задрога* дает возможность дифференцировать значения слов *задрога* и *задорога*, выделив в них два комплекса, и поставить под сомнение объединение этих комплексов в единых словарных статьях в выпуске Словаря русских народных говоров.

Слово *дырватка* 'глиняный горшок, корчага с отверстием внизу, употребляемые для варки усяла, кваса и пива' (Сузун. Новосиб., 1965) получает мотивированность основы, если осмыслиется как непосредственно происшедшее от *дырва́тка*, известное в говорах с тем же значением (Перм., 1853; Свердлов.). Можно считать, что фонетический облик слова *дырватка* изменился вследствие исчезновения заударной гласной фонемы.

⁵⁴ Бломквист, 1956, с. 255.

1. Рассмотренные в этой главе лексикализованные явления важны в плане установления и исследования источников, причин и факторов происхождения лексикализованных фонетических особенностей говоров.

2. Источником лексикализованных фонетических особенностей могут быть и действующие фонетические явления, так как при их реализации наблюдаются случаи закрепления результатов этих явлений в фонетическом облике конкретных слов.

3. Поскольку в этой главе изучались типы лексикализованных явлений, образовавшихся на почве действующих фонетических явлений современных говоров, они дали возможность а) проследить самый процесс лексикализации, так как он представлен в говорах в развитии, различными ее степенями; б) прояснить комплекс причин и факторов, участвующих в формировании лексикализованных случаев, действующих на разных уровнях языка. Явления именно такого рода позволяют изучать происхождение лексикализации, исследовать роль и значение в этом процессе различных факторов.

4. В настоящей главе рассмотрены также слова, не имеющие соответствий в литературном языке, изменившие свой фонетический облик в результате выпадения гласных (*мóркотно*, *мóркотный*, *дымволок*, *зáдорга*, *зáдрога*, *дýрватка*). Их исследование чрезвычайно важно не только в теоретическом плане, — в плане установления их исходного фонетического облика (что весьма затруднительно), истории изменения этого облика, выяснения причин изменения, последовательности действия этих причин, определение роли каждой из них (особенно интересны в этом отношении истории слов *мóркотно*, *мóркотный*, *зáдорга*, *зáдрога*, их смешение со словами, близкими по фонетическому облику *моркóтно*, *зáдорога*). Изучение всего этого материала имеет и чисто практическое значение: для решения различных вопросов лексикографии, таких как омонимия в словаре, орфография заголовочных слов, структура словарной статьи и др.

5. Рассмотренные лексикализованные явления имеют более широкое распространение в говорах, чем те, которые изучались в предыдущей главе, так как охватывают более значительное количество слов. Наиболее ярко (в наибольшем количестве слов) они проявились в юго-западных говорах, где отчетливее тенденция возрастающей звучности слога.

СЛОВА С ДИАЛЕКТНЫМИ СУФФИКСАМИ
И ПРЕФИКСАМИ

Иногда фонетические процессы, протекающие в говорах, приводят к изменению фонетического облика отдельных морфем (префиксов и суффиксов), к образованию своеобразных диалектных морфем. Эти последние соответствуют литературным морфемам, но всегда отличаются от них своим фонетическим обликом. В этих случаях приходится говорить о целых категориях слов, сочетающихся с такими морфемами (как, например, слова с приставкой *ува-*, слова с суффиксом *-апу-* (*-опу-*),¹ слова с суффиксом *-оба* и др.).

В настоящей главе будут рассмотрены два типа диалектного словообразования: глаголы с префиксом *ува-* и существительные с суффиксом *-оба*.

Слова с префиксом *ува-* принадлежат к одной из наиболее интересных особенностей южнорусского глагольного словообразования. Эта категория слов особенно специфична в отношении формирования ее и функционирования в говорах. Она объединяет довольно значительную группу слов. Слов с суффиксом *-оба* немного в говорах. Однако эта особенность диалектного словообразования, получившая распространение преимущественно в севернорусских говорах, весьма любопытна по своему происхождению. Все эти словообразовательные типы или мало исследованы, или совершенно еще не изучались.

1. ГЛАГОЛЫ С ПРЕФИКСОМ *УВА-*

В ряде южнорусских и среднерусских говоров употребляются глаголы с префиксом *ува-*: *увабрать*, *увагнать*, *уваймать* и некоторые другие. Наличие сочетания *ува-* на месте *в* и *у* — явление, свойственное всем восточнославянским языкам. Как известно, в современном литературном белорусском языке имеется довольно большое количество глаголов с префиксом *ува-*: *увабра́цца*, *увабра́ць*, *увагна́ць*, *увагна́цца*, *увагну́ць*, *увагну́цца*, *увагрэ́цца*, *увагрэ́ць* и др. (Белорус.-рус. словарь, 1962); так же и в современном украинском языке (где префикс имеет вид *уви-*): *увибра́ти*, *увибра́тися*, *уви́гнати*, *уви́гнутися*, *уви́ляти*, *уви́лжати* и др. (Укр.-рус. словарь, т. 6).

¹ Подробно см.: Кузнецова, 1966 (1), с. 35—61.

Эти глаголы, представляющие собой в русском языке отличительную черту главным образом южнорусских говоров, редко привлекали внимание исследователей. Между тем произношение сочетания *ува* на месте предлога и приставки *у-* и *в-* давно уже известно в науке. Существует не только описание этого явления, фонетическая интерпретация его, но высказаны предположения относительно его происхождения.²

Произношение *уа*, *ува* на месте *в* и *у* нашло отражение в древнерусской письменности. А. П. Соболевский в «Очерках...» впервые указал на наличие этого явления в галицко-волыньских памятниках. Позже в «Лекциях...» он привел примеры из этих памятников: *уоторыи* (Типогр. Ев. XII—XIII вв., № 6), *увесь народ* (Луцкое Ев. XIV в.), *уотягли* (Ипатский сп. лет.), *ув ад* (Поучения Ефрема Сирина 1492 г.). Здесь же А. П. Соболевский заметил, что исследуемое явление нередко встречается в западнорусских актах XV—XVII вв. А. А. Шахматов в двинских грамотах XV в. также нашел случаи употребления предлога *у* в форме *ув*.³ Позже исследователи не раз отмечали наличие сочетания *уа* на месте *в* и *у* в памятниках древнерусской письменности.⁴

Памятники, отразившие *ува-* на месте приставок *в-* и *у-*, относятся главным образом к письменности более поздней поры и преимущественно южнорусской и западнорусской. Приведем примеры глаголов с приставкой *ув-*, *ува-* из этих памятников.⁵ Так, довольно часто в них встречается глагол *увойтии*: Иеромонах Иаковл., через свое плутовство з монастыра Мотренинского увоишолъ (Листы Конст., 9—10, XVIII в.); Ой, не увоидеш от мене (Сл. О збур., п. 853, XVIII в.); Оувойти в дом (Отп. ки. Остр. П. П.; Русск. ист. библи., 15, 1598 г.); И казал увойти в воду (ЖК. Вл.; ЧЮОПД, 2 (40, XVIII в.)). Подобные примеры можно найти и в Исторической грамматике украинского языка (1962, с. 176): увоиде (Крехівський апостол 1560); А хто и в Константиновъ увоишолъ, и тіе не удеркались в Константиновъ (Літопис Самовидця, конец XVII—начало XVIII в.). Много примеров употребления глагола *увойтии* из западнорусских памятников XV—XVII вв. приводит Е. Ф. Карский (1965, с. 334—335).

В письменности отмечены и некоторые другие приставочные глаголы на *ува-*, такие как *увогнать*: Полггор увогналъ ихъ (людей) в рѣку (Рук. Хром., 216, XVIII в.); *увобраться*: Святѣйший увобрался баско (богато) (Пн. Осип., 9); *увослать*: Воевода смо-

² См.: Соболевский, 1884, с. 104; Соболевский, 1907, с. 122—123; Шахматов, 1915, с. 289—292; Шахматов, 1903 (1), с. 83; Каринский, 1909, с. 176—178; Карский, 1965, с. 329—340; Карский, 1924, с. 92; Гришкова, 1926, с. 307; Гришкова, 1930, с. 566; Гришкова, 1947 (1), с. 158, 213—215; Филин, 1949, с. 298; Кустарева, 1950, с. 157; Котков, 1952, с. 20—29; Орлова, 1950, с. 196; Кирсанова, 1959, с. 9—12, и др.

³ Шахматов, 1903 (1), с. 83.

⁴ Карский, 1965, с. 334—335; Розов, 1907, с. 9; Каринский, 1909, с. 176—178; Шахматов, 1915, с. 292—293, и другие работы, указанные в сн. 2.

⁵ Использованы материалы картотеки Староукраинского словаря проф. Е. Тимченко, хранящейся в г. Львове.

ленский увославши на волости города нашего Мстиславля, явную неприязню шкоды починили и невинных людей намордовали (Пам. дипл. МГ (П. Лит.), III, 1562, 52). Один пример из Ипатьевской летописи (увтягли) приведен в «Лекциях...» А. И. Соболевского.

Первые интерпретации появления сочетаний *ув*, *ува* на месте звуков *в* и *у* не были достаточно убедительными, поскольку не учитывали ни сложности самого явления, ни фонетических условий появления *ув*, *ува*. А. И. Соболевский произношение *ува* на месте *в* и *у* объяснял тем, что чередование звуков *в* и *у* в одних и тех же словах (весь, усега) вызвало появление *ува*.⁶ А. А. Шахматов в «Очерке...» писал по этому поводу следующее: «В говорах, изменивших звук *и* предлога в *и*, другой вид этого предлога — во под влиянием со стороны *и*, принимает произношение *и*во».⁷

Но уже Е. Ф. Карский при объяснении происхождения сочетаний *ув*, *ува* исходил из различного характера этих сочетаний. Ставя на первое место фонетические причины, зависимость появления этих сочетаний от «места в речи», т. е. от фонетических условий, Карский допускал и иные пути появления сочетаний *ув*, *ува*: удвоение предлога **въвъ*, а в слове *ѣв'ѣс'* вместо *весь* появление *ув* «вторично» под влиянием косвенных падежей (*ус'агб*, *ус'амѣ*).⁸

Е. Ф. Карский, а затем Ф. П. Филин обратили внимание на сложность исследуемого явления, на различные фонетические положений, в которых наблюдается сочетание *ув*, *ува*. Ф. П. Филин при описании селинского говора отделил случаи *ува сне*, *увашили*, где *у* как бы «приставочный», от случаев *увадного* (*у одного*), *увакна* (*у окна*), где *в* как бы «вставочный».⁹

Оригинальную точку зрения при объяснении написаний *въвъ*. *въвъ* (А. Шахматов, Е. Карский и др. читали их как *ув*) на месте *в* в памятниках высказал Л. Васильев.¹⁰ Он видел в этих написаниях удвоение предлога, получившееся из-за стремления языка после падения глухих как-то показать слогоделение между предлогом и словом перед нейотгированным гласным (см. в Лавр. сп. лет.: *въвъ устье*, *въвъ умѣ*, *въвъ устѣхъ*, *въвъ утробѣ* и т. п.).

Так же читал местные брянские записи XIX в. прекрасный знаток брянских говоров П. Тиханов. Комментируя надпись 1803 г. на окладе иконы (В городе брянске въ востроге), он написал следующее: «Такое написание ошибочно. В сущности оно должно стоять слитно, ибо в данном случае предлог *въвъ*=*въ* или простонародному *ѣвъ* (ѣ). Отдельно же слова «вострог» нам никогда не доводилось слышать, хотя говорят: *въострый*, *въопах* и пр. Это замечание относится и к другому подобному чтению: *въвуѣзде*, *въвуѣзд*, что также следовало передать слитно *въвуѣзде*, *въвуѣзд*».¹¹

⁶ Соболевский, 1907, с. 122—123.

⁷ Шахматов, 1915, с. 290—291.

⁸ Карский, 1965, с. 334.

⁹ Филин, 1949, с. 298.

¹⁰ Васильев, 1908, с. 37—42.

¹¹ Тиханов, 1904, с. 262.

Одновременно накапливались наблюдения относительно фонетических условий появления *ув, уа*. Исследователями давно уже было замечено, что сочетания *ув, уа* наличествуют в говорах с билабиальным *в*. В таких именно говорах обычно имеется комплекс явлений: мена *в* и *у*, протетический *в* перед гласными *о* и *у*, и, наконец, сочетание *ув, уа* на месте *в* и *у*. Памятники письменности, отразившие произношение *ув, уа* на месте *в* и *у*, обычно знают мену *в* и *у* и протетический *в*. Этот факт отмечали А. И. Соболевский в галицко-волинских памятниках,¹² Е. Ф. Карский в западнорусских,¹³ П. Каринский в псковских памятниках¹⁴ и другие исследователи.¹⁵ А. А. Шахматов, заметивший в двинских грамотах XV в. сочетание *ув, уа* и смешение букв *в* и *у*, предположил, что фонетической основой этих явлений было наличие билабиального *в* в части двинских говоров.¹⁶

Современные русские говоры, знающие сочетание *ув, уа* на месте *в* и *у*, а также современные белорусский и украинский языки имеют билабиальный *в*, мену *в* и *у*, *ў* и протетический *в*.¹⁷ Имеет значительное распространение протетический *в* в юго-западных говорах русского языка: *вучить, вјлиця, вум, вјтка, вбзеро, вбпыт, вбпух, вбля (Оля), вбсень* и др. Ср. литературные белорусские: *вјгаль, вјдзіць (удить), вјзел, вббласць, вбпыт, вастрыць (острить)* и др.; литературные украинские: *вјхо, вугіль, вјдка (удочка), вјлиця* и т. п.

Было указано также на существование определенной зависимости появления *ув, уа* от звукового окружения. А. А. Шахматов в «Исследовании о двинских грамотах» замечает, что *ув* появляется в положении перед гласным следующего слова. Е. Ф. Карский уточняет это наблюдение А. А. Шахматова: «Если предлогу *у*, получившемуся в известном положении из *въ — у*, приходится стоять перед *о* или *ы* (а иногда *у* и даже изредка перед другими гласными), то он развивается после себя вторичное *в*, которое является, таким образом, как бы приставочным перед следующим гласным (*уваднб, увыйшбј, увјси*)».¹⁸

Зависимость от определенного звукового окружения характерна и для протетического *в*. По наблюдениям украинских исследователей, например, *в* появляется в зависимости от того, чем кончается предшествующее слово; точнее, он прибавляется тогда, когда предшествующее слово кончается гласным, и не прибавляется, когда предшествующее слово кончается согласным.¹⁹ Памятники письменности свидетельствуют о том, что протетический *в* и предлог *ув, уа* плохо различались писцами. Очевидно, не суще-

¹² Соболевский, 1884, с. 103—106; Соболевский, 1907, с. 122—123.

¹³ Карский, 1965, с. 334—335.

¹⁴ Каринский, 1909, с. 176—178.

¹⁵ См., например: Гринкова, 1947 (1), с. 158; Антонович, 1960; с. 111; Борпсова, 1964, с. 155, 157, и др.

¹⁶ Шахматов, 1903 (1), с. 83.

¹⁷ Коструба, 1963, с. 50.

¹⁸ Карский, 1965, с. 334.

¹⁹ Симонч, 1919.

ствовало определенной традиции написания их: буква *в* присоединялась то к слову, то к предлогу, то предлог писался вместе со словом. Ср.: оувочи им и 8 вочи, 8 воко; 8 вобувь и *в* водежу (Библия Скорины XVI в.); увосемь шли и *у* вогородахъ (Сб. XVII в. Син., № 790) и т. п.

Следует сказать, что вопрос о причинах происхождения этого явления — один из сложнейших в русской исторической диалектологии. Без специального исследования памятников и говоров русского языка трудно говорить о конкретных причинах происхождения указанного явления. Поэтому все попытки в этом направлении могут иметь лишь самый общий и предварительный характер.

Думается, что происхождение *ув*, *ува* и протетического *в* не было кратковременным и прямолинейным процессом, а скорее продолжительным и сложным, в осуществлении которого принимали участие многие факторы.

По наблюдениям А. А. Шахматова, Е. Ф. Карского и др.,²⁰ положение, когда *у* являлся предлогом и стоял перед словами, начинающимися с гласного, было преимущественным: здесь чаще всего находим мену *в* и *у*, сочетания *ув*, *ува* и протетический *в*. Все примеры, приводимые А. А. Шахматовым из двинских грамот, относятся как раз к положению в предлоге: *оу вустѣна*, *оу вонѣчифора*, *оу вондроникова*, *оу вомоса*, *оу выгумновыхо дѣтеи*, *оу в печати*. См. также у А. К. Антоновича: *в томъ же вогороде*, *8 вопетце ѡтчима*, *8 вострове*, *8 вугле границы* (Судебн. кн. Каунасского земск. суда, 1566—1657 гг.) и *увысуа*, *выюдеи* (Креховский апостол, 1560).²¹ Любопытны в этом отношении наблюдения Е. Ф. Карского: он привел большое количество примеров употребления сочетания *ув* в качестве предлога из западнорусских памятников, относительно же протетического *в* заметил, что тот встречается в тех же памятниках «в редких случаях».²² Н. Каринский, наблюдая в псковских памятниках сочетания *ув*, *ува*, также не нашел там случаев употребления *в* протетического.²³ По словам Л. Васильева, в Лаврентьевском списке летописи «при отсутствии предлога *въ* не замечено ни одного разу приставочного *в*».²⁴

Не являются ли эти наблюдения свидетельством того, что положение *у* (из *въ* и *у*) в предлоге перед словом, начинающимся с гласного, т. е. там, где сейчас в говорах имеется *ув* (*ос'ин'*, *ув* (*бз'ир'и*), *ув* (*угол*), *ув* (*утк'и*), было первичным, исходным как для протезы, так и для предлога — приставки? Как известно, сочетания *ув*, *ува* и протетический *в* появились вследствие падения глухих в той части древнерусского языка, которая знала билабиальный *в* и мену *в* и *у*. На месте старых *въ озерѣ*, *въ угълѣ* должны были получиться *у озере*, *у угол*. Поскольку в произношении предлога

²⁰ См.: Веневцева, 1960, с. 192.

²¹ Антонович, 1960, с. 85—113.

²² Карский, 1965, с. 334.

²³ Каринский, 1909, с. 28, 54, 70, 83, 104, 135, 143.

²⁴ Васильев, 1908, с. 37.

с существительными, по наблюдениям исследователей, в древнерусском языке не было паузы.²⁵ т. е. предлоги произносились слитно со словом, могли появиться сочетания гласных, необычные для русского языка. Тенденция к установлению слогаделения между предлогом и началом слова, наличие которой предположил в древнерусском языке И. Васильев, могла иметь место при появлении *у в озеро, у в угол*. Если в случаях, когда предлог представлял собой согласный звук, она проявлялась в замене старого глухого в предлоге звуком полного образования (такие примеры в памятниках многочисленны), то в исследуемом случае после гласного и перед гласным же мог появиться только согласный. В данном случае явился звук, близкий по способу образования к *у* — *в*. Возможно, что здесь сыграло свою роль качество самого *у*, который А. А. Шахматов обозначал через *й*. Интересны наблюдения М. Г. Халашского, высказанные им при описании курских говоров: «При соединении предлогов *в*, *к* и *об* со словами, начинающимися с гласных звуков, происходит или слияние предлогов со следующим словом, или переход *в* в *у в*: Он увымёнью, усваем жывьёт (жывьёт), увэтам и вётам, вымёнья уехал».²⁶

Обращает на себя внимание тот факт, что говоры, знающие бибиальный *в* и *в* протетический, отличаются и другими характерными особенностями. Как правило, в этих говорах отчетливо проявляется тенденция восходящей звучности слога. Они избегают сочетаний двух гласных, образующихся, например, на стыке предлога (приставки) и слова, начинающегося с гласного, и в некоторых других положениях. В отмеченном положении здесь наблюдается в начале слова протетический *в* или отпадение начального гласного. Например: . . . и если воыкла сердца ныть; узять руку вокала локтя; А ён яму нятветиу; Адаёт хазыйки ращот за сена и за вёс, за уси прадухты; у вадну ночь (Смол., Добровольский, 1891); Наши свинычки Кала синычки, Наши козычки Кала лозычки; Харано ж песни неть на'бедауни, А плохой жа то 'бед, када хлеба нет; Ти тыперя мне жанитца, Ти восени ждати? Як выпшла, выпшла божжия мать Начаеўская, И на воблыцых стала; Ён за 'хотью ў лес папоў. Ты, снаха наша, ты, нявестунка, Нам старший брат быў ня 'хотничик, Ён за 'хотью ни хаживал (Смол., Добровольский, 1903). Такого же рода примеры можно привести из многих южнорусских и юго-западных говоров (Медын., Мещов. Калуж.; Дмитриев. Курск.; Мцен., Елец., Липен., Брян. Орл. и др. — Матер. для изуч. великорус. говоров, вып. 10, 11).

Для этих же говоров характерен интервокальный *в*: *навуиць, навутрў, травур, на каравули, навужинать, навук, навутїна, навбыриди, навачарёдна, выстравкай, нявўж, надавўमित* и др. (Смол., Добровольский, 1891—1903), *навуиць* (Брян. Орл., 1924; Медын. Калуж., 1922; Касим. Ряз., 1903).

Анализ большого диалектного материала позволяет заметить,

²⁵ Жуковская, 1960, с. 75.

²⁶ Халашский, 1904, с. 12.

что для звука *y* в юго-западных говорах положение и перед гласным, и между двумя гласными невозможно; в то же время для звука *в* такое положение в этих говорах обычно.

Если признать, что случаи *yв озеро*, *yв угол* являлись пеходными при появлении сочетаний *yв*, *yва* и протетического *в*, то можно сделать предположение о расширении сферы действия этого явления и одновременно его дифференциации на два, выразившееся в том, что из этого положения звук *в* распространился и на другие надежи, в том числе и на именительный (таким путем могло идти образование протезы). Одновременно шло формирование предлога *yв*, *yва*, в результате чего явились современные южнорусские *yв завтрак*, *yв баню*, *yва спё*.

Появление сочетаний *yва* в глаголах *yвабратъ*, *yвагнать*, *yварвать* на месте приставок *в-* и *y-* — следующий этап в распространении этих сочетаний в южнорусских говорах и в украинском и белорусском языках. В этом случае в действие вступили и новые факторы, о которых скажем ниже, при рассмотрении глаголов с приставкой *yва-*.

По данным картотеки Словарного сектора Института русского языка АН СССР (Ленинград), материалам «Диалектологического атласа» и по другим сведениям,²⁷ употребление приставки и предлога *yва* зарегистрировано во многих современных южнорусских говорах: в Курской, Тульской, Орловской, Воронежской, Брянской, Смоленской областях, а также в некоторых районах Псковской, Калининской и Московской областей. Наибольшее же число регистраций исследуемых глаголов, по нашим сведениям, приходится на территории Смоленской, Брянской, Курской, Орловской, Тульской областей. Это отмечается и в 8-м томе Атласа (карта № 121). Материалы А. С. Машкина²⁸ и Е. И. Резановой,²⁹ например, дают возможность убедиться в частом и регулярном употреблении в середине прошлого столетия глаголов с приставкой *yва-* в Обоянском уезде Курской губернии. Записи В. Н. Добровольского представляют многочисленные примеры употребления глаголов с приставкой *yва-* в говорах Смоленской губернии в конце XIX — начале XX в.³⁰

Глаголы с приставкой *yва-*, употребляющиеся в говорах русского языка, отличаются определенными фонетическими, морфологическими и семантическими особенностями. Эти особенности играли немаловажную роль при появлении префикса *yва-* на месте прежних приставок *в-* и *y-*. Поскольку предлог закрепился в форме

²⁷ В разделе использованы собственные записи автора, сделанные в д. Выоротково Курского (б. Бесединского) р-на Курской обл. в 1963—1966 гг., лексические материалы, собранные Ю. М. Севериновой в Климовском р-не Брянской обл. (1955), а также материалы различных статей (ссылки на них имеются в тексте раздела).

²⁸ Машкин, 1902; Машкин, 1903.

²⁹ Резанова, 1902.

³⁰ Добровольский, 1891—1903.

ува, то и на месте приставки появилось сочетание именно в этой форме.³¹

1. Глаголы с префиксом *ува-* представляют собой относительно небольшую по количеству группу слов, но преимуществу обозначающих самые простые конкретные действия. Их немногочисленность объясняется тем, что появление таких глаголов зависело от ряда определенных условий, в частности от фонетического облика самого префикса. Тот факт, что префикс является двусложным и кончается на гласную, естественно, ограничивает число глаголов, с которыми он может употребляться. В то же время названные глаголы отличаются большой частотой употребления, имеют большой удельный вес в речи говорящих. Это и понятно, так как глаголы *увабѣть*, *увабрати*, *уважить*, *уважить*, *уважати*, *увалять* и др. обозначают те важные и нужные понятия, без которых невозможно обойтись в обычной повседневной жизни.

Все основы указанных глаголов являются древними образованиями, принадлежащими к общеславянскому фонду. Вполне естественно поэтому, что все они относятся к непродуктивным группам глаголов.

Несколько другая картина наблюдается в украинском и белорусском языках. Приставочные глаголы с *ува-* (*уви-*) получают в них как бы дальнейшее развитие по сравнению с говорами русского языка. Так, в украинском языке имеем: *увібгáтися*, *увігнáтися*, *увігну́тися*, *увіпхну́тися*, *увіро́ятися* (два слова), *увісáти*, *увіткáти*, *увіткну́тися*, *увіходíти* (Укр.-рус. словарь, 1963, т. 6); в белорусском языке: *увагну́цца*, *увагнѣць*, *увагнѣцца*, *увапхáць*, *увавра́цца*, *увасабля́цца*, *увасабляць*, *уваскрасáць*, *уваскрасі́цца*, *уваскрасі́ць*, *уваскрасі́нуць*, *увассáць*, *увассáцца*, *уваткáць*, *уваходзі́ць* (Белорус.-рус. словарь, 1962).

Большее число глаголов в белорусском и украинском языках, очевидно, объясняется тем, что в этих языках или не действовали те ограничительные условия, которые отмечены для южнорусских говоров (так, среди украинских и белорусских глаголов имеются глаголы с многосложной основой, с отсутствием сочетания двух согласных после префикса, например белорус. *уваскрасáць*, *уваскрасі́цца*, *уваскрасі́ць*, *уваскрасі́нуць*, *увасабля́цца*, *увасабляць* и др.), или перечисленные глаголы образовались позже, когда эти ограничительные условия уже перестали действовать. Украинские и белорусские глаголы не всегда обозначают только простые, конкретные действия, как обычно в южнорусских говорах, они способны передавать также более сложные и отвлеченные значения (например, белорус. *уваскрасáць*, *увасабля́цца* и др.).

³¹ В говорах в соответствии с характером аканта приставка принимает иногда вид *увы-*, что нашло отражение, например, в записях В. П. Добровольского. Там же встречаем случаи произношения приставки с отпадением начального *у*; последнее происходит в связи с действующей в смоленских говорах тенденцией к отпадению начального гласного, если ему непосредственно предшествует гласный звук.

2. Большинство простых глаголов, с которыми употребляется префикс *ува-*, имеет односложный состав: *бить, брать, знать, знуть, знать, красть, лить, рвать, спать*. Исключение, как будто, представляют глаголы *идти, имать, тереться*, однако основы их при соединении с префиксом *ува-* имеют такой же односложный состав, что и остальные глаголы с этим префиксом (*увайтй — увайдѣшь, уваймать — уваймал, уватрѣсь — уватрѣмся*).

3. Как уже отмечалось в литературе,³² основа глаголов с приставкой *ува-* начинается с группы согласных, кончающейся, как правило, на плавный *р*, зубной *н* или *й*: *уваб'йѣт', увабр'ат', увагн'ат', увагн'ѣт', увакр'ас'т', уватр'ѣс', увазн'ат', увал'ѣт', увасн'ат', увасн'ѣт', увайм'ѣт' увайм'ѣт'*. Отмеченная особенность исследуемых глаголов исторически вполне объяснима. Начальная группа согласных у простых глаголов в большинстве случаев когда-то имела глухой, который в свое время утратила. А как показывают наблюдения М. Л. Васильева, гласные полного образования в предлоге и приставке появлялись чаще всего перед группой согласных, утратившей *ѣ* (*во вторикѣ, во тму, ко смерти*).³³ Не случайно поэтому, что префикс *ува-*, кончающийся гласным звуком, зарегистрирован преимущественно в глаголах, начинающихся такой именно группой согласных.

4. Все исследуемые глаголы имеют ударение на основе.

5. Появившись чисто фонетическим путем на месте других префиксов (*в-* и *у-*), префикс *ува-* тем самым отличается от других глагольных префиксов, известных в диалектах и в литературном языке. Он является как бы «вторичным», заменившим собой старые префиксы *в-* и *у-*. Образование новых слов в данном случае происходит необычным способом: не путем присоединения форманта к основе, а путем изменения внешнего облика форманта — префикса. На месте старых префиксов *в-* и *у-* в глаголах появился совершенно новый префикс, имеющий иной фонетический облик и в то же время обладающий значениями того и другого префикса.

6. Тот факт, что новый префикс заменил собой старые, обуславливает известную ущербность префиксальных глаголов на *ува-*, проявляющуюся в отсутствии у них отдельных словоформ: нередко можно видеть сосуществование, комбинацию словоформ, например, в прошедшем времени форм с *ува-* (*увабр'ал, увагн'ал*), а в будущем с *у-* (*убер'ѣт, уголю*) и т. п. Эта ущербность префикса *ува-* не имеет отношения к степени освоения его говором и широте распространения в говоре. Она объясняется причинами чисто фонетическими. Поскольку наличие его регламентируется определенными условиями, в глагольных формах, где таких условий нет, сохраняются префиксы *у-* или *в-*. Так, например, при *увагн'ать, увагн'ал* и *увабр'ать, увабр'ал* в говоре дер. Выворотково Бесединского района Курской области формы будущего времени этих глаголов употребляются только с префиксом *у-*. При наличии всех личных форм гла-

³² Русск. диалект., 1965, с. 77.

³³ Васильев, 1908, с. 37.

голов *улить*, *вбить* в будущем времени с приставкой *ува-* (*увалью*, *увальёшь*, *увальёт*, *увабью*, *увабьёшь*, *увабьёт*), в прошедшем времени, повелительном наклонении и инфинитиве они имеют формы с префиксом *у-*: *улёй*, *улёйте*, *уыл*, *улыть*; *вбей*, *вбейте*, *вбил*, *вбила*, *вбить* (там же). Материалы Брянской картотеки также свидетельствуют об отсутствии неопределенной формы с префиксом *ува-* у глагола *улить*: *Малочка не смей улить ребенку, а увальёшь*, *тады ругають* (Брасов. Брян., 1961).

Однако не все подобные глаголы допускают такое сочетание словоформ с двумя префиксами. Глаголы *увайтй*, *увагнйть*, *уваймать*, *увайматься* имеют все личные формы с префиксальной частью *ува-*, и последние подтверждены записями. К сожалению, не для всех глаголов мы располагаем достаточным материалом, содержащим сведения о всех их формах; например, глагол *увакрать* записан только в неопределенной форме, а *уваспать* — в неопределенной форме и в прошедшем времени.

7. Исследуемые глаголы (*увабрать*, *увагнать* и др.) в подавляющем большинстве употребляются как переходные. Исключение представляют глаголы *увайтйть*, *уваехать* и *уваспать*, *уваспнйть*. Присоединение префикса не влияет на управление большинства рассматриваемых глаголов.

8. Глаголы *увабрать*, *увагнать* и др., как правило, имеют производящую основу несовершенного вида (исключением являются *взять* и *ткнуть*), т. е. присоединение префикса изменяет вид этих глаголов, превращая их в глаголы совершенного вида.³⁴ Однако префиксальные образования на *ува-* остаются одновидовыми: от них не образуется вторичная форма несовершенного вида, как в литературном языке (ср.: *убрать* — *убирать*, *узнать* — *узнавать*, *угнать* — *угонять*). Вторичные императивы в этом случае образуются с префиксами *у-* или *в-*. Очевидно, образованию их от глаголов с префиксом *ува-* противодействовали фонетические причины: двусложный состав основ имперфективов, устранение в большинстве случаев стечения согласных путем вставки гласного в основе вторичного имперфектива.

В говорах русского языка префиксе *ува-* находим главным образом на месте префиксов *в-* (*во-*) (*увабить*, *увагнйть*, *увабрать*, *увагнать*) и на месте префикса *у-* (*увайтй у лес*, *увагнать стадо у поле*). При этом глаголы с префиксом *ува-* имеют, как правило, обычные лексические значения, соответствующие литературным префиксальным глаголам на *у* или *в-*. Так, глаголы *увабьёт*, *увальёт* (воды), *увагнать*, *увагнйть*, в которых *ува-* соответствует в литературном языке префиксу *в-*, *во-*, употребляются со значением, свойственным глаголам с префиксом *в-*, направленности действия внутрь чего-либо. Исходные глаголы *бить*, *гнать*, *лить*, *брат*, *идти*, *ехать*, *ткнуть* обозначают простейшие конкретные действия и за исключением глагола *ткнуть* являются глаголами несовершенного вида. Префикс, превращая их в глаголы

³⁴ Об исключениях другого рода скажем ниже.

совершенного вида, в данном случае указывает на направление действия и, выполняя роль уточнителя глагольного действия, детерминирует его: *увабы́ць* 'вобьет' (Кольцо увабы́ць. Россонан. Ворон., 1961; Дайка — я увабы́ю гвоздь у эту доску. Бесед. Курск., 1963; Што у стяну ни увабьеш? Яйцо. — Новосил. Тул., Прогр. АП № 77, 1897); *увагна́ць* 'вогнать' (Змей савсем была стал Пвана-Царевича адагнать: уш но панс у землю яго увагнал. Обоян. Курск., Машкин, 1903; так же в белорусских говорах: Цяпёр угани мне тапор у галаву́. Я увогнаў дзёт, дык мядзвѣць и здох. Карский, 1912).

Глагол *уваля́ць* известен в двух значениях: 1) 'вливать, налить': Я тебе счас уваля́ю квасу. Ну, что ж, молоко есть? Да уваля́ю (Бесед. Курск., 1963); Подайдешь, уваля́ць тебе кандарю (Комарич. Брян., 1961); Молочка не смей улиць ребенку; А уваля́ешь, тады ругають (Брасов. Брян., 1961, а также в Почек. Брян., 1961—1965); Молочка уваля́ешь (Россонан. Ворон., 1965; Острог. Ворон., 1960); 2) 'вливая, наполняя что-либо': В этот кубган три литра не уваля́ешь (Бесед. Курск., 1963). Ср. употребление этого глагола в белорусских говорах Полесья: Хадзі я квасоўкі ўваллю (Корань, 1975, с. 157); так же в Мозырском районе (Янчыкоўская, 1975, с. 163).

Интересна синонимия глаголов в говоре д. Выворотково (Бесед. Курск.). Оба глагола на первый взгляд семантически тождественны и могут взаимозаменяться. Однако имеются такие языковые ситуации и контексты, где такая замена невозможна. Если глагол *налить* безразличен к характеру ситуации и контекста, то этого нельзя сказать о глаголе *уваля́ць*; следовательно, возможность употребления последнего уже. Так, в примерах: Мама, я ему налью кубган квасу? Налью у бочку воды — глагол *уваля́ць* употребить нельзя. Замечается, хотя и незначительная, но все же обнаруживающая себя в определенных условиях семантическая разница между *налить* и *уваля́ць*. Как показывают примеры, *уваля́ць* употребляется в тех случаях, когда речь идет о вливании небольшого количества жидкости, о заполнении сосуда не полностью, не до краев (Я счас уваля́ю немножко молочка ему).

С тем же значением направленности действия внутрь чего-либо записаны глаголы: *увабра́ць* (Усю воду увабра́л у чебаты (сапоги). Клим. Брян., 1955; Вата усю воду у себя увабра́ла. Белев. Тул., 1960; Россонан. Ворон., Попов, 1961), *увапну́* (Пожкай танну, жыватом прыну; станица, разивница, — чаўнок увапну. С. Гарцово Трубч. Брян., Печаев, 1912), *увапха́ць* (д. Селино Дубен. Тул., Филин, 1963).

В Курской и Воронежской областях с таким же значением употребляется глагол *уваткну́ть*; исходной основой, как и для литературного *воткнуть*, является соответствующий глагол совершенного вида *ткну́ть*: Уваткну́л ей у бок пожик, а пожик и изломился на ту пору (Обоян. Курск., 1863); Уваткну́л кол у землю. Уваткну иголку у стенку. Падо тут уваткну́ць два колушка (Бесед. Курск., 1963; так же и в Острог. Ворон., 1960). Наличие

префикса *ува-* не только детерминирует лексическое значение глагола *ткнуть*, но, впрочем, как и у соответствующего литературного глагола *воткнуть*, вносит изменение в характер глагольного действия. Если о глаголе *ткнуть* еще можно говорить как о глаголе однократном, то *уваткнуть* значение однократности утрачивает: в нем совсем исчезает представление о том, в один или несколько приемов производится действие. См. особенно последний пример: Надо тут уваткнуть два колушка (Бесед. Курск., 1963).

Значительный ареал имеют в южнорусских говорах глаголы *увайти*, *увайтить* в значении 'войти'. О большом распространении их в южнорусских говорах говорится и в «Русской диалектологии».³⁵ В различных формах эти глаголы встречаются в материалах, записанных в Курской губернии А. С. Машкиным, Е. И. Резановой, М. Г. Халанским. Приведем лишь некоторые примеры: Увашёл ёл у ту хатку, там сидит баба — Яга; Она скоро вернется, и когда увайдеть у вызбу, ты скорей схвати ее (Обоян. Курск., Машкин, 1863). Имеются записи и других собирателей: Увайди, моя дитятка, потише, Поклопись, моя милая, пониже (Щигр. Курск., 1879); Под сень она утеною уплыла, У хоромы она молодичею увашла (Путивл. Курск., 1904); также и в Дмитриев., Судж., Белгор. Курск.

Глагол *увайти* не раз записывался в Смоленской губернии: Ты ўвайди, сударь, ва горыд, ва горыд, Пыдайди, сударь, к цареўни, к цареўни; Зылаты ключи сам ты вазьмешь, Приукрасный рай сам ты атапрешь, У прикрасный рай сам ты увайдешь (Смол., Добровольский, 1903); неоднократно — в брянских говорах (Брян., 1904, Стародуб., 1914; Карач., 1900; Клим., 1955), в орловских (Мцен., 1850, 1902; Дмитров., 1905), в тульских (Новосил., 1900; Дубен., 1949; Белев., 1960), в калужских (Мещов., 1897), в тверских (Ржев., 1926) и в воронежских (Острогж., 1929; Россонан., 1961) говорах. Этот глагол в Тульской и Курской областях зарегистрирован в значении 'поместиться, войти во что-либо': Усе увашло (Белев. Тул., 1960); Молоко у этот кубган не увайдеть (Бесед. Курск., 1962).

Глагол *уваехать* со значением 'въехать' зарегистрирован в Псковской губ.: Уваедешь на тестев двор (Холм. Пск., 1916).

Ряд глаголов с префиксом *ува-* имеет значение, свойственное в литературном языке глаголам с префиксом *у-*: 'устранение, удаление действия от чего-либо'. Исходными глаголами при этом являются глаголы несовершенного вида. Префиксация, как и в предыдущем случае, также превращает их в глаголы совершенного вида. Сюда относятся глаголы со значением перемещения в пространстве: *увабрати*, *уварвати*, *увагнуть*, *уваехать*, *увайти*. Глагол *уварвати*, например, употребляется в выворотковском говоре в значении 'схватить, взять', известном и у литературного глагола *урвати* (Барник со стола мяса кусок уварвал — Бесед. Курск., 1963), и в значении, не известном литературному *урвать* 'сорвать,

³⁵ Русск. диалект., 1965, с. 74.

вырвать¹ (Эту траву не уварвёшь. — Там же). Глагол *уварвать* записан еще с переносными значениями, известными соответствующему литературному *урвать* 'захватить, присвоить что-либо' (Ты свое всегда уварвешь. Бесед. Курск., 1963) и 'с трудом найти, выбрать время для чего-либо' (Два часочка уварвал для работы в саду. — Там же).

Глаголы *увагнать* со значением 'угнать' (Новосил. Белев. Тул., 1900; Пастух увагнал коров у лес. Бесед. Курск., 1963; Увагнал скот пасти аж под лес. Климов. Брян., 1955; Ай, мамачка мая! Каяя увагнали! Зап. брян., 1973) и *уваехать* со значением 'уехать' (Кагда я уваеду, тагда слодит. Трубч., Карач., Брян. Орл., 1850).

Широкое распространение получили в говорах глаголы *увабрать* и *увайтить*. Употребление глагола *увабрать* в значении 'убрать, унести' зарегистрировано в Новосильском уезде Тульской губернии (1900), в Бесединском районе Курской губернии (Надо увабрать это, 1963), и на западной брянщине (Усё ўжо сваё вы ўвабрали? 1973). Глаголы *увабрать* и *увабраться* в этих говорах бытуют и в других значениях, обычных для литературных *убрать*, например, 'собрать урожай' (Рожь увабрали. Белев. Тул., 1960; Гарод ли вобраный. Зап. брян., Пеньковский, 1958; Вы ўжо сусим увабрались? Зап. брян., Расторгуев, 1973; Сено увабрать. Смол., Добровольский, 1914; ўбра́ты и сваи наля. Мцен. Орл., Будде, 1902; За па́году увабра́лись. Менцов. Калуж., Чернышев, 1901); и 'убраться, навести порядок где-либо, прибрать, прибраться' (вабра́ть у до́м. С. Покров Медын. Калуж., 1901; Надо увабра́ться у компа́те. Бесед. Курск; так же и в Острог. Ворон., 1960; в Новосил. Тул., 1902). Имеется также запись из Климовского района Брянской области: Покуль к празднику у хате не увабра́лись, гостей не звали.

Обычно употребление глаголов *увабрать*, *увабраться* в Курской, Смоленской и Брянской областях и в значении 'надеть что-либо', 'одеться, нарядиться во что-либо': Ён и чист и рячис, Горазд со мной говорить, По-немецки увабра́т: Зеленой па ём кафтан (Обоян. Курск., Резанова, 1896); Деўка увабралась дужа пригожа (Смол., Добровольский, 1914); А Титок увабрался у лыжи (ходули), падел длинную рубаху, да пошел к свату у гости (там же); Увабра́лся у настала (лапти) (Клим. Брян., 1955).

Особенно часто записывались глаголы *увайтить*, *увайтиться* со значением 'уйти'. Много записей, например, из Курской области: Усе на улицу уваили (Обоян. Курск., 1856); Из хаты усе уваили (Судж. Курск., 1912); Ты поспени, а то он увайдет домой (Белг. Курск., 1923—1924); Она уваила́ у поле; Мы увайде́м; Дай, думаю, я увайду атсада; Па целую зиму увайдеть и все (Бесед. Курск., 1963); Хведь, как ты мох увайти саццуава? (д. Ольшанка Льгов. Курск., 1968). Записан он в Калужской (Я сычас увайду. Тр. МДК, вып. 8, с. 12) и Орловской губерниях: Ка по́чало загораться, тут я и уваилел (Брян., 1904, а также в Трубч., Карач., 1850). Многократно регистрировались глаголы *увайтить*, *увайти*

тiть в брянских говорах: Окошечка затыкають соломою, когда дым увайдёт; Только одна увайдесть, другая придет (Карач., 1960; а также Упеч., 1965; Комарич., 1961), а также на западной брянщине (Расторгуев, 1973). Много записей из Смоленской губернии: Ня бтым плачу, што й мильга узали. — Аб тым плачу, што ня крепка звизали. Баюсь, баюсь: капалия увыйдесть, Баюсь, Баюсь: маю душу пагубить (Бельск. Смол., Добровольский, 1903); Батюшка, ты сяводиш куда-нибудь увайди! Стой! Не увайдешь, купецкий сын (Смол., Добровольский, 1891); Уси увайшли, а я и отстала от их (Андр. Смол., 1950), а также в выражении *увыйти летами*: Есть у мяне сестра, литами увыйшла. — тая мяне не пустила (Смол. Смол., Добровольский, 1891). Интересно, что этот глагол встречается в смоленской письменности XVIII в.: И как я хотел от такой их неспосной брани увоити. ³⁶ Помимо смоленских говоров глагол *увайти* записан в Острогском уезде Воронежской губернии (1926), а также в тех областях, где другие глаголы с префиксом *ува-* не зарегистрированы, например в Калужской: Кали ни пауляжу, лошадь увайдёт (Мосал. Калуж., Гринкова, 1948), Мещов. Калуж. (1897, 1901), Жиздр. Калуж. (1909), Медын. Калуж. (1901), в Скопинском уезде Рязанской губернии (1913), в Ржевском уезде Тверской губернии (1926). В Смоленской губернии наблюдалось употребление глагола *увайти* вместо *выйти*, например, в сочетании *замуж выйти*: Пришоу молюдиц што двору — Дома пету, пету никакю: Атец с матерью маи памёрли, Жана замуж, замуж увыйшла (Ельнин., Добровольский, 1903). Кроме того, в записях В. П. Добровольского находим глагол *увайти* с новым, не свойственным глаголам с префиксами *у-* или *в-* значением 'пройти какое-либо расстояние': Попристали наши сивы волю — Поддорожки ныи ни ўвыйшли (Красп., 1903); Поддорожки ли вайшол, Пипить матушка письмо: Вярнися, вярнися, сын Данилушка (Смол., 1903), так же употребляется этот глагол и в Обоинском уезде Курской губернии (М. Г. Халацкий, 1904).

Значение ряда других префиксальных глаголов на *ува-* имеет результативный характер или приближается к достижению результата в развитии действия.

С названным значением в смоленских говорах употребляется глагол *уватрiсь*, соответствующий литературному *утрусь* 'вытрус чем-либо': Ты ўстань, старый, спрашнися. Па-ка тебе памойник — памыйся, И заслонку — Богу пумалися, Во тябе пумяло — ўватрися. Во тябе сухарик — подавися; Устань, Ванька, эй, ўстань, Ванька, Устань, милнйкий дружок, Ты памойся халодный свежуй вадой, И ўватрися тонким белым пылатном! (Смол., Добровольский, 1903). Этот глагол входит в состав образного выражения, бытующего в тех же говорах, — *кручиною уватрёмся*: Мы ходя паядимся, а стоя выспнемся, Встаним рапа, слезми умоимся, А кручиною уватрёмся, Богу помолимся (Доброволь-

³⁶ Борисова, 1974, с. 143.

ский, 1903). Сюда же можно отнести записи глаголов *уаспéть* 'успеть' (Приходили к Винни — речки. Пиряходу ни нашли; Ни васпели пиряйдить. Д. Романовка Росл. Смол., Добровольский, 1903, с. 624; Ни васпеу жа муж сказать, Яана яво помирла. Ельнин. Смол., Добровольский, 1903, с. 313) и ватешать 'утешать' (Ох, да, ты, птишка — канарейка, Канарейчка мья утешная, Ватешай с горюшка мяне! Смол., Добровольский, 1903, с. 426), а также из брянских говоров глаголы *увапреть* из *упреть* 'сильно вспотеть' (Як ты ўвапрада, сусим мокрая. Зап. брян., Расторгуев, 1973) и *увамри* (Хът ты ваз'м'и дъ и вамри. Зап. брян., Пеньковский, 1958).

Простые глаголы, которыми мотивируются образования на *уа-* с результиativным значением, как правило, обозначают действия более сложные и более отвлеченные, чем в предыдущих случаях. Имеются в виду простые глаголы *знать*, *спать*, *красть*, *имать*. По наблюдению исследователей, действие их отличается «монотонной длительностью». Обычно их называют некурсивными глаголами. Их действие не может быть представлено как целостное событие. Перфективация их, по словам Ю. С. Маслова, становится возможной «только в случае выделения начала процесса или при условии внешнего ограничения его длительности известной «порцией времени», ограничения, никак не вытекающего из внутренней природы самого данного процесса».³⁷ Префиксация не только изменяет их вид, но вызывает у них значительные изменения лексического характера. В глаголах *увази́ть*, *увакрати́ть* эти изменения аналогичны изменениям лексического значения в литературных *узнать*, *украсть*. *Увази́ть* 'узнать': Его так можно увази́ть (Новосил. Тул., 1897); увази́ю 'узнаю' (Дубен. Тул., Филин, 1933—1963); Не могу дружка увази́ть (Дмитров. Орл., 1905); Собака увази́ла след хозяина; Выдали де́жку замуж тихим ма́ним, так что и суседи не ўвази́ли; Ни 'тец тебе, ни матушка ни ўвази́ти (Смол., 1914); Ли таво мы абували, Штобы следа ни ўвази́ли (Ельнин. Смол., Добровольский, 1903); А богатую сястру на дороге сустрели. А худую, бидную на парог не ўвий́зали (Смол., Добровольский, 1903); Слава богу, гадина настала, Што радиначка мяне вазнала (Стародуб. Брян., Печаев, 1912); Вас' т'ан'ер' и'и вазна́ни (Зап. брян., Пеньковский, 1958); Ох, який то свет настау, што брат сястры не ўвазнау (Зап. брян., Расторгуев, 1973); А на што табе правду казати, Ёе так можно вазпати (с. Хлебное Задон. Ворон., Тростянский, 1916); увакрати́ть 'украсть' (Новосил. Тул., 1900). Сюда можно добавить также глагол *увачэ́ть*, соответствующий литературному *учесть*. Его бытование отмечено в Тульской области: Усе́ ни вачтэ́и (не сочтэ́и) тут (Новосил. Тул., Будде, 1902); Ни прызизотстви уцита́ють и увацта́уть (Белев. Тул., Данилов, 1960).

Достаточно широкое распространение в говорах имеют глаголы *увайма́ть*, *увайма́ться*, имеющие также простые основы несовер-

³⁷ Маслов, 1948, с. 310.

шенного вида. Их особенностью является то, что они употребляются в говорах как в совершенном, так и в несовершенном виде и потому соответствуют литературным словам *уинимать, уинять, уиниматься, уиняться*. Глагол *уваймать* неоднократно регистрировался в говорах Курской области: *уваймать, уваймй* (Щигр., Фатеж., Курск. Курск., Халанский, 1904); У парот стайть свёкар. . . да шнйёску ваймая: патина шнйёска, тина маладая (Судж. Курск., Халанский, 1889); Стала плакать и рыдать. Мальчончки жалка стала, Стал дивчонку уваймать: Ни плачь, Саша, ни плачь, Манна, Ни плачь, душачка мая! (Обоян. Курск., Резанова, 1902), а также в Бесед. Курск. (Кузнецова, 1963). Этот глагол отмечен также в Орловской губ.: Кали бить будить, — атыми; Йкурить будить, — увайми (Добровольский, 1905), в Стародубском уезде Брянской губернии (Печаев, 1912), на западной брянщине (Увайми ты ее, нехай не плача. Расторгуев, 1973), в Тульской губернии (Елеонская, Велкорусские частушки), в Донской области (Понов, 1876), в Мещовском уезде Калужской губернии (Чернышев, 1897, 1901). Глагол *увайматься* записан в Курской области (Уваймитесь, вы окайнишы! Никак не уваймётся. Бесед. Курск., Кузнецова, 1963) и в Брянском уезде Орловской губ. (Ой, ты, Исус, вернися, кровавая рана увоймися (заговор). Тиханов, 1904).

Глагол *уваснуть* в смоленских и брянских говорах записан в значении, свойственном литературному *уснуть* 'заснуть': Без милого спать не ляжу, биз надёжки не ўвасну, Увасну я, не ўвасну на високом тиряме, где мушакн ни кусают, камарикн не звенять (песня — Смол. Смол., Добровольский, 1903); Рвала, рвала тыцветикн ня сарвала, Лигла край дарожачки, уваснула (Трубч. Брян., Печаев, 1912).

В смоленских говорах известно также употребление этого глагола в значении, которого нет у соответствующего литературного *уснуть*, 'проспать какое-либо время'. Это значение представляет собой чисто диалектное самобытное явление: Сколько время ни васнуў ён, ва сне навидаў (Смол., 1903); Як паехаў мой сынок, Ён нямножка погуляў. Захателся заснути, — Ён нямножичка васнуў, Многа ўва сне видаў (Смол. Смол., 1903). С тождественным лексическим значением в смоленских говорах зарегистрирован и глагол *уваспать*. Его лексическое значение также весьма отличается от значения простого глагола *спать*: Йкар уваспалн, вставать пора (Смол., 1914). Если *спать* только называет действие и никак его не характеризует, то *уваспать* получает определенную временную характеристику: его действие ограничивается во времени — 'проспать какое-либо определенное время'. Глагол *уваспать* не имеет соответствующего образования с приставкой *у-* в литературном языке. Заметим также, что префиксация изменяет вид этого глагола, превращая последний в глагол совершенного вида.

Приведенные диалектные материалы свидетельствуют о том, что образования на *ува-* в южнорусских говорах русского языка являются распространенными, часто употребительными словами.

Как словообразовательный элемент префикс *ува-* оформляет целую категорию слов, прежде всего глаголов, имевших в прошлом префиксы *у-* и *в-*. В ряде говоров префикс *ува-*, безусловно, обладает продуктивностью. На это указывает хотя бы тот факт, что он встречается не только на месте префиксов *в-* или *у-*, но также на месте других префиксов. В смоленских говорах, например, записаны глаголы *уватить* (соответствующий литературному *отнять*) и *увабуться* (соответствующий литературному *обуться*): Здоровый мальиц! Смотри, во и уватняё у его. Ницаво, што мал (Добровольский, 1891); Ну, подожди! Сичас. Только увабуюсь (Ельнин, Смол., Добровольский, 1914). В г. Глухове Черниговской губернии зарегистрировано слово *увогрить* со значением 'сильно ударить, огреть' (Беляевский, 1903, с. 321). Записаны и другие глаголы, в которых префикс *ува-* соответствует по значению другим префиксам. В глаголах *уважить*, *уважиться*, *увагреться* префикс *ува-* тождествен по значению приставке *с-*. Как правило, эти глаголы в литературном языке соответствуют глаголам с префиксом *с-*: Ету палку не уважешь; Эта дёрна не уважится (Бесед. Курск., Кузнецова, 1963); Уважий прут у прясло; Гвоздик уважнулся в стяне (Климов, Брян., Северинова, 1955); *уважиться* (д. Селино Дубен. Тул., Филин, 1963). Подобные образования зарегистрированы в белорусских говорах Н. Я. Яшкиным: *увагрэцца* 'согреться, разогреться': Бяры гэту кашу, еш, увагрэнешя (1975, с. 117).

Имела продуктивность и словообразовательная модель *ува-* + основа глагола несовершенного вида. На это указывают также необычные образования, как записанные А. В. Миртовым на Дону глаголы *уваймать* 'отнимать' и *увайматься* 'отниматься' (1929). Префикс *ува-* в них в отличие от других глаголов не изменяет вид этих глаголов (глаголы остаются, как и соответствующие бесприставочные, глаголами несовершенного вида); в то же время лексическое значение этих глаголов значительно меняется. Таким образом, можно думать, что в приведенных случаях имела место префиксация путем непосредственного присоединения префикса к основе. Точно так же и в случае, когда префикс *ува-* является второй приставкой. Например, в глаголе *уваснеть* 'снеть' (несно) имеется префикс *с-* (перфектирующий этот глагол) и, следовательно, префикс *ува-* присоединяется к уже префиксальной основе — *снеть*. При этом вид и лексическое значение глагола не изменяется. Приставка *ува-* в этом случае как бы дублирует приставку *с-*: *увасной* 'сной' (с. Вредихино Новосел. Тул., Глаголев, 1900).

В определенной степени продуктивность словообразовательной модели с формантом *ува-* подтверждает и то, что глаголы с префиксом *ува-* могут получать совершенно новые значения. Например, глагол *увадьеть*, записанный в Брянской области, получает начинательное значение, не свойственное префиксам *в-* или *у-*. При этом глагол в отличие от простого *лечь* становится непереходным. Внимание говорящего фиксируется как бы на приступе

к действию: Одевай армяк, а то дождь, можа, к ночи увальё. Гляди, нахмаруе (Климов., 1955). Часто при этом отчетливо выступает сила и внезапность действия: Как увальёть дождь, и промочил все (Комарич., 1961); Покуль шли до дому, дождь як увальё, чисто измокли (Климов., 1955); Дождь как увальё, недокопали на огороде бурак (Климов., 1955).

Как известно, в русском языкознании значение начинательности глагольного действия не принято относить к чисто видовым грамматическим значениям глагола. Эта точка зрения находит подтверждение и в новых работах.³⁸ Поскольку значение начинательности в литературном языке не свойственно ни префиксу *в-*, ни префиксу *у-*, указанная диалектная форма выражения начинательности не имеет соответствия в литературном языке и является чисто диалектной оригинальной формой. Надо сказать, что как лексическое значение производящего глагола *лечь* 'сильно идти (о дожде)', так и его синтаксические свойства (непереходный характер — *дождь лежит* 'сильно идет') являлись теми условиями, которые позволяли образовывать производный глагол с начинательным значением (ср., например, глаголы *заморосить*, *запорошить*, *задуть* — *задуло с севера*; *пойти* — *пошел дождь*). От глагола *увальет* (это характерно для всех начинательных глаголов) вообще не образуется вторичных имперфективов: этот глагол является одиночным образованием.

Однако значение глагола *увальёть* более сложно и не исчерпывается только начинательностью с различными сопутствующими ей оттенками. К значению начинательности в глаголе *увальёть* нередко примешивается оттенок завершенности, чаще результативности действия. Обычно он проявляется в контексте, что можно видеть из следующих примеров: Как увальёть дождь и промочил все (Комарич. Брян.); Покуль шли до дому, дождь як увальё, чисто измокли (Климов. Брян.). Как видно из приведенных примеров, действие не только началось, но и доведено до определенного результата. В литературном языке с подобным явлением (объединением в префиксе двух оттенков значений) встречаемся в префиксальных глаголах с префиксом *по-*, где начинательность также осложняется еще завершенностью действия.³⁹

Таким образом, в южнорусских говорах образовалась целая категория слов, представляющая собой чисто диалектное оригинальное явление. Глаголы с префиксом *ува-* демонстрируют необычный способ словообразования: образование слов путем изменения внешнего облика префикса. Новый префикс оформляет целую группу слов. Эти слова отличаются большой частотностью употребления. Они привычны носителям говоров. В Курской области от них получили распространение образования со вторым префиксом *по-*, главным образом от глагола *увайти*: Свет — мои сестрицы — подружки Все на улицу поувашил, Все забавочки

³⁸ Тихонов, 1959, с. 43.

³⁹ Тимофеев, 1965, с. 25.

поуцесли (Обоян. Курск., 1856, 1896). В современных курских говорах: Поувагна́ли усе́х коров; Усе́ поувабра́ли хлеб; У нас много поувапи́ли (Бесед. Курск., 1963).

Глаголы с префиксом *ува-* отличает целый ряд особенностей фонетического, морфологического, синтаксического, семантического и лексического порядка. Префиксальные глаголы на *ува-* не только восприняли значение глаголов с префиксами *в-* и *у-*, но в ряде случаев развили и свои собственные значения, не свойственные префиксальным глаголам на *у-* или *в-*. В более развернутом виде этот процесс можно наблюдать в украинском и особенно в белорусском языках.

2. СЛОВА С СУФФИКСОМ *-ОБА*

В современном русском литературном языке наряду со словами с суффиксом *-ба* имеются слова с суффиксом *-оба*: *злоба*, *жалоба*, *худо́ба*, *трущоба*, *чащоба*. Кроме них есть еще несколько слов, пришедших в литературный язык недавно из диалектов и употребляющихся преимущественно со стилистической окраской: *стыдоба* (нар.-поэт.), *засноба* (простореч., устар.), *хвороба* (обл.), *учеба*.⁴⁰

В. В. Виноградов в книге «Русский язык» назвал суффикс *-оба* мертвым. Действительно, в литературном языке количество слов с этим суффиксом незначительно. Причем часть их присутствовала в русском языке еще в древности. Как показывают материалы П. И. Срезневского, слова *жалоба*, *злоба*, *худо́ба* употреблялись уже в древнейших памятниках: *жалоба* 'горе, сожаление'. Златостр. сл. 4; Слово о полку Игореве; 'жалоба'. Пов. врем. лет. 1100 г.; *зѣлоба*, *злоба* 'порок, лукавство, грех'. Лук. 11, Юр. ев. п. 1119, Ефр. Крм., 'зло'. Изб. 1073, Поуч. Влад. Мол., 'беда, зло'. Пов. вр. л. 1093; *худо́ба* 'бедность'. Златостр. 97. Это слова общеславянского фонда, они имеются и в других славянских языках (укр. и белорус. *жа́лба*; серб. *жа́оба* 'сожаление', чеш. и пол. *żałoba* 'печаль'; укр. *худо́ба* 'дом, скотина', пол. *chudoba* 'скудный скерб'; укр. *зло́ба* и *злоба́*, чеш. *zloba*).

Учитывая только что сказанное, группу слов с указанным суффиксом можно разделить на две подгруппы: а) к первой относятся слова, в которых суффикс присоединен к основе, кончающейся на твердые согласные (это древние образования); б) ко второй — слова *трущоба*, *чащоба*, *учеба*, в них суффикс *-оба* присоединяется к основе на мягкий согласный.

В отличие от слов первой подгруппы *трущоба*, *учеба*, *чащоба* в литературном языке появились сравнительно недавно: *трущоба*, например, впервые зарегистрировано Словарем Академии наук 1847 г., слово *чащоба* — словарем Даля (причем при слове имеется помета, указывающая на его областной характер: неиз.). Появление слова *учеба* в литературном языке произошло совсем недавно.

⁴⁰ См. БАС, т. 1—17.

Споры о том, входит ли оно в состав литературного языка, еще в 1950-х гг. велись на страницах газет и журналов.⁴¹

Отличия слов второй подгруппы, заключающиеся в характере основы (кончающейся на мягкий согласный), диалектном происхождении и недавнем проникновении в литературный язык, имеют весьма важное значение для выяснения причин происхождения суффикса -'оба у слов этой подгруппы. Эти особенности наталкивают на предположение о неодновременности появления в русском языке слов первой и второй подгруппы. Правомерность такого предположения находит подтверждение в фонетических особенностях системы русского языка. Как известно, характерным свойством фонетической системы раннего периода древнерусского языка является как раз невозможность сочетания палатализованного согласного и гласного непереднего ряда. Такая возможность в русском языке появилась позже, следствием чего был переход *е* в *о* в положении после мягких согласных. Из этого следует, что суффикс -'оба в слове *учеба*, например, более позднего происхождения, чем в словах *злоба*, *жалоба*, *худоба*. Он мог появиться в этом слове только после падения глухих, во время перехода *е* в *о*. Поэтому суффиксы в словах *злоба* и *учеба* не только разного происхождения, но и появились в разное время.

Невозможно прояснить историю и возникновение суффикса -'оба, пользуясь только данными литературного языка, так как в нем имеется только три слова, в которых суффикс -'оба присоединяется к основе на мягкий согласный. Естественно в этом случае обращение к материалам диалектов, т. е. к той языковой действительности, которой эти слова обязаны своим появлением. Вполне возможно, что в диалектах имеются и другие слова, в которых бы суффикс -'оба был после основы, кончающейся на мягкий согласный. Учет и исследование таких слов представляется настоящей необходимостью для разрешения указанной задачи.

Действительно, в говорах русского языка, где вообще отмечается значительно большее количество слов с суффиксом -ба, зарегистрированы и другие слова с суффиксом -'оба. Причем среди них имеются и такие, в которых указанный суффикс присоединяется к основе на мягкий согласный или на бывший мягкий.

Большая часть упомянутых диалектных слов (так же, как и слово *учеба*) мотивирована глаголами на -ить: *гостѣба* — *гостить*, *удѣба* — *удить*, *чицѣба* — *чистить*, а также *ношѣба* — *носить*, *кошѣба* — *косить* (в словах *ношѣба*, *кошѣба* суффикс -ба после отвердевшего согласного). Названные существительные обозначают преимущественно действие, процесс. Некоторые из них имеют другое значение, но также являющееся производным, вторичным от значения действия.

Приведем соответствующие материалы. В олонецких говорах, например, получило большое распространение существительное *гостѣба*. Со значением 'пиршества, угощение', 'пребывание в гостях'

⁴¹ См.: Хашинра, 1965, с. 88—91; Кузнецова, 1975 (2), с. 113—117.

гостѣба неоднократно записывалось в этих говорах. С указанием на бытование в Олонецкой губернии встречаем его и в словаре В. И. Даля. Оно помещено также в словаре олонецкого наречия Г. И. Куликовского: Кака теперь гостеба? Косить надоть (Петрозав., Пудож., Каргон., 1898).⁴² Слово записывалось и в Вытегорском уезде Олонецкой губернии: За два, за три дня (до призыва новобранцев) начинается «гостеба» их по своим родным. *Гостѣба* до сих пор употребляется в Киришском районе Ленинградской области (б. Повгородской): У родной тетки разве не гостѣба? (Марецкая, 1955). Оно зарегистрировано также словарем Среднего Урала.⁴³

На Севере от слова *гостѣба* был известен ряд производных: *гостѣбище*, *гостѣбнице* (с *е*, не перешедшим в *о* перед мягким согласным). Они неоднократно регистрировались собирателями. *Гостебище*, например, с тем же значением, что и *гостеба*, не раз можно встретить в былинах А. Гильфердинга: И просил Илью во почестное во гостѣбище (Петрозав. Олон.); Звал он тут в великое гостебище (Новен. Олон.), со значением 'угощение' (Новен. Олон.). Находим его также в сборнике О. Х. Агреневой-Славянской (ч. 1—3 — Олон.), в былинах Н. Н. Рыбникова (ч. 3 — Петрозав. Олон.), Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, в сборнике былии А. М. Астаховой (1938). Слово *гостебище* записано в Петергофском у. Петербургской губ. В записях Е. В. Барсова (ч. 1—2) оно употребляется в значении 'гость' (Когда ждать в гости любимое гостебище?). Слово *гостебище* встретилось в записях былии из Пудожского у. Олонецкой губ. Н. Рыбникова и Шайкина. В тех же говорах эти слова регистрировались в несколько иной форме — с *и* на месте *е* (вследствие сужения *е* между мягкими согласными): *гостѣище* в значении 'пирושка, пребывание в гостях' (Олон., Петергоф. Петерб.), *гостѣбье* 'приглашение и прием гостей' (Лодейноп. Ленингр., 1928—1930), 'пирושка', 'пребывание в гостях' (Олон., 1864), 'угощение' (Олон., Барсов., Север.); *гостѣбье* уменьш.-ласк. к *гостѣбье* (Петроз. Олон., 1896).

На Севере, в олонецких говорах известно слово *удѣба*, употребляющееся со значением 'уженье рыбы' (Петроз. Олон., Куликовский, 1898). Здесь получили распространение и производные от него слова: *удѣбка*, *удѣбник*, *удѣбный*, *удѣбна* (в значении существительного). Причем слово *удѣбка* было известно за границами ареала слова *удѣба*. В Исковской губернии оно зарегистрировано в значении 'рыболовная снасть — секушка' (1914),⁴⁴ а в Вятской (1847) и Пермской (1848) губерниях и в Горьковской области в значении 'удочка', 'разновидность удочки'. В. И. Даль поместил его в своем словаре в значении 'удочка', не указав место распространения, что можно понимать как признание широкой распро-

⁴² Куликовский, 1898.

⁴³ Словарь рус. говоров Ср. Урала, т. 1.

⁴⁴ Кузнецов, 1915.

странности слова. В той же словарной статье приведено прилагательное *удёбный* (Удёбный промысел не выгоднее ярусного), помещенное как архангельское.

В беломорских говорах, по свидетельству словаря И. М. Дурова, промыслы трески (с марта по май) и наваги (весенний и осенний) называли *удёбной* (1921).⁴⁵ В этом же словаре помещены сочетания *удёбное колесо* 'приспособление, с помощью которого удят рыбу с судна' и *удёбная леса*. В архангельских говорах записаны еще следующие сочетания: *удёбный лов* 'лов на удочку' (Онеж. Арх., 1954), *удёбная треска* 'треска, выловленная с помощью удочки' (1910), в оставшковских говорах — *удёбный крючок* (Калин., Копорский, 1946).

Известны и другие родственные слова: *удёбник*, записанное на Дону в значении 'то же, что ласкирь' (1929), а на Белом море в значении 'рыбак, занимающийся промыслом рыбы на лесу' (Дуров, 1929), а также *удёбщик* со значением 'тот, кто ловит рыбу удочкой, рыболов', отмеченное словарем Даля и словарем И. М. Дурова. Добавим, что *удебщик* зарегистрировано в вятских (1847) и пермских говорах (*удёбщик*).

Большое распространение получило существительное *чищоба*, однако не в значении действия, а в значении места. В. И. Даль поместил слова *чищоба* и *чищобь* со значением 'место, где лес вырублен, выкорчеван и сожжен под посев; пашня, расчищенная из-под леса, повинна'. Оба слова помещены им как имеющие распространение на северо-востоке. В той же статье даны сочетания *чищобные пашни* и слова *чищобник* 'чисто содержимый лес, роща' и *чищобники* 'кулижники, делающие расчистки, истребители лесов'. Слово *чищоба* имеется и в словаре В. Буриашева, где его значение толкуется следующим образом: 'расчищенное место в лесу для пашни'. По свидетельству этого словаря, оно употреблялось в «средних и низовых губерниях».⁴⁶ Слово *чищоба* с указанным значением не раз записывалось собирателями народных слов в Архангельской, Владимирской, Костромской губерниях, в Нижегородском уезде Нижегородской губернии, в Чебоксарском уезде Казанской губернии, в Пензенской, Вятской, Пермской губерниях; со значением 'расчищенное для сенокоса место среди леса' — в Кадниковском уезде Вологодской губернии (1896). В Городищенском уезде Пензенской губернии слово *чищоба* было отмечено со значением действия — 'земледельческая работа' (Тр. МДК, 1914, вып. 12, с. 94), в Чердынском уезде Пермской губернии *чищобой* называли луг с пнями в лесу (Прогр. АП № 258, 1900).

Таким образом, слово *чищоба* в конце XIX—начале XX в. имело весьма значительный ареал. Кроме того, оно употреблялось в этот период специалистами сельского хозяйства и лесоводства. Встречаем его, например, в Энциклопедии сельского хозяйства (т. 3, с. 823), в «Кратком курсе лесоведения и общего лесо-

⁴⁵ Дуров, 1929.

⁴⁶ Буриашев, т. 1—2.

водства Л. П. Яшинова (Л., 1931, с. 173), в Русском лесоводстве Ф. К. Арнольда (СПб., 1890, т. 1). *Чищоба*, *чищѣба* использовалось в художественных произведениях, например, Радищевым (Описание моего владения, II, с. 383), Мельниковым-Печерским (В лесах, 3, с. 254, с. 365), Лесковым (Очарованный странник, 2, с. 339; На ножах, 9, с. 410), Гаринным-Михайловским (Картинки Волжани, 4, Изд. 1958, с. 115).

Очевидно, это обстоятельство дало основание А. Г. Преображенскому считать слово *чищоба* общерусским: в Этимологическом словаре это слово помещено в значении 'новь из-под вырубленного и выкорчеванного леса' без указания на какое-либо ограничение в употреблении.⁴⁷

В севернорусских и среднерусских говорах получило распространение слово *кошоба*, мотивируемое глаголом *косить*. Оно известно здесь в нескольких значениях, в значении 'косьба травы' (Кашин. Твер., 1902; Твер.). Кроме тверских говоров с этим значением *кошоба* употреблялось еще в московских и ярославских говорах: Вся что ли у вас в поле-то кошоба-то? (Яросл.); Кошоба — это косят траву (Моск.). В Московской области *кошоба* имеет, кроме того, значение 'время косьбы травы' (Моск., 1958).

Слово было зарегистрировано в говорах еще в двух значениях: 1) 'место, где была скошена трава' (Вельск. Арх., 1914; Ярослав., Калинин. — Гоняют и на кошобу скот, да ведь там мало что осталось, когда подрастет только. Моск., 1958); 2) 'луг, предназначенный для косьбы травы; место косьбы': Этот год кошоба близко, пенком ходим (Моск., 1908; Калинин. Ярослав.).

Довольно известным словом в северо-восточных, уральских и сибирских говорах является слово *ношебный* и *ношобный*. Оно регистрировалось здесь начиная с середины XIX в. В значении 'посильный (об одежде и обуви)' слово *ношебный* записано было в Яренском у. Вологодской губ. (1853), а также в Свердловской области, на Байкале, в Сибири; в значении 'обыденный, не праздничный' — в Пермской (1856) и в Вятской (1907) губерниях, а также в Челябинской, Свердловской областях, на Урале, в Зауралье, в Кемеровской области, в Киренском районе Иркутской области. В записях Ильина из Сибири имеется производное от прилагательного — *ношебийяк*. Про несколько «ношебных предметов во мн. ч. говорят *ношебийяк*» (1916). Однако во всех этих материалах не упоминалось о бытовании в говорах производящего слова — отлагольного существительного. И только позднее в 1962 г. в Кировской области диалектологом Л. П. Горевой было записано слово *ношоба* со значением 'обыденная, верхняя рабочая одежда'.

Таким образом, слово *учеба*, пришедшее в литературный язык из говоров, не было там единственным образованием такого рода. В диалектах до сих пор употребляются существительные с суффиксом *-оба*.

Приведенный диалектный материал свидетельствует, что быто-

⁴⁷ Преображенский, 1958.

ванне этих слов, за исключением слова *учеба*, в европейской части отмечается преимущественно в севернорусских говорах. Кроме того, эти слова получили распространение на Урале и в Сибири.

Знаменательно, что слова с суффиксом *-оба* в некоторых случаях употребляются наряду со словами с суффиксом *-ба*. Параллельно слову *гостѣба*, например, в говорах имеется также старое слово *гостьба*, известное еще древнерусскому языку. По Словарию русского языка XI—XVII вв. оно употреблялось в древнерусском языке в двух значениях: 1) 'пир, угощение' и 2) 'торговля в разных странах, городах' (Ник. лет. 1150, Русск. Правда и др.). Этим же словарем отмечены слова *гостебникъ* (*гостьбникъ*) 'купец' (Повг. IV, 1273), а также *гостебный*, *гостьбный* 'прилагательное к *гостьба* во 2-м знач.' (Неск., судн. гр. XVI в.).⁴⁸ Слово *гостьба* известно было также старославянскому языку; оно употребляется в других славянских языках: в болгарском языке имеется, например, *гостба* 'угощение', в словацком — *гѣба* 'пиршество' (Фасмер, т. 1). Что касается говоров русского языка, то здесь его бытование отмечено на Европейском Севере и на Урале, т. е. в тех же местах, что и *гостѣба*: *гѣсба* 'пиршество, участие в пиршестве', 'пребывание в гостях' (Котельн. Вят., 1928), *гѣзба* 'пиршество' (Примор. Арх., 1940), *госѣба* 'пиршество, угощение', 'пребывание в гостях' (Каргон. Олон., Куликовский, 1898).

Точно так же параллельно слову *учеба*, которое отличалось весьма значительным ареалом и было известно в двух вариантах *учѣба* и *учѣба* (*учѣба*: Обоян. Курск., 1859; Курск., Тул., Менцов. Калуж., Волог., Грязов. Волог.; *учѣба*: Череп. Повг., 1858; Боров. Повг., 1857), бытовало слово *учба́* (Енот. Астрах., 1854; Вязем. Смол., Моск., Ряз., Екатеринбург. Перм.). В некоторых говорах собиратели отмечают наличие двух слов: *учба́* и *учѣба* (Верхот. Перм., 1899); *учѣба*, *учба* (Вят., 1907). Записано также *учѣбный* 'прилежный в учении' (Он хороший мальчик, учебный. Боров. Калуж., 1905—1921), *учѣбишка* 'умение читать и писать' (Том., 1964). Слово *учба* в сочетании *учбы военные* было зарегистрировано в XVIII в. Лексиконом Поликарпова. В XIX в. *учба* даже использовалось писателями (Мельниковым-Печерским, Левитовым) в художественных произведениях.

Наряду с диалектным словом *удѣба* в русском языке XIX в., по свидетельству словаря Даля, употреблялось еще *удьба́*. Автор словаря не снабдил его никакой ограничительной пометой. Здесь же приведено *удбище* 'место, где рыба хорошо клюет, берется, ловится' с указанием на бытование в Архангельской губ.

Анализ приведенных диалектных материалов, учет таких фактов, как наличие в говорах параллельно со словами *гостѣба*, *учѣба* слов *гостьба*, *учба*, а также бытование родственных слов с *e* в суффиксе (*гостѣбнице*, *гостьбнице*), — все это приводит к мысли о том, что суффиксы *-ба* и *-оба* (присоединяющийся к мягкой основе)

⁴⁸ Сл. РЯ XI—XVII вв., 1977, вып. 4.

исторически восходят к одному древнерусскому суффиксу -ьба. Изменение суффикса -ьба в ряде слов произошло в результате падения глухих. Редуцированный этого суффикса в словах *гостьба*, *удьба* и др. в ряде севернорусских говоров оказался под ударением и потому не исчез, а стал произноситься как гласный полного образования — е, т. е. аналогично редуцированному гласному в словах *гостёбник*, *гостёбный* (древнерус. *гостьбникъ* и *гостебникъ*, *гостьбный* и *гостебный*). Позже, когда начался переход е в о, этот гласный, как всякий е после мягкого перед твердым, переходил в о, а в производных от этих слов мог сохраняться звук е, поскольку он был перед мягким согласным (*гостёбице*, *гостёбнице*, *учёбишка* и др.). Таким образом, единый древнерусский суффикс раздвоился и дал начало новому суффиксу -'еб(а), получившему позже вид -'об(а) и соединившемуся со старым еще общеславянским -оба.

Возникновение суффикса -оба произошло потому, что вследствие падения глухих изменились фонетические условия суффикса -ьба. Как известно, все слова с новым суффиксом образованы от двусложных, бесприставочных глаголов: *гостить*, *удить*, *косить*, *посить*, *учить*, *чистить*. Отглагольные существительные с суффиксом -ьба после падения глухих, в случае если ударение падало на последний слог, становились двусложными. При этом сочетание конечных согласных корня *т*, *д*, *с*, *ч* и звука *б* суффикса (после исчезновения редуцированных гласных они оказывались рядом) было необычным для русского языка этого периода и представляло определенную произносительную трудность. Фонетическая разрядка сочетания согласных звуков с помощью гласного в этом случае вполне понятна. Итак, на Севере известное фонетическое явление падения глухих привело к изменению фонетического облика ряда отглагольных существительных с суффиксом -ьба и вследствие этого — самого суффикса. В результате у отдельных существительных морфема -ьба приняла вид -'оба.

Как показывают диалектные материалы, с суффиксом -'оба образовывалось небольшое количество слов. Можно предположить, что в говорах существовали или существуют до сих пор и другие слова типа *учёба*, оставшиеся незарегистрированными; ⁴⁹ однако их все же не может быть много. Появление таких слов могло происходить только при наличии определенных фонетических и акцентных условий, должно было ограничиваться этими условиями (см. выше).

Происхождение и история слов с суффиксом -'оба тесно связаны с историей слов с суффиксом -ба. Этот вопрос представляет собой весьма любопытную страницу в истории русского словообразования. Его исследование необходимо и полезно не только

⁴⁹ На это указывает наличие в говорах таких слов, как *едёбный* (Перм.), *варёбник* 'горшок' (Олон., 1898), *волоч'бник* (Пск., Смол., Зап.), *волоч'бный* (Смол., Зап.), *дерёбка* 'народное кушанье из гречневой муки с простоквашей' (Калуж., Даль).

для того, чтобы знать подробно историю слов с суффиксом *-ба*, но также для того, чтобы наглядно видеть, насколько непростой, с отклонениями от прямого пути развития может быть история отдельных явлений. Одним из таких отклонений на пути исторического развития суффикса *-ба* в русском языке и является возникновение суффикса *-оба* в словах типа *учёба*, *гостёба*. Как можно было видеть, единый древнерусский суффикс *-ьба* вследствие изменений в фонетической системе раздвоился и дал начало суффиксу *-оба*. В дальнейшем этот последний объединился с другим — суффиксом *-оба*, существовавшим еще в период общеславянского единства. Теперь в современном русском языке имеется единый суффикс *-оба* у существительных с твердой и мягкой основой. История слов с суффиксом *-оба* интересна и в теоретическом плане. Она достаточно отчетливо показывает, что иногда изменения фонетического уровня подготавливают изменения других уровней, в данном случае — словообразовательной системы.

* * *

Анализ двух типов диалектного словообразования показывает, что формирование их происходило еще более сложным путем, чем лексикализация отдельных фонетических явлений. Это и понятно, поскольку речь идет о формировании целых категорий слов. Если изменение фонетического облика морфемы вполне объясняется фонетическими, морфологическими, акцентными, слоговыми причинами, то естественно, что в формировании морфемы, функционировании ее в качестве словообразовательной модели, приобретении ею продуктивности принимали участие и другие факторы — факторы, действующие на иных уровнях системы (например, лексическом), такие как количество слов с этой морфемой, частотность употребления слов. Немаловажную роль при формировании словообразовательного типа играют экстралингвистические, социальные факторы.

Интересно географическое распространение рассматриваемых словообразовательных типов. Часть из них строго приурочена к определенным говорам: глаголы с префиксом *-ува-* — одна из характерных особенностей южнорусского глагольного словообразования, существительные с суффиксом *-оба* получили распространение преимущественно в севернорусских говорах; и наоборот, глаголы с суффиксом *-ану-* (*-ону-*) имеют широкое распространение: они употребляются в севернорусских, среднерусских и южнорусских говорах, известны и в литературном языке.

Исследование лексикализованных фонетических особенностей, изучение изменения фонетического облика диалектных слов вследствие реализации в них таких особенностей, изучение разрядов слов с диалектными аффиксами, появившимися на почве лексикализации фонетических явлений, позволило прийти к следующим выводам.

1. Лексикализованные фонетические явления могут появляться не только вследствие отмирания старых фонетических особенностей, как считалось ранее, но и по другим причинам. Обнаружилось многообразие их генетической природы. Это — отклонения, исключения из регулярных особенностей, «обратные» мены, результаты фонетических процессов ассимиляции и диссимиляции, метатезы, вставки гласных и согласных, осуществившиеся после падения глухих, явления, вызванные основными тенденциями диалектных систем, такими, как тенденция возрастающей звучности слога и др.

Весьма важно также, что и действующие нерегулярные явления, а также регулярные структурные особенности говоров могут служить источником лексикализованных случаев, как например результаты яканья, отразившиеся в фонематическом составе слов *бля́снуть*, *бля́сать* (Смол., Брян.) из-за перемещения акцента.

Лексикализованные случаи могут отражать «обратную» мему, например отпадение *j* перед начальным *a* в смоленских и брянских говорах (т. е. в тех говорах, где отмечен *j* протетический): *аитáрь* из *яитáрь* (Смол., 1974), *аитáрный* из *яитáрный* (Брян., 1976) и т. д.

2. Открытие многообразной генетической природы лексикализованных особенностей заставило пересмотреть такие основные для этой проблемы понятия, как лексикализация фонетических явлений, лексикализованное фонетическое явление и лексикализованное фонетическое отличие.

Поскольку в работе было установлено, что лексикализованные явления — это не только результаты старых фонетических явлений, но также отклонения от действующих закономерностей, результаты нерегулярных особенностей и многие другие, появилась необходимость в выработке нового, более точного понятия лексикализации, которое охватывало бы все разнообразные слу-

чап ее, отмечало бы то общее, что объединяет все эти явления, а также указывало на специфичность лексикализованных явлений, на их отличие от явлений фонетических. Исходя из этих требований, понятие лексикализации фонетических особенностей определяется следующим образом: лексикализация фонетического явления — это перевод любого фонетического явления, реализация которого ограничена определенной фонетической позицией, но не ограничена кругом слов, в явление, ограниченное замкнутым кругом слов.

Выяснение различной генетической природы лексикализованных явлений дало возможность уточнить понятие лексикализации фонетических явлений и в другом плане. Поскольку в говорах, как это стало известно теперь, наблюдается не только самый процесс перевода фонетического явления в лексикализованное, но также его результаты и результаты лексикализованных явлений, имеющих иной источник происхождения (отклонения от закономерностей, «обратные» мены и др.), то лексикализацией называют реализацию любого фонетического явления в замкнутом кругу слов.

В соответствии с этим и лексикализованное явление определяется как такое лексико-фонетическое явление, реализация которого характеризуется закрытым рядом слов, в которых его результаты служат приметой, отличительной особенностью фонетического облика.

Лексикализованное фонетическое отличие определяется как лексико-фонетическое отличие, характеризующееся закрытым рядом слов, проявляющееся в них как примета, как принадлежность их фонетического облика.

3. Лексикализованные явления имеют пограничный, межуровневый характер. Эта специфика исследуемых явлений обнаруживается в том, что явление фонетического уровня (оно проявляется в фонетической стороне слова), реализуясь в закрытом ряду слов, становится индивидуальной принадлежностью фонетического облика этих слов, служит приметой фонематического состава конкретных слов, т. е. проявляется на лексическом уровне.

Межуровневый характер лексикализованных явлений весьма затрудняет их изучение, выявление их сущности, специфики, причин и факторов происхождения.

4. Характер изменения фонетического облика слов заключается в следующем.

а) Как известно, при реализации регулярных фонетических явлений фонетический облик слова (корня) изменяется не всегда, поскольку регулярные явления связаны с определенной позицией. Наличие родственных слов или словоформ, в которых отсутствуют подходящие условия для такого изменения, служат поддержкой исходного облика слова. Реализация же лексикализованного явления отличается тем, что измененный облик слова закрепляется постоянно; его характерная особенность заключается

в том, что результат фонетического явления служит приметой фонетического облика конкретных слов. Следовательно, изменение фонетического облика слова — основная характеристика лексикализованного фонетического явления.

б) Сделаны также наблюдения о разной степени изменения фонематического состава слов вследствие реализации лексикализованных явлений. Обычно при реализации в слове одного лексикализованного явления фонетический облик слова изменяется незначительно (одна-две фонемы). Однако наблюдаются и более серьезные изменения фонетического облика слов. Это происходит тогда, когда в слове отражаются результаты не одного, а нескольких фонетических явлений. В этом случае фонетический облик слова весьма значительно отличается от исходного (может заменяться, например, половина фонем — смол., брян. *молодия* 'молния', смол. *авжу* 'уже' и др.), что заставляет говорить об изменении собственно основы слова, об образовании новой основы.

В первом случае отношения слов с измененным фонетическим обликом к словам с исходным фонетическим обликом, если представить их одновременное существование в одной системе, следует рассматривать как отношения вариативные (без нарушения тождества слова).

Во втором случае изменения фонетического облика слова настолько значительны, что узнавание слова почти не происходит, оно затруднено. Отношение таких слов к исходным невозможно представить в одной системе как отношения вариантов: налицо нарушение тождества слова. Поэтому речь должна идти о появлении новых слов.

в) Чаще всего изменяется фонетический облик слов заимствованных и слов, лишенных внутренней мотивированности. В то же время неоднократно изменение фонетического облика слова ведет к потере словом мотивированности (если таковая в слове имелась).

5. Весьма характерно географическое распространение лексикализованных явлений. Одни из них связаны с определенными группами говоров (севернорусскими, южнорусскими или среднерусскими). Таковы севернорусские слова с *a* на месте *e* после шипящих, слово *черемха*, имеющее преимущественное распространение в севернорусских говорах, слова с отпадением и выпадением безударных гласных, получивших наиболее яркое проявление в юго-западных говорах, южнорусские слова с префиксом *ува-* и др. Другие распространены более широко, наблюдаются в различных группах говоров, как например слова с протетическим *j*, слова с суффиксом *-ану-* (*-ону-*), слова с вставными гласными и другие явления.

6. Изучение причин и условий появления лексикализованных особенностей позволило сделать выводы о необходимости различать: а) фонетическую основу лексикализации (изучение явления на фонетическом уровне); б) причины проявления данного фонети-

ческого явления в конкретных словах (изучение явления на лексическом уровне: исследуются свойства конкретных слов, их связи, семантика, а также история, судьба этих слов).

Сделан также вывод об участии в лексикализации многих различных факторов, проявляющихся на разных уровнях. Лексикализация фонетического явления происходит вследствие взаимодействия этих различных по своей природе и свойствам факторов. При этом одной из важных задач этого этапа исследования является определение конкретной роли каждого обстоятельства, условия, способствовавшего лексикализации фонетической особенности.

- Аванесов, 1947 — *Аванесов Р. И.* Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров. — В кн.: Доклады и сообщения филологического факультета. М., 1947, вып. 2, с. 9—15.
- Аванесов, 1948 — *Аванесов Р. И.* Вопросы методики наблюдения над говорами. — Бюл. диалектологического сектора ИРЯЗ. М.; Л., 1948, вып. 4, с. 60—68.
- Аванесов, 1949 (1) — *Аванесов Р. И.* Заметки о говоре с. Семеновского на р. Водле. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949, т. 2, с. 242—260.
- Аванесов, 1949 (2) — *Аванесов Р. И.* Очерки диалектологии рязанской Мещеры. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949, т. 1, с. 135—236.
- Аванесов, 1949 (3) — *Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, ч. 1. 323 с.
- Аванесов, 1974 — *Аванесов Р. И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. 284 с.
- Агренева-Славянская — *Агренева-Славянская О. Х.* Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитательными и зазывальными. Тверь, 1887—1889, ч. 1—3.
- Анненков, 1878 — *Анненков Н.* Ботанический словарь. СПб., 1878. 672 с.
- Антонович, 1960 — *Антонович А. К.* Вопросы фонетики белорусского актового языка в XII в. — Учен. зап. Вильн. ун-та, 1960, т. 30, ч. 2, с. 85—113.
- Астахова, 1938 — *Астахова А. М.* Былины Севера. М.; Л., 1938, т. 1; М.; Л., 1951, т. 2.
- Ахманова, 1957 — *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. 295 с.
- Ахманова, 1976 — *Ахманова О. С.* Рец. на кн.: H. Parret. Discussing language. The Hague—Paris, Mouton, 1974. — ВЯ, 1976, № 3, с. 131—137.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. М.; Л., 1948—1965.
- Балахонова, 1961 — *Балахонова Л. И.* История составления «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему. — В кн.: История русской диалектологии: Приложение. М., 1961, с. 98—124.
- Baldinger, 1963 — *Baldinger K.* Traditionelle Sprachwissenschaft und historische Phonologie. — Zeitschrift für Romanische Philologie, 1963, Bd 79, S. 530—566.
- Барсов — *Барсов Е. В.* Причитанья Северного края. М., 1872—1882, ч. 1—2.
- Белорус.-рус. словарь, 1962 — Белорусско-русский словарь / Под ред. К. Крапивы. М., 1962. 1048 с.
- Беляевский, 1903 — *Беляевский В.* Народный говор уездного гор. Глухова (Черниговской губ.). — РГВ, 1903, т. 1, с. 298—323.
- Беляева, 1967 — *Беляева О. И.* Состав и структура Словари местных слов и выражений Соликамского района. — Учен. зап. Перм. пед. пн-та, 1967, т. 43, вып. 3, с. 117—128.
- Бернштейн, 1963 — *Бернштейн С. Б.* К истории слога в праславянском языке. — В кн.: Славянское языкознание: Докл. советской делегации на V съезде славистов в Софии. София, 1963, с. 53—69.

- Блинова, 1966 — *Блинова О. И.* К вопросу о типах лексических различий диалектного языка. — В кн.: Вопросы языкознания и сиб. диалектологии. Томск, 1966, с. 9—16. (Уч. зап. Том. ун-та; Вып. 1; № 57).
- Блинова, 1968 — *Блинова О. И.* О тождестве слова в диалектном языке. — В кн.: Тр. Том. ун-та, 1968, с. 97, 117—126.
- Бломквист, 1956 — *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 3—454.
- Богатырев, 1962 — *Богатырев И. Г.* Язык славянских народных песен в отношении к диалектной речи. — ВЯ, 1962, № 3, с. 75—86.
- Богородицкий, 1939 — *Богородицкий В. А.* Очерки по языкознанию и русскому языку. М., 1939. 224 с.
- Бодуэн де Куртене, 1882 — *Бодуэн де Куртене И. А.* Отрывки из лекций по фонетике и морфологии русского языка. Воронеж, 1882, вып. 1. (Отд. оттиск).
- Бодуэн де Куртене, 1963 (1) — *Бодуэн де Куртене И. А.* Введение в языковедение. — Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, т. 2, с. 246—293.
- Бодуэн де Куртене, 1963 (2) — *Бодуэн де Куртене И. А.* Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний. — Там же, с. 19—29.
- Бодуэн де Куртене, 1963 (3) — *Бодуэн де Куртене И. А.* Лингвистические заметки и афоризмы: По поводу новейших лингвистических трудов В. А. Богородицкого. — Там же, с. 33—55.
- Бодуэн де Куртене, 1963 (4) — *Бодуэн де Куртене И. А.* О связи фонетических представлений с представлениями морфологическими, синтаксическими и семасиологическими. — Там же, с. 163—174.
- Бодуэн де Куртене, 1963 (5) — *Бодуэн де Куртене И. А.* Фонетические законы. — Там же, с. 189—208.
- Бондарко, 1957 — *Бондарко Л. В.* Структура слога и характеристика фонем. — В. Я, 1957, № 1, с. 34—46.
- Бондарко, Павлова, 1967 — *Бондарко Л. В., Павлова Л. И.* О фонетических критериях при определении места слоговой границы. — Рус. яз. за рубежом, 1967, № 4, с. 11—20.
- Борисова, 1964 — *Борисова Е. И.* Из истории смоленских говоров: (по материалам смоленских памятников деловой письменности XVI—XVIII вв.). — Учен. зап. Смол. пед. ин-та, 1964, вып. 13, ч. 1, с. 141—166.
- Борисова, 1974 — *Борисова Е. И.* Лексика Смоленского края: По памятникам письменности. Смоленск, 1974. 161 с.
- Борковский, Кузнецов, 1963 — *Борковский В. И., Кузнецов И. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963. 512 с.
- Бородин, 1968 — *Бородин М. И.* Говор западной части Любимского района Ярославской области: Канд. дис. Ярославль, 1968.
- Бородин, 1970 — *Бородин М. И.* Характеристика фонетических особенностей говора западной части Любимского района Ярославской области. — В кн.: Вопросы русского языка. Ярославль, 1970, вып. 1, с. 5—21.
- Брок, 1916 — *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916. 128 с.
- Будагов, 1965 (1) — *Будагов Р. А.* Введение в науку о языке. М., 1965. 492 с.
- Будагов, 1965 (2) — *Будагов Р. А.* Проблемы развития языка. М.; Л., 1965. 72 с.
- Будагов, 1972 — *Будагов Р. А.* О предмете языкознания. — Изв. ОЛЯ, 1972, т. 31, вып. 5, с. 401—412.
- Будагов, 1974 — *Будагов Р. А.* Еще раз о предмете языкознания. — Изв. ОЛЯ, 1974, т. 33, № 2, с. 128—136.
- Будагов, 1978 — *Будагов Р. А.* Несколько замечаний о проблеме формы и значения в науке о языке. — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, с. 230—236.
- Будде, 1892 — *Будде Е. Ф.* К диалектологии великорусских наречий: Исследование особенностей рязанского говора. Варшава, 1892. 91 с. (Отд. оттиск из РГФВ).

- Будде, 1894 — Будде Е. Ф. Главнейшие черты народного говора в Казанской губ. — РФВ. Варшава, 1894, т. 32, с. 77—112.
- Будде, 1904 — Будде Е. Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний. — Сб. ОРЯС, 1904, т. 76, № 3, 148 с.
- Булаховский, 1948 — Булаховский Л. А. Семаснологические этюды: Славянские наименования птиц. — Учен. зап. Львов. ун-та им. Франко, 1948, т. 7, кн. 1, с. 153—197.
- Булаховский, 1952 — Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. М., 1952, т. 1, 443 с.
- Бунин, 1973 — Бунин Иван. Фольклорные записки. — В кн.: Литературное наследство. Л., 1973, т. 84, кн. 1, с. 399—417.
- Бурнашев — Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., 1843—1844, т. 1—2.
- Буричок, 1971 — Буричок А. А. Одзвінчення глухих приголосних перед сонантами та між голосними в говорах української мови. — В кн.: Праці XII респ. діалектологічної наради. Київ, 1971, с. 126—127.
- Буслаев, 1959 — Буслаев Ф. И. Историческая грамматика. М., 1959, 623 с.
- Былины М. С. Крюковой — Былины М. С. Крюковой. М., 1939, т. 1; М., 1941, т. 2.
- Былины Печоры и Зимнего берега, 1961 — Былины Печоры и Зимнего берега / Гл. ред. А. М. Астахова. М.; Л., 1961.
- Бялькевич, 1970 — Бялькевич Г. К. Крайні слов'яні у східній магільничині. Мінск, 1970, 510 с.
- Васильев, 1908 — Васильев Л. Л. О влиянии нейютированных гласных на предыдущий слог. СПб., 1908, 75 с.
- Васильева, 1967 — Васильева А. К. Об изменении сочетания согласных [ВН] и [МН] по говорам русского языка. — В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967, с. 228—238.
- Васильева, 1975 — Васильева А. К. Фонемы <Ф>, <Ф'> и их замены в русских говорах. — В кн.: Русские говоры. М., 1975, с. 91—104.
- Васильева Е., 1962 — Васильева Е. З. Принципы составления «Словаря областного Архангельского наречия...» А. О. Подвысоцкого. — В кн.: Слово в народных говорах русского Севера / Отв. ред. Б. А. Марин. Л., 1962, с. 98—121.
- Васнецов, 1907 — Васнецов И. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907, 357 с.
- Вахек, 1964 — Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964, 350 с. (При участии П. Дубекого).
- Вахек, 1967 — Вахек Й. Пражские фонологические исследования сегодня. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 325—337.
- Веневцева, 1960 — Веневцева Л. Е. Фонетичні особливості молдавських грамот XV сторіччя. — Учен. зап. Харків. ун-та, 1960, т. 111, с. 181—196.
- Виноградов В. А., 1971 — Виноградов В. А. Консонантизм и вокализм русского языка. М., 1971, 83 с.
- Виноградов, 1947 — Виноградов В. В. Русский язык. М.; Л., 1947, 784 с.
- Виноградов, 1953 — Виноградов В. В. Основные типы лексического значения слова. — ВЯ, 1953, № 5, с. 3—29.
- Вопр. теории лингв. геогр. — Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. чл.-кор. АН СССР Р. П. Аванесова. М., 1962, 254 с.
- Высотский, 1949 — Высотский С. С. О говоре д. Лека. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949, т. 2, с. 3—71.
- Высотский, 1961 — Высотский С. С. Развитие русской диалектологии в конце XIX в. и в начале XX в. — В кн.: История русской диалектологии. М., 1961, с. 30—68.
- Высотский, 1970 — Высотский С. С. О звуковом составе слова в русском языке. — В кн.: Кузнецовские чтения. 1970. М., 1970, с. 5—8. (Тез. докл.).
- Высотский, 1973 — Высотский С. С. О звуковой структуре слова в русских

- говорах. — В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1977, с. 17—42.
- Высотский, 1975 — *Высотский С. С.* К проблеме изучения вокализма южно-русских говоров. — В кн.: Русские говоры. М., 1975, с. 3—19.
- Голанов, 1914 — *Голанов П. Г.* Заметка о говоре некоторых селений Брянского уезда Брянской и Орловской губ. — Тр. МДК, 1914, вып. 3, с. 154—162.
- Горбачевич, 1978 — *Горбачевич К. С.* Вариантность слова и языковая норма. М., 1978. 238 с.
- Горшкова, 1968 — *Горшкова К. В.* Очерки исторической диалектологии Севериной Русн. М., 1968. 192 с.
- Горшкова, 1972 — *Горшкова К. В.* Историческая диалектология русского языка. М., 1972. 160 с.
- Граве, 1964 — *Граве Л. С.* Словообразующие и формообразующие глагольные приставки в диалектной лексики говора д. Буды Рославльского района Смоленской обл. — Учен. зап. Смол. гос. пед. ин-та, 1964, вып. 13, ч. 1, с. 119—140.
- Грацилевский, 1907 — *Грацилевский А.* Родина М. В. Ломоносова: Областной крестьянский говор. — Сб. ОРЯС, 1907, т. 83, № 5. 304 с.
- Григорьев — *Григорьев А. Д.* Архангельские былины. Т. 1, ч. 1: Поморье; ч. 2: Пинега. М., 1904; Т. 3: Мезень. СПб., 1910.
- Гринкова, 1926 — *Гринкова И. П.* Очерки по русской диалектологии: Говор тудовлин Ржевского уезда. М., 1926, т. 4, с. 303—306.
- Гринкова, 1930 — *Гринкова И. П.* Очерки по русской диалектологии: О русских говорах б. Коротоякского уезда Воронежской губернии. М., 1930, т. 7, с. 557—580. (Изв. ОРЯС; Т. 3. Кн. 2).
- Гринкова, 1947 (1) — *Гринкова И. П.* Воронежские диалекты. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. Н. Герцена, 1947, т. 4. 300 с.
- Гринкова, 1947 (2) — *Гринкова И. П.* К изучению олонедских диалектов. — В кн.: А. А. Шахматов: Сб. статей и материалов / Под ред. С. Н. Обнорского. М.; Л., 1947, с. 365—390.
- Гринкова, 1949 — *Гринкова И. П.* Заметки о калужских говорах. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949, т. 1, с. 237—251.
- Гринченко — *Гринченко В.* Словарь української мови. Київ, 1958—1969, т. 1—4.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 1—4.
- Данилов, 1967 — *Данилов А. А.* Об особенностях ударения глагольных форм русских народных говоров. — Учен. зап. Волог. пед. ин-та, 1967, т. 33, вып. 2, с. 103—138.
- Денисевич, 1963 — *Денисевич Г. В.* Особенности склонения существительных в южновеликорусских говорах, их влияние на речь учащихся. — Учен. зап. Курск. пед. ин-та, 1963, 17, с. 72—99.
- Дерягин, 1961 — *Дерягин В. Я.* О работе над Архангельским областным словарем. — В кн.: Межвуз. конф. по лет. лексикологии, лексикографии и языку писателя. 27 сент. — 6 окт. 1961: Тез. докл. / Под ред. Б. А. Ларина. Л., 1961, с. 50—51.
- Дерягин, 1971 — *Дерягин В. Я.* К вопросу об индивидуальном и традиционном в деловой письменности (на материале важнейших юридических XVII в.). — В кн.: Русский язык: Методички для его изучения. М., 1971, с. 151—188.
- Деул. словарь, 1969 — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Осовецкого. М., 1969. 611 с.
- Дзендзелівський, 1958 — *Дзендзелівський П. О.* Словник специфічної лексики говірок нижнього Подністров'я. — Лексикографічний бюлетень. Київ, 1958, вип. 6, с. 36—54.
- Дилакторский, 1902 — *Дилакторский П. А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902 (Рукоп. Слов. карт. ПРЯЗ, Л., шифр № 35).

- Добровольский, 1891—1903 — *Добровольский В. И.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 1: Зап. РГО по отд. этногр. СПб., 1891, т. 20; Ч. 2: Зап. РГО по отд. этногр. СПб., 1894, т. 23, ч. 1; Ч. 3: Зап. РГО по отд. этногр. СПб., 1894, т. 23, ч. 2; Ч. 4: Зап. РГО по отд. этногр. СПб., 1903, т. 27.
- Добровольский, 1905 — Песни Дмитровского у. Орловской губ., записанные В. И. Добровольским. СПб., 1905. 125 с.
- Добровольский, 1914 — *Добровольский В. И.* Смоленский областной словарь. — Смоленск, 1914. 1022 с.
- Добродомов, 1969 — *Добродомов И. Г.* Из болгарского вклада в славянских языках. 1. — В кн.: Этимологии, 1967. М., 1969, с. 252—270.
- Долгачева, 1961 — *Долгачева И. Г.* Бударинские говоры. — Учен. зап. Волг. ун-та, 1961, вып. 14, с. 83—102.
- Доля, 1963 — *Доля Т. Г.* Употребление частиц в говорах Заонежья. — Учен. зап. Петрозавод. ун-та, 1963, т. 10, вып. 3, с. 111—122.
- Дорошевский, 1973 — *Дорошевский В.* Элементы лексикологии и семантики / Авториз. пер. с польского В. Ф. Коняковой. М., 1973. 286 с.
- Дурново, 1902 — *Дурново И. И.* Мелкие заметки по русскому языку. — ЖМНП, 1902, июнь, ч. СССХLI, с. 257—268.
- Дурново, 1903 — *Дурново И. И.* Диалектологическая карта Калужской губ. — Сб. ОРЯС, СПб., 1903, т. 76, № 1, с. 35.
- Дуров, 1929 — *Дуров П. М.* Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / Под ред. и с доп. Н. Виноградова. Соловки, 1929. 180 с.
- Ельмслев, 1960 — *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1960, вып. 1, с. 264—389.
- Жуковская, 1957 — *Жуковская Л. И.* Типы лексических различий в диалектах русского языка. — ВЛ, 1957, № 3, с. 102—111.
- Жуковская, 1960 — *Жуковская Л. И.* К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в русском языке. — В кн.: Материалы и исслед. по истории русск. языка. М., 1960, с. 59—117.
- Журавлев, 1962 — *Журавлев В. К.* К фонологической интерпретации так называемого закона открытого слога. — В кн.: Тезисы доповідей V міжвуз. конф. 1962 р. Ужгород, 1962, с. 16—18.
- Журавлев, 1969 — *Журавлев В. К.* О внутренних причинах появления фонетических дублетов. — В кн.: Этимологии. 1967. М., 1969, с. 110—118.
- Жыдовіч, 1970 — Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / Над рэд. М. А. Жыдовіч. Мінск, 1970. 171 с.
- Зайцева, 1961 — *Зайцева И. К.* Некоторые фонетические особенности языка русской народной песни. — Тр. Воронеж. гос. ун-та, 1961, т. 63, с. 131—152.
- Захарова, 1959 — *Захарова К. Ф.* Арханские типы диссимиллятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии: Новая серия. М., 1959, т. 1, с. 6—55.
- Здобнова, 1959 — *Здобнова З. И.* Говоры западной части центральной Удмуртии в их отношении к соседним говорам. — В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка педагогических институтов Поволжья (6—9 мая 1957 г.). Саратов, 1959, с. 296—322.
- Зеленин, 1903 — *Зеленин Д. К.* Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. — Сб. ОРЯС, т. 76, № 2, 1903, с. 1—189.
- Зеленин, 1914 — *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива РГО. Пг., 1914—1916, вып. 1—3.
- Зеленин, 1915 — *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Вятской губ. — Зап. РГО по отд. этнографии, Пг., 1915, т. 42, 640 с.
- Зильберт, 1973 — *Зильберт В. А.* О причинах появления фономорфологических вариантов суффикса *-ство (-ество)* после падения редуцированных. — В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1973, с. 131—140.
- Зиндер, Строева, 1965 — *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Историческая фонетика немецкого языка. М.; Л., 1965. 192 с.

- Иванов, 1961 — *Иванов В. В.* Краткий очерк исторической фонетики русского языка. 2-е изд. М., 1961. 119 с.
- Иванов, 1964 — *Иванов В. В.* К вопросу о функциональной нагрузке согласных в древнерусском языке X — начала XI в.: (Противопоставленность согласных перед гласными). — Вестн. МГУ. Сер. филология, журналистика, 1964, № 5, с. 41—54.
- Иванов, 1978 — *Иванов В. В.* К истории глухих - - звонких шумных согласных в древнерусском языке (падение редуцированных и синтагматика согласных). — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, с. 15—21.
- Иванова А. П., 1964 — *Иванова А. П.* О принципах составления Смоленского областного словаря (отбор слов, состав словника). — Учен. зап. Смол. пед. ин-та, 1964, вып. 13, ч. 1, с. 103—118.
- Иванова, 1962 — *Иванова А. Ф.* Некоторые вопросы практики составления областных словарей. — Тр. 1-й науч.-метод. конф. Моск. зонального межуз. объединения кафедр рус. яз. пед. ин-тов / Под общ. ред. Н. В. Устинова. М., 1962, с. 237—241.
- Иванова, 1963 — *Иванова А. Ф.* К вопросу об отборе материала для словаря Московской области. — Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1963 т. 138, с. 225—239. (Тр. каф. рус. яз.; Вып. 8).
- Ист. грам. укр. мови, 1962 — *Безпалько О. П., Бойчук М. К., Жовтобрюх М. А., Самійленко С. П., Тараненко І. П.* Історична граматика української мови. Київ, 1962. 510 с.
- Кардашевский, 1956 — *Кардашевский С. М.* Курско-орловский словарь. Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1956, т. 35, с. 161—268.
- Каринский, 1909 — *Каринский П. Я.* Язык великого Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909. 207 с.
- Каринский, 1889 — *Каринский М.* Западно-русская четья 1489 г. — РФВ, Варшава, 1889, т. 21, с. 59—107.
- Карнов, 1855 — *Карнов П. П.* Краткий очерк простонародных слов, преимущественно Новоржевского, Опочецкого, Островского, Порховского и Псковского уездов Псковской губернии и Осташковского Тверской. 1855. — Рукоп. отдел Б-ки АН СССР, шифр 17.10.16.
- Карский, 1924 — *Карский Е. Ф.* Русская диалектология. Л., 1924. 172 с.
- Карский, 1965 — *Карский Е. Ф.* Белорусы. М., 1965, вып. 1. 476 с.
- Касаткин, 1967 — *Касаткин Л. Л.* О фонеме [ʃ] в севернорусских говорах в связи с историей произношения [j] в имени Ольга (Ольга). — В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967, с. 177—194.
- Касаткин, 1977 — *Касаткин Л. Л.* Разновидности фонетических генеризмов в русских диалектах. — В кн.: Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1977, с. 14—16.
- Киреевский — Песни, собранные Н. В. Киреевским. 2-е изд. М., 1868—1874, вып. 1—10.
- Кирсанова, 1959 — *Кирсанова Е. П.* Губные сиранты в ливенских говорах. — В кн.: Материалы совещания по изуч. южнорусских говоров и памятников письменности. Воронеж, 1959, с. 9—12.
- Князевская, 1962 — *Князевская О. А.* О произношении гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных в некоторых говорах Новгородской области. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии: Нов. сер. М., 1962, т. 3, с. 148—155.
- Ковалева, 1962 — *Ковалева Е. Ф.* Образование в древнерусском языке отглагольных существительных с суффиксами «ба» и «тва». — Учен. зап. Киншин. ун-та, 1962, т. 47, вып. 1, с. 53—58.
- Козырев, 1961 — *Козырев П. С.* О некоторых трудностях и недочетах в работе по составлению областных словарей. — Тр. 1-й науч.-метод. конф. Моск. зонального межуз. объединения кафедр рус. яз. пед. ин-тов. М., 1961, с. 218—225.
- Колесов, 1961 — *Колесов В. В.* Новый ʒ в рукописях новгородского происхождения. — Вестн. Ленингр. гос. ун-та, 1961, № 14. Сер. истор. яз. и лит., вып. 3, с. 130—141.

- Колесов, 1962 (1) — *Колесов В. В.* К исторической фонетике новгородских говоров: Автореф. канд. дис. Л., 1962. 28 с.
- Колесов, 1962 (2) — *Колесов В. В.* [ô] (о закрытое) в древненовгородском говоре. — Учен. зап. Лeningr. гос. ун-та, 1962, № 302, вып. 61, с. 149—161.
- Колесов, 1963 (1) — *Колесов В. В.* Развитие второго полногласия в русских северо-западных говорах. — Там же, 1963, № 322, вып. 68, с. 148—159.
- Колесов, 1963 (2) — *Колесов В. В.* Северновеликорусские чередования согласных, парных по глухости — звонкости. — Вестн. Лeningr. гос. ун-та, 1963, № 2. Сер. истор. яз. и лит., вып. 1, с. 103—112.
- Колесов, 1966 — *Колесов В. В.* Диалектологические экзекдизмы в Заонежье. — Там же, 1966, № 8, вып. 8, с. 157—158.
- Колесов, 1970 — *Колесов В. В.* Функциональная система вокализма в традиционных северновеликорусских говорах. — В кн.: Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности: Материалы к межвуз. науч. конф. Череповец, 1970, с. 14—19.
- Колесов, 1973 — *Колесов В. В.* К характеристике исходной палатальности согласных в древненовгородском говоре. — В кн.: Псковские говоры. Псков, 1973, с. 5—14.
- Колесов, 1975 — *Колесов В. В.* Фонетические условия заонежского «яканья». — В кн.: Русские говоры. М., 1975, с. 53—58.
- Колесов, 1978 — *Колесов В. В.* Фонологические изменения согласных в эпоху распада слога (о диахроническом взаимодействии синтагматической и парадигматической системы фонем). — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, с. 22—29.
- Колосов, 1876 — *Колосов М. А.* Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. СПб., 1876. 207 с.
- Комшилова, 1959 — *Комшилова Е. А.* Итоги диалектологических экзекдизмов Моск. гос. ин-та им. В. И. Ленина в 1957 и 1958 гг. — Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та, 1959, т. 134, вып. 9, с. 249—268.
- Комшилова, 1962 — *Комшилова Е. А.* К вопросу о составлении региональных словарей (Словарь народных говоров Моск. обл.). — В кн.: Тр. 1-й науч.-метод. конф. Моск. зонального межвуз. объединения кафедр рус. яз. пед. ин-тов / Под общ. ред. И. В. Устинова. М., 1962, с. 197—201.
- Конорский, 1946 — *Конорский С. А.* Арханские говоры Останковского района Калининской области. Учен. зап. Калинин. пед. ин-та, 1946, т. 10, вып. 3, с. 5—162.
- Конорский, 1949 — *Конорский С. А.* Цоканье в Калининской области. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949, т. 3, с. 152—232.
- Конорский, 1961 — *Конорский С. А.* Об областной лексики (в связи с публикацией материалов для областных словарей в «Ученых записках» педагогических институтов и университетов). — Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. филол., журналистика, М., 1961, № 5, с. 46—60.
- Корань, 1975 — *Корань Н. Д.* Диалекта дьялектнаго слоўніка. — В кн.: 3 народнага слоўніка. Минск, 1975, с. 154—161.
- Корнев, 1973 — *Корнев А. П.* Явления контаминации в псковских говорах (возникновение глагола борзудить). — В кн.: Псковские говоры. Псков, 1973, с. 233—245.
- Коструба, 1963 — *Коструба П.* Фонетика сучасної української літературної мови. Львів, 1963, ч. 1. 100 с.
- Котков, 1952 — *Котков С. П.* К изучению орловских говоров. — Учен. зап. Орл. пед. ин-та, 1952, т. 7, вып. 3, с. 20—29.
- Котков, 1962 (1) — *Котков С. П.* Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников. — В кн.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962, с. 34—49.
- Котков, 1962 (2) — *Котков С. П.* Некоторые вопросы изучения южновеликорусского наречия в его истории. — Учен. зап. Орл. пед. ин-та, 1962, т. 21, вып. 6, с. 107—114.

- Котков, 1963 — *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии: (Фонетика и морфология). М., 1963. 235 с.
- Котков, 1970 — *Котков С. И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности. XVI—XVIII вв. М., 1970. 316 с.
- Крывицкі, 1975 — *Крывицкі А. А.* У слоўнік Мендэлаўшчыны. — В кн.: 3 народнага слоўніка. Мінск, 1975, с. 119—134.
- Кузнецов П. Д., 1915 — *Кузнецов П. Д.* Рыбпромышленный словарь Псковского водоема: По материалам, собранным участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912—1913 года. Пг., 1915. 159 с.
- Кузнецов, 1948 — *Кузнецов П. С.* К исторической фонетике ростово-суздальских говоров. — В кн.: Доклады Института русского языка. М.; Л., 1948, вып. 2, с. 130—158.
- Кузнецов, 1949 (1) — *Кузнецов П. С.* О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949, т. 1, с. 5—44.
- Кузнецов, 1949 (2) — *Кузнецов П. С.* Очерк морфологической системы пильмассозерского говора. — Там же, т. 2, с. 72—127.
- Кузнецов, 1951 — *Кузнецов П. С.* Русская диалектология. М., 1951. 142 с.
- Кузнецова А. М., 1975 — *Кузнецова А. М.* О гиперкорректных формах в области pronunciation согласных в русских говорах. — В кн.: Русские говоры. М., 1975, с. 139—145.
- Кузнецова, 1966 (1) — *Кузнецова О. Д.* Глаголы с суффиксом *-апу- (-оу-)* в говорах русского языка. — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.; Л., 1966, с. 35—61.
- Кузнецова, 1966 (2) — *Кузнецова О. Д.* Рецензия. — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.; Л., 1966, с. 215—222.
- Кузнецова, 1968 — *Кузнецова О. Д.* Глаголы с приставкой *уа-* в говорах русского языка. — В кн.: Слово в говорах русского языка. Л., 1968, с. 143—160.
- Кузнецова, 1969 — *Кузнецова О. Д.* О некоторых случаях лексикализации в говорах русского языка. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. — Тез. докл. Новосибирск, 1969, вып. 2, ч. 2, с. 32—34.
- Кузнецова, 1970 — *Кузнецова О. Д.* Случаи лексикализации в говорах русского языка. — В кн.: Краткие очерки по русск. языку. Курск, 1970, с. 203—240. (Учен. зап. Курск. пед. ин-та; Вып. 3).
- Кузнецова, 1971 (1) — *Кузнецова О. Д.* О некоторых трудностях отбора слов в диалектный дифференциальный словарь. — В кн.: Диалектная лексика. 1969. Л., 1971, с. 21—26.
- Кузнецова, 1971 (2) — *Кузнецова О. Д.* Слова с отпадением начальных гласных *а* и *о* в говорах русского языка. — Там же, с. 49—60.
- Кузнецова, 1972 — *Кузнецова О. Д.* Два случая лексикализации в говорах русского языка. — В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров: Диалектная лексика. 1971. Л., 1972, с. 68—77.
- Кузнецова, 1975 (1) — *Кузнецова О. Д.* Слова с протетическим *ј* в говорах русского языка. — ВЯ, 1975, № 5, с. 87—92.
- Кузнецова, 1975 (2) — *Кузнецова О. Д.* Учебка — учение. — Русская речь, 1975, № 5, с. 113—117.
- Кузнецова, 1976 (1) — *Кузнецова О. Д.* Слова с протезой *ј* (на материалах южнорусских говоров). — В кн.: Диалектная лексика. 1974. Л., 1976, с. 70—81.
- Кузнецова, 1976 (2) — *Кузнецова О. Д.* Слова с протетическим *ј* на Севере. — Там же, с. 82—98.
- Кузнецова, 1977 — *Кузнецова О. Д.* О причинах лексикализации в говорах. — ВЯ, 1977, № 4, с. 109—114.
- Кузнецова, 1978 (1) — *Кузнецова О. Д.* О понятии лексикализация: Лексикализация фонетических явлений в говорах. — ВЯ, 1978, № 2, с. 111—117.
- Кузнецова, 1978 (2) — *Кузнецова О. Д.* О севернорусских словах *жалезо, жани-тъя, жалать*. — В кн.: Диалектная лексика. 1975. Л., 1978, с. 76—93.
- Кузнецова, 1978 (3) — *Кузнецова О. Д.* *Залезо, землуг* в говорах русского языка. — Там же, с. 94—101.
- Куликовский, 1898 — *Куликовский Л. П.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. 162 с.

- Кустарева, 1950 — *Кустарева М. А.* Материалы к изучению говоров Смоленщины. — В кн.: Филол. сб. Смол. обл. краев. науч.-исслед. ин-та. Смоленск, 1950, с. 149—184.
- Лавровский, 1852 — *Лавровский П. А.* О языке северных русских летонисей. СПб., 1852. 163 с.
- Лекомцева, Толстая, 1968 — *Лекомцева П. И. Толстая С. М.* Фонологический комментарий к полесским диалектам. — В кн.: Полесье. М., 1968, с. 47—66.
- Лексика Палесся — *Лексика Палесся ў прасторы і часе* / Рэд. В. У. Мартынаў. Мінск, 1971. 213 с.
- Липовская, 1975 — *Липовская Н. А.* Губные спиранты на территории северо-восточной диалектной зоны. — В кн.: Русские говоры. М., 1975, с. 105—115.
- Лисенко, 1958 — *Лисенко П. С.* Словник специфічної лексики правобережної Черкащини. — Лексикографічний бюлетень. Київ, 1958, вип. 6, с. 5—21.
- Лисенкова, 1962 — *Лисенкова Д. Т.* Основные особенности вокализма в русском говоре села Трусеево Усть-Цилемского района Коми АССР. — Учен. зап. Кomi гос. пед. ин-та, 1962, вып. 10, с. 55—68.
- Лисенко, 1965 — *Лисенко А. С.* Словарь диалектной лексики Северной Житомирщины. — В кн.: Славянская лексикография и лексикология. М., 1965, с. 5—60.
- Маковский, 1972 — *Маковский М. М. Meritt.* Some of the hardest glosses in old English. Stanford (California), 1969. — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, с. 387—392.
- Маковский, 1977 — *Маковский М. М.* Соотношение необходимости и свободы в лексико-семантических преобразованиях. — ВЯ, 1977, № 3, с. 55—72.
- Маковский, 1978 — *Маковский М. М.* Текстология и лексико-семантические исследования. — ВЯ, 1978, № 3, с. 92—109.
- Максимов, 1859 — *Максимова С.* Год на Севере. СПб., 1859. 700 с.
- Мальцев, 1941 — *Мальцев М. Д.* Заметки по вопросу об образовании современных междialeктных койн. — В кн.: Диалектологический сборник / Под ред. А. С. Ягодинского. Вологда, 1941, вып. 2, ч. 2, с. 163—199.
- Манасикова, 1973 — *Манасикова А. Ф.* Лексика русских говоров Белоруссии. Минск, 1973. 183 с.
- Мансикка, 1912 — *Мансикка В.* О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии. — Изв. ОРИС, 1912, т. 17, кн. 2, с. 86—144.
- Мансикка, 1914 — *Мансикка В.* Говор Гризовецкого уезда Вологодской губернии. — Тр. МДК, Варшава, 1914, вып. 3, с. 71—79.
- Мансикка, 1915 (1) — *Мансикка В.* Заметки о говоре Никольского уезда. — Изв. ОРИС, 1915, т. 19, кн. 4, с. 201—216.
- Мансикка, 1915 (2) — *Мансикка В.* О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. — Изв. ОРИС, 1915, т. 19, кн. 4, с. 143—173.
- Марейчева, 1971 — *Марейчева Э. В.* Морфологические способы образования глаголов в говорах западной зоны Курской области: Дис. . . канд. филол. наук. Курск, 1971.
- Марецкая, 1953 — *Марецкая А. Ф.* Говор Старорусского района Новгородской области: Дис. . . канд. филол. наук. Л., 1963.
- Марков, 1901 — *Марков А.* Беломорские былины. М., 1901. 618 с.
- Мартине, 1960 — *Мартине А.* Принципы экономии в фонетических изменениях. М., 1960. 261 с.
- Марузо, 1960 — *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов / Рус. пер. под ред. А. А. Реформатского. М., 1960. 436 с.
- Маслов, 1948 — *Маслов Ю. С.* Впд и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. — Изв. ОЛН АН СССР, 1948, т. 7, вып. 4, с. 303—316.
- Матезиус, 1967 — *Матезиус В.* О потенциальности языковых явлений. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 42—69.
- Матер. для изуч. великорус. говоров — Материалы для изучения великорусских говоров / Сост. Д. Зеленин и А. Шахматов. Вып. 1: Изв.

- ОРЯС, 1896, т. 1, кн. 2, с. 335—354; Вып. 2: Изв. ОРЯС, кн. 3, с. 549—573; Вып. 3: Изв. ОРЯС, кн. 4, с. 952—1004; Вып. 4: Изв. ОРЯС, 1897, т. 2, кн. 1, с. 232—279; Вып. 5: Изв. ОРЯС, 1898, т. 3, кн. 1—2, с. 1—48, 49—129; Вып. 6: Изв. ОРЯС, 1899, т. 4, кн. 1, с. 1—17; Вып. 7: Изв. ОРЯС, 1900, т. 5, кн. 2, с. 1—21; Вып. 8: Сб. ОРЯС, 1903, т. 73, № 5, с. 1—245; Вып. 9: Сб. ОРЯС, 1910, т. 87, № 5, с. 1—272; Вып. 10: Сб. ОРЯС, Изд., 1921, т. 99, № 2, с. 1—86; Вып. 11: Сб. ОРЯС, Изд., 1922, т. 99, № 3, с. 1—133.
- Матер. для науч. говора и быта Мещов. у. Материалы для изучения говора и быта Мещовского уезда, сообщил В. Чернышев. — Сб. ОРЯС, 1901, т. 70, № 7, 216 с.
- Machek, 1954 — *Machek Václav*. Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954. 367 s.
- Machek, 1957 — *Machek Václav*. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957. 627 s.
- Машкин, 1882 — *Машкин А. С.* Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда. — В кн.: Этногр. сб. СПб., 1882, вып. 5, с. 1—119.
- Машкин, 1902 — *Машкин А. С.* Свадебные и хоровые песни, собранные в г. Обояни и его уезде. В кн.: Курский сборник. Курск, 1902, вып. 3, с. 1—69.
- Машкин, 1903 — *Машкин А. С.* Сказки Обоянского уезда. В кн.: — Курский сборник. Курск, 1903, вып. 4. 115 с.
- Мейе, 1954 — *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. 100 с.
- Мельниченко, 1956 — *Мельниченко Г. Г.* О «Материалах для словаря народного языка в Ярославской губернии». Е. Якушкина (1896 г.). — В кн.: Краевед. зап. Яросл. обл. краевед. музея, 1956, вып. 1, с. 189—249.
- Мельниченко, 1957 — *Мельниченко Г. Г.* О принципах составления областных словарей. Ярославль, 1957. 143 с.
- Мельниченко, 1961 — *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820—1956 гг.). Ярославль, 1961. 224 с.
- Мельниченко, 1970 — *Мельниченко Г. Г.* Некоторые вопросы региональной лексикологии и лексикографии. — В кн.: Вопросы русского языка. Ярославль, 1970, вып. 1, с. 22—55.
- Меркурьев, 1962 — *Меркурьев Н. С.* Мурманский говор (консонантизм). Мурманск, 1962. 58 с.
- Меч, Россия — Россия: Географический сборник / Сост. С. П. Меч. М., 1912. 406 с.
- Миртов, 1929 — *Миртов А. В.* Донской словарь. Ростов н/Д, 1929. 415 с.
- Мокиенко, 1973 — *Мокиенко В. М.* К вопросу о лексической контаминации в русских говорах. — В кн.: Псковские говоры. Псков, 1973, с. 223—232.
- Мораховская, 1960 — *Мораховская О. Н.* Выступление на дискуссии «Соотношение синхронного анализа и исторического изучения языков». — В кн.: О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960, с. 92—94.
- Пазарова, 1977 — *Пазарова Т. В.* О полесских консонантных ареалах. — В кн.: Сопоставление по общеславянскому лингвистическому Атласу: Тез. докл. М., 1977, с. 3—6.
- Парысы на беларус. дыялекталогіі — Парысы на беларускай дыялекталогіі / Пад рэд. Р. І Авапсэва. Мінск, 1964. 415 с.
- Парысы на гісторыі беларус. мовы — Парысы на гісторыі беларускай мовы. Мінск, 1957. 450 с.
- Печасев, 1912 — Материалы, собранные А. Д. Печасевым летом 1912 г. Варш. унив. изв., 1914, кн. 9, с. 119—121.
- Никифоров, 1961 — *Никифоров А. П.* Севернорусские сказки в записях А. П. Никифорова. М.; Л., 1961. 386 с.
- Новопокровская, 1968 — *Новопокровская В. П.* Об отпадении гласных в начале слова. — В кн.: Программа и краткое содержание докладов к X науч.-метод. конф. сев.-зап. зонального объединения кафедр рус. яз. пед. ин-тов. Л., 1968, т. 2, с. 100—104.

- Носович, 1870 — *Носович Н. П.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870. 756 с.
- Haudricourt, Juilland, 1949 — *Haudricourt A. G., Juilland A. G.* Essai pour une histoire structurale du phonétisme français. Paris. 1949. 147 p.
- О соотнош. слухр. анализа, 1960 — О соотношении слухового анализа и исторического изучения языков. М., 1960. 159 с.
- Образов. севернорус. нар. и среднерус. говоров — *Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Соллогуб А. И., Строганова Т. Ю.* Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. 166 с.
- Ожегов, 1975 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 11-е изд. М., 1975. 847 с.
- Оичуков, Печорские былины — *Оичуков П. Е.* Печорские былины. СПб., 1904. 424 с. (Зап. РГО по Отд. этногр.; Т. 30).
- Оичуков, Сев. сказки — *Оичуков П. Е.* Северные сказки. СПб., 1908. 646 с. (Зап. РГО по Отд. этногр.; Т. 33).
- Опыт, 1852 — Опыт областного великорусского словаря, изданный вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.
- Ордин, 1877 — *Ордин П. Г.* Хороводные и плясовые игры с песнями, употребляемые в Сольвычегодском уезде. 1877. — Архив РГО, VII, 56.
- Ордин, 1883 — *Ордин П. Г.* Песни, прибаутки, скороговорки, загадки и местные слова, записанные в Сольвычегодске, 1883. — Архив РГО, VII, 53.
- Орлова, 1950 — *Орлова В. Г.* Губные слитанты в русском языке. — Тр. ИРЯЗ, 1950, т. 2, с. 167—210.
- Орлова, 1955 — *Орлова В. Г.* Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных. — ВЯ, 1955, № 6, с. 3—18.
- Орлова, 1961 (1) — *Орлова В. Г.* Развитие русской диалектологии в советский период. — В кн.: История русской диалектологии. М., 1961, с. 61—97.
- Орлова, 1961 (2) — *Орлова В. Г.* Русско-белорусские отношения по данным диалектологических атласов. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии: Нов. сер., вып. 2, 1961, с. 3—14.
- Оссовецкий, 1961 — *Оссовецкий И. А.* Начальные этапы развития русской диалектологии. — В кн.: История русской диалектологии. М., 1961, с. 7—29.
- Оссовецкий, 1962 — *Ожегов С. И., Оссовецкий И. А., Панов М. В.* Русский язык и советское общество: Проспект / Отв. ред. С. К. Кенесбаев. Алма-Ата, 1962. 119 с.
- Палагина, 1957 — *Палагина В. В.* Словарь старожильческих говоров Томской области. — В кн.: Докл. VII науч. конф. Том. ун-та, посв. 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. 1957, вып. 1, с. 137—138.
- Палагина, 1960 — *Палагина В. В.* О составлении словаря сибирских говоров. — В кн.: Пятая науч. конф. Том. ун-та, посв. 350-летию г. Томска. Секц. языкозн. Томск, 1960, с. 7—22. (Тр. Том. ун-та; Т. 138).
- Палагина, 1966 — *Палагина В. В.* Словарь некоторых шюязычных слов в говорах средней части бассейна р. Оби. — В кн.: Вопросы языкознания и сиб. диалектологии. Томск, 1966, вып. 1, с. 34—40. (Учен. зап. Том. ун-та; № 57).
- Паникаровская, 1958 — *Паникаровская Т. Г.* Фонетическое описание говора д. Парфенки Понопетровского р-на Моск. обл. — Учен. зап. Волог. пед. ин-та, 1958, т. 22, с. 369—410.
- Паникаровская, 1964 — *Паникаровская Т. Г.* О некоторых архаических явлениях в звуковой системе вологодских говоров. — Там же, 1964, т. 28, с. 135—147.
- Паникаровская, 1967 — *Паникаровская Т. Г.* Изменения в области фонетики в говоре деревни Парфенки Московской области в советский период. — В кн.: Вопросы теории и методики русского языка. Вологда, 1967, т. 33, вып. 2, с. 139—155.
- Паникаровская, 1970 — *Паникаровская Т. Г.* Архаические формы в вологодских народных говорах. — В кн.: Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности: Матер. к межвуз. конф. Череповец, 1970, с. 56—59.

- Панфилов, 1975 — *Панфилов В. З.* Отражение действительности в языке и проблема языкового знака. — ВЯ, 1975, № 3, с. 31—36.
- Пауль, 1960 — *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960. 500 с.
- Пеньковский, 1958 — *Пеньковский А. Б.* Ассимилятивные изменения согласных по твердости-мягкости в говорах западной брянщины. — Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена, 1958, т. 173, с. 237—255.
- Пеньковский, 1959 — *Пеньковский А. Б.* Об одном ассимилятивном изменении гласных в говорах западной брянщины. — Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена, 1959, т. 202, с. 137—152.
- Перенеска Шахматова — *Перенеска А. А.* Шахматова с акад. П. В. Ягичем (1881—1894). — В кн.: А. А. Шахматов. М.; Л., 1947, с. 13—104.
- Петрухин, 1968 — *Петрухин В. П.* Введение в языковедение. Белгород, 1968. 359 с.
- Песни Печоры, 1963 — *Песни Печоры (тексты)* / Под ред. П. П. Колпаковой. М.; Л., 1963. 459 с.
- Пирогова, 1959 — *Пирогова Л. П.* Описание говора шести пунктов Холмогорского района Архангельской области. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1959, с. 179—226.
- Подвысоцкий, 1885 — *Подвысоцкий А. П.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 198 с.
- Пожарицкая, 1959 — *Пожарицкая С. К.* К вокализму первого предударного слога после мягких согласных. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии: Новая серия. М., 1959, т. 1, с. 119—131.
- Пожарицкая, 1964 — *Пожарицкая С. К.* Проблема изменения *e* в *o* в северновеликорусском наречии в свете данных лингвистической географии. — В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964, с. 87—101.
- Поржезинский, 1920 — *Поржезинский В.* Краткое пособие к лекциям по исторической грамматике русского языка. М., 1920. 152 с.
- Потебня, 1866 — *Потебня А.* Два исследования о звуках русского языка. Воронеж, 1866. 156 с.
- Прач, 1960 — *Прач С.* З лексікі вёсак Нарыцкага раёна: Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы / Над рэд. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960, с. 161—172.
- Преображенский, 1958 — *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1958. 416 с. (144 с.)
- Прибалт. словарь, 1963 — *Пемченко В. П., Ситица А. П., Мурикова Т. Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963. 362 с.
- ПОС — Нековский областной словарь с историческими данными. Л., 1967, вып. 1; Л., 1973, вып. 2; Л., 1976, вып. 3.
- Ралавец, 1960 — *Ралавец М.* З лексікі вёскі Пустасялле. — В кн.: Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы / Над рэд. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960, с. 65—82.
- Расторгуев, 1960 — *Расторгуев П. А.* Говоры на территории Смоленщины. М., 1960. 207 с.
- Расторгуев, 1973 — *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров западной брянщины. Минск, 1973. 294 с.
- Резанов, 1897 — *Резанов В.* К диалектологии великорусских наречий: Особенности живого народного говора Обоинского уезда Курской губернии. — РФВ, № 3. 1897, т. 38, с. 82—151.
- Резанова, 1902 — *Резанова Е. П.* Этнографические материалы д. Саломыково Обоинского уезда. — В кн.: Курский сборник. Курск, 1902, вып. 3.
- Резанова, 1912 — *Резанова Е. П.* Наблюдения над говором крестьян деревень Масловки и Хитровки Суджанского уезда Курской губернии. — Изв. ОРЯС, 1912, т. 16, кн. 1—2, с. 215—263.
- Реформатский, 1960 — *Реформатский А. А.* Принципы синхронного описания языка. В кн.: О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960, с. 22—38; с. 122—126.
- Реформатский, 1967 — *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1967. 542 с.

- Родионова—Нащокина, 1975 — *Родионова-Нащокина А. М.* Об особенностях фонетики говоров Брянской области. — В кн.: Брянские говоры. Л., 1975, вып. 3, с. 3—12.
- Родионова-Нащокина, 1976 — *Родионова-Нащокина А. М.* Задания и тексты к практическим занятиям по диалектологии. Л., 1976.
- Розов, 1907 — *Розов В.* Значение грамот XIV и XV столетия для истории малорусского языка. Киев, 1907. 25 с.
- Романова, 1974—1978 — *Романова Н. А.* Материалы для словаря говора с. Ваганово Галичского района Костромской области (в карточках), 1974—1978.
- Романовская, 1972 — *Романовская Г. А.* Суффиксальное словообразование имен существительных в говорах Тотемского района Вологодской области: Дис. . . . канд. филол. наук. М., 1972.
- Русск. диалект., 1965 — *Русская диалектология* / Под ред. Р. Н. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1965. 304 с.
- Русск. диалект., 1972 — *Русская диалектология* / Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972. 301 с.
- Русск. диалект., 1973 — *Русская диалектология* / Под ред. Н. С. Кузнецова. М., 1973. 279 с.
- Рыбников — Песни, собранные Н. Н. Рыбниковым. М. в др., 1861—1867, ч. 1—4.
- Сабанеев, 1923 — *Сабанеев Л.* Музыка речи: Эстетическое исследование. М., 1923. 192 с.
- Савченко, 1972 — *Савченко А. А.* Язык и система знаков. — ВЯ, 1972, № 6, с. 21—32.
- Самойлова, 1959 — *Самойлова Н. Д.* О фонетических особенностях говора Опарицкого района Кировской области. — Учен. зап. МГПИИ им. В. Н. Ленина, 1959, т. 134, вып. 9, с. 303—316.
- Селищев, 1921 — *Селищев А. М.* Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, вып. 1. 294 с.
- Сердюкова, 1969 — *Сердюкова О. К.* Лексикализованные фонетические варианты общенародных слов в донских и в говорах казаков-некрасовцев. — В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. IV. Воронеж, 1969, с. 156—162. (Тр. Воронеж. гос. ун-та; Т. 63).
- Сидоров, 1949 — *Сидоров В. И.* Наблюдения над одним из говоров рязанской мещеры. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949, т. 1, с. 93—134.
- Симпиа, 1963 — *Симпиа Г. Я.* Говор Иншежья. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1963, № 322. Сер. филол. наук, вып. 68, с. 171—184.
- Симпиа, 1970 — *Симпиа Г. Я.* Иншежье: Очерки по морфологии иншежского говора. Л., 1970. 130 с.
- Симпиа, 1976 — *Симпиа Г. Я.* Иншежский говор: Материалы по русской диалектологии. Калининград, 1976. 172 с.
- Сімович, 1919 — *Сімович В.* Грамматика української мови. Київ; Ляйпциг, 1919. 584 с.
- Сиротинкина, 1952 — *Сиротинкина О. В.* Фонетическая система говоров восточной половины Духовницкого р-на Саратовской обл. — Учен. зап. Сарат. ун-та, 1952, т. 32, вып. 1, с. 23—62.
- Скобликова, 1955 — *Скобликова Е. С.* Географическое распространение диалектных форм личных местоимений. — Учен. зап. Куйбышев. пед. ин-та, 1955, вып. 13, с. 263—274.
- Скобликова, 1965 — *Скобликова Е. С.* К вопросу об особенностях безударного вокализма владимиро-поволжских говоров. — В кн.: Тр. V—VI конференций кафедр русского языка пед. ин-тов Среднего и Нижнего Поволжья: Вопросы русской диалектологии. Куйбышев, 1965, с. 72—88.
- Скуратова, 1962 — *Скуратова Н. И.* Некоторые особенности в склонении местоимений заонежского говора. — В кн.: Лингвистический сб. Петрозаводск, 1962, вып. 1, с. 46—53.
- Скуратова, 1963 — *Скуратова Н. И.* Некоторые особенности глагольной системы говоров Заонежья Карельской АССР. — Учен. зап. Петрозав. ун-та, 1963, т. 10, вып. 3, с. 66—74.

- Словарь Акад., 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1847, т. 1—3.
- Слов. Акад. Рос. — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1805—1822, ч. 1—6.
- Словарь брян. говоров — Словарь брянских говоров / Под ред. В. П. Чагишевой. Л., 1976—1983, вып. 1—3.
- Словарь рус. говоров Ср. Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964—1971, т. 1—3.
- Сл. РЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1978, вып. 1—5.
- Словарь смол. говоров — Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974—1982, вып. 1—3.
- Словарь укр. мовн. — Словарь української мови / Под ред. Б. Д. Гринченко. Київ, 1958, т. 1—3; Київ, 1969, т. 4.
- Slownik języka pol. — Slownik języka polskiego, red. naczelny Witold Doroszewski. Warszawa, 1963, IV.
- Словник укр. мови — Словник української мови. Київ, 1970—1980, т. 1—11.
- Смирницкий, 1952 — *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове: (Проблема «отдельности слова»). — В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1952, с. 182—203.
- Смирницкий, 1954 (1) — *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове: (Проблема «тождества слова») — Тр. Института языкознания АН СССР, 1954, № 4, с. 3—49.
- Смирницкий, 1954 (2) — *Смирницкий А. И.* По поводу конвергенции в английском языке. — Ин. яз. в школе, 1954, № 3, с. 12—24.
- Смирнов, 1917 — *Смирнов А. М.* Сборник великорусских сказок Архива РГО. Пг., 1917. 991 с.
- Смирнов, 1902 — *Смирнов И. Т.* Кашинский словарь. — ОРЯС, 1902, т. 70, № 5, с. 1—212.
- Соболевский, 1901 — *Соболевский А. И.* Из истории русского языка. — ЖМНП, 1901, окт. ч. CCCXXVII, с. 396—409.
- Соболевский, 1884 — *Соболевский А. И.* Очерки из истории русского языка. Киев, 1884, ч. 1. 157 с.
- Соболевский, 1897, 1911 — *Соболевский А. И.* Опыт русской диалектологии. СПб., 1897; Киев, 1911. 168 (93 с.).
- Соболевский, 1907 — *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907. 309 с.
- Соколов, 1909 — *Соколов И. И.* Поездка в Тихвинский уезд Новгородской губ. (21 августа—5 сентября). — РВБ, 1909, т. 62, № 3—4, с. 277—298.
- Соколов, 1914 — *Соколов И. И.* Народные говоры Новгородской губ. в связи с вопросом о составе и границах северновеликорусского наречия. — Тр. МДК, Варшава, 1913, вып. 3, с. 95—111.
- Соколовы, 1910 — *Соколовы В. и Ю.* Говор южной части Белозерского уезда Новгородской губернии. — Тр. МДК, Варшава, 1910, вып. 2, с. 51—67.
- Соколовы, 1915 — *Соколовы В. и Ю.* Сказки и песни Белозерского края. М., 1915. 333 с.
- Сороколетов, 1966 (1) — *Сороколетов Ф. И.* Еще раз о характере областного словаря. — Филол. науки, 1966, № 4, с. 140—145.
- Сороколетов, 1966 (2) — *Сороколетов Ф. И.* О теоретических установках одного областного словаря. — В кн.: Современная русская лексикология, 1966, с. 64—73.
- Сороколетов, 1968 — *Сороколетов Ф. И.* Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка. — В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 222—236.
- Сороколетов, 1978 (1) — *Сороколетов Ф. И.* Диалектная лексика как система. — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, с. 84—90.
- Сороколетов, 1978 (2) — *Сороколетов Ф. И.* К вопросу о системных отношениях в лексике русских народных говоров. — В кн.: Диалектная лексика. 1975. Л., 1978, с. 14—24.

- Соцкова 1964 — *Соцкова О. А.* Говоры Мышкинского Поволжья. Дис. . . канд. филол. наук. Ярославль, 1964.
- Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893—1912, т. 1—3.
- Степанавичюс, 1975 — *Степанавичюс А.* Языковое изменение и проблемы диахронической фонологии (II). — *Kaibotys*, 1975, 26, с. 215—244.
- Сцяцко, 1970 — *Сцяцко П. В.* Диялекты слоўнік. Мінск, 1970. 183 с.
- Сцяшкови́ч, 1972 — *Сцяшкови́ч Т. Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972. 618 с.
- Тез. пражск. лингв. кружка, 1967 — Тезисы Пражского лингвистического кружка. В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 17—41.
- Тимофеев, 1966 — *Тимофеев К. А.* О функциях глагольной приставки *по-* в русском языке. — В кн.: Вопросы языка и литературы. Новосибирск, 1966, вып. 1, ч. 1, с. 16—31.
- Тимошенко, 1963 — *Тимошенко П. Д.* Афереза в українській мові. — Праці XI Респ. діалектологічної паради. Київ, 1963, с. 106—124.
- Тимченко, 1930 — *Тимченко Е.* Курс історії українського языка. Харків; Київ, 1930, 212 с.
- Титовская, 1969 — *Титовская В. В.* Лексикализованные варианты слов в диалектной речи. — Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та, 1969, т. 68, с. 176—179.
- Тиханов, 1904 — *Тиханов П. И.* Брянский говор. — Сб. ОРИС, 1904, т. 76, № 4, с. 1—263.
- Тихомиров и Миллер, Русские былины — Русские былины старой и новой записи / Под ред. акад. Н. С. Тихомирова и проф. В. Ф. Миллера. М., 1894. 304 с.
- Тихонов, 1959 — *Тихонов А. И.* Способы выражения начинательного значения глаголов в русском языке. Тр. Узб. ун-та: Нов. сер. Самарканд, 1959, вып. 95, с. 43—75.
- Тихонов, 1978 — *Тихонов А. И.* Словообразовательные и корневые гнезда слов. — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, с. 270—273.
- Togebu, 1960 — *Togebu K.* Les explications phonologiques historiques sont-elles possibles? — *Romanic Philology*, 1960, vol. 13, p. 401—413.
- Толстая, 1974 — *Толстая С. М.* К характеристике консонантных сочетаний в славянских языках (начало и конец). — *Slavia*, Praha, 1974, K. XLIII, 2, s. 113—133.
- Толстой, 1963 — *Толстой И. И.* Какой тип диалектного словаря нам нужен? — В кн.: XII Респ. диалект. нарада: Тези допов. Квітень 1965 р. Київ, 1965, с. 37—39.
- Толстой, 1968 (1) — *Толстой И. И.* Об изучении полесской лексики / Предисл. ред. — В кн.: Лексика Полесья: Материалы для полесского диалектного словаря. 1968, с. 3—19.
- Толстой, 1968 (2) — *Толстой И. И.* О лингвистическом изучении Полесья / Предисл. ред. — Там же, с. 5—17.
- Том. словарь — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964, т. 1; Томск, 1965, т. 2; Томск, 1967, т. 3.
- Тришина, Федюшина, 1955 — *Тришина Е. И., Федюшина Л. А.* Диалектные особенности говора Гредякино Буденовского р-на Белгородской обл. — Тр. Воронеж. ун-та, 1955, т. 13, вып. 3.
- Трубацев, 1974 — *Трубацев О. И.* Наблюдения по этимологии лексических локализмов. — В кн.: Этимология, 1972. М., 1974, с. 20—41.
- Трубацев, 1962 — *Трубацев О. И.* Славянские этимологии. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. М., 1962, вып. 2, с. 29—39.
- ТР. МДК — Тр. Московской диалектологической комиссии. Вып. 1: Варшава, 1908; Вып. 2: Варшава, 1910; Вып. 3: Варшава, 1914; Вып. 4: М., 1915; Вып. 5: М., 1915; Вып. 6: М., 1917; Вып. 7: Калуж. губ., 1918; Вып. 8: М., 1919.
- Тр. Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка

(б. МДК). Вып. 9: Л., 1927; Вып. 10: Л., 1928; Вып. 11: Л., 1930; Вып. 12: Л., 1931.

Укр.-рус. словарь — Украинско-русский словарь / Под ред. П. Н. Кириченко. Киев, 1953—1963, т. 1—6.

Улуханов, 1971 — *Улуханов И. С.* Словообразовательная мотивация и ее виды. — Изв. ОЛЯ АП, 1971, т. 30, вып. 1, с. 37—46.

Усціловіч, 1975 — *Усціловіч А. К.* Асабліва лексіка гаворкі аколіц Любчы. — В кн.: 3 народнага слоўніка. Мінск, 1975, с. 53—63.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964—1973, т. 1—4.

Филатов, 1897 — *Филатов К.* Очерк народных говоров Воронежской губернии. — РФВ, Варшава, 1897, т. 37, с. 165—229; с. 287—322; т. 39, с. 174—231; т. 40, с. 1—53.

Филин, 1949 — *Филин Ф. П.* Говор д. Селино Дубенского района Тульской области. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949, т. 1, с. 280—312.

Филин, 1957 — *Филин Ф. П.* Об областном словаре русского языка. — В кн.: Лексикографический сборник. М., 1957, вып. 2, с. 3—12.

Филип, 1963 — *Филип Ф. П.* О составлении диалектологических словарей славянских языков. — В кн.: Славянское языкознание: Доклады советской делегации на V международном съезде славистов в 1963 г. М., 1963, с. 325—326.

Филин, 1966 (1) — *Филин Ф. П.* Некоторые проблемы диалектной лексикографии. — Изв. ОЛЯ, 1966, т. 25, вып. 1, с. 3—12.

Филин, 1966 (2) — *Филин Ф. П.* О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах. — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.; Л., 1966, с. 27—34.

Филин, 1978 — *Филин Ф. П.* О специальных теориях в языкознании. — ВЯ, 1978, № 2, с. 17—25.

Филин. Проект — *Филин Ф. П.* Проект Словаря русских народных говоров. М.; Л., 1961. 197 с.

Фролова, 1954 — *Фролова С. В.* Говоры некоторых сел Сосново-соловецкого р-на Куйбышевской обл. — Учен. зап. Куйбыш. пед. ин-та, 1954, с. 77—94.

Халанский, 1886 — *Халанский М. Г.* Сведения и заметки о говорах русского языка. — РФВ, 1886, с. 16, с. 220—235; т. 21, с. 107—121.

Халанский, 1904 — *Халанский М. Г.* Народные говоры Курской губ. — Сб. ОРЯС, 1904, т. 76, № 5, с. 1—379.

Хашпира, 1965 — *Хашпира Э.* Учеба. — Рус. яз. в школе. 1965, № 1, с. 88—91.

Чагшцева, 1962 — *Чагшцева В. П.* О словаре восточной Брянщины. — В кн.: Псковские говоры. 1 / Отв. ред. Б. А. Ларин, 1962, с. 272—280.

Черных, 1949 — *Черных П. Я.* К фонетике южнорусских говоров. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949, т. 1, с. 252—264.

Черных, 1956 — *Черных П. Я.* Очерк русской исторической лексикологии: Древнерусский период. М., 1956. 243 с.

Чернышев, 1898 — *Чернышев В. П.* Сведения о мешковском говоре. — Изв. ОРЯС, 1898, т. 3, кн. 2.

Чернышев, 1900 — *Чернышев В. И.* Дополнения к сведениям о говоре г. Мещовска. СПб., 1900. 36 с.

Чернышев, 1901 — *Чернышев В. П.* Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда. СПб., 1901. 216 с.

Чернышев, 1903 — *Чернышев В. П.* Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов. СПб., 1903. 191 с.

Чернышев, 1904 — *Чернышев В. П.* Заметки о языке «Печорских былин». — В кн.: П. Е. Оятчиков. Печорские былины. СПб., 1904, с. XXXVI—XLV.

Чернышев, 1949 — *Чернышев В. П.* Говор города Осташкова. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949, т. 2, с. 261—276.

- Чужимов, 1935 — *Чужимов В. П.* Новые записи былин в Поморье. — Сов. фольклор, 1935, № 2—3.
- Шапский, 1963 — *Шапский Н. М.* Фразеология современного русского языка. М., 1963. 156 с.
- Шапский, 1964 — *Шапский Н. М.* Лексикология современного русского языка. М., 1964. 316 с.
- Шапский, 1966 — *Шапский Н. М.* О дифференциации и замещении фошем. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. М., 1966, вып. 5, с. 176—190.
- Шапский, 1968 — *Шапский Н. М.* Очерки по русскому словообразованию. М., 1968. 310 с.
- Шахматов, 1893 — *Шахматов А. А.* Исследование в области русской фонетики. Варшава, 1893. 317 с.
- Шахматов, 1897 — *Шахматов А. А.* Звуковые особенности ельпинских и мосальских говоров. — РФВ, 1897, т. 38, с. 172—210.
- Шахматов, 1903 (1) — *Шахматов А. А.* Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. 184 с.
- Шахматов, 1903 (2) — *Шахматов А. А.* К истории звуков русского языка. СПб., 1903. 212 с.
- Шахматов, 1912 — *Шахматов А. А.* История русского языка. 2-е изд. СПб., 1912, ч. 2. 300 с.
- Шахматов, 1915 — *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. — Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915, вып. 11. 1, 368 с.
- Шигаревская, 1964 — *Шигаревская Н. А.* О характере слогового строения во французском языке. — Учен. зап. Лeningr. гос. ун-та, 1964, № 325, вып. 69, с. 161—174.
- Шишонко, 1882 — *Шишонко В.* Отрывки из народного творчества Пермской губернии. Пермь, 1882. 331 с.
- Юналеева, 1961 — *Юналеева Р. А.* Русские говоры Северо-восточной Башкирии (с учетом татаро-башкирского окружения). Казань, 1961.
- Юрчанка, 1966 — *Юрчанка Г. Ф.* Дialectы слоўнік. Мінск, 1966. 227 с.
- Ягодинский, 1941 — *Ягодинский А. С.* Народные говоры Чарозерского района Вологодской области. — В кн.: Дialectологический сборник / Под ред. А. С. Ягодинского. Вологда, 1941, вып. 1, ч. 1, с. 49—108.
- Якобсон, 1962 — *Якобсон Р. О.* О соотношении между песенной и разговорной народной речью. — ВЯ, 1962, № 3, с. 87—90.
- Янкоўскі, 1960 — *Янкоўскі Ф. М.* Дialectы слоўнік. Мінск, 1970, вып. 1—3, 172 с.
- Янкоўскі, 1960 — Матэрыялы для слоўніка народна-дialectнай мовы / Пад рэд. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960. 199 с.
- Яшкін, 1966 — *Яшкін І. Я.* Фонетычныя асаблівасці гаворак Слаўгарадчыны. — В кн.: Беларускі лінгвістычны зборнік. Мінск, 1966, с. 79—93.
- Яшкін, 1968 — *Яшкін І. Я.* Семантика назваў рыбалоўства ў гаворках плячанцаў слаўгарадскага раёна. — В кн.: 3 жыцця роднага слова. Мінск, 1968, с. 119—132.
- Яшкін, 1975 — *Яшкін І. Я.* 3 лексікі вёсак Дудзічы Азярычыны Пухавіцкага раёна. — В кн.: 3 народнага слоўніка. Мінск, 1975, с. 110—118.
- Яшчыкоўская, 1975 — *Яшчыкоўская М. У.* Лексіка гаворкі вёскі Зімовая буда Мазырскага раёна. — В кн.: 3 народнага слоўніка. Мінск, 1975, с. 162—166.

Абосиком
Абосый
Абрикет
Авад
Авадник
Авдовая
Авдот
Авжо
Авжо-тка
Авжоткаты
Авжотки
Авжу
Авнук
Авой
Авохти
Авохтиньки
Авраг
Авражий
Авражина
Авторын
Авчера
Авшат
Авьюшка
Агашинок
Агорох
Агорошак
Аграбли
Агромадный, агрома-
т-ный
Агромон
Агувно
Аквас
Акромя и акромя
Алгаты
Алди
Алмон
Алипы
Алишиться
Аллеш, аллеть
Алли
Аллянина, альянина
Алляной, альяной
Альница
Альняной
Аминуться
Амховой и амховый
Амченск
Амшальник
Амшанийк

Амшары
Амшеник
Амшить
Аначи
Андел
Андюк
Андючий
Антаревай
Антарий
Антарный
Антарь
Антересно
Анъел
Апосля
Апшеница
Арабывать
Арас
Арвать
Аргонуть
Арепей
Аржа
Аржавченый
Аржанец
Аржаной
Аржаство
Аржать
Аржище
Артищева
Артуть
Аршавка
Аряшки
Аселетка
Атхорь
Ахлев
Ашбсток
Ашче

Бажур
Банок
Бедня
Безыменный
Белуток
Бервно
Берлук
Бессмертный
Блад
Бладень
Бладеня
Бладой

Блаки
Блачка
Блачок
Блигадир
Блискалка
Блискать
Блиснути
Блись
Блога
Бляскасть
Бляскнуть, бляснути
Блясть
Бодер
Болока
Болоки
Болочина
Болочинка
Бонба
Боршовальщик
Борнованный
Борновать
Борновидьба
Борновий
Борноволровка
Борноволрок
Борноволочить
Борноволочка
Борноволушка
Борнолок
Бразник
Бреца
Брусак
Брушница
Бутошник
Быденкой
Быденок
Быдепошный

Валуга
Варган
Вармия
Варок
Вастрахань
Ватешать
Ваю
Вбить
Вгадать
Вгодно
Вдалой

Вдарить
 Идариться
 Веретно
 Верѣх
 Вертенѡ
 Вѣс
 Вехорь
 Вечка
 Вжище
 Вихорь
 Вкорѡтить
 Вмер
 Виогний
 Впого
 Вногушко
 Воблизе
 Воддавать
 Водѣнъ, вадень
 Вождак
 Возабыль
 Вѡзимъ
 Вокно, вокна
 Волак
 Волтарь
 Вольга
 Вольни
 Вольха
 Волья
 Волюшка
 Вона
 Вѡсень
 Восенью
 Восна
 Вѡспина
 Восница
 Воспода
 Восподи
 Восподин
 Восподский
 Восподь
 Воспожѧ
 Воспожни
 Воспожѣнки
 Вострѣ
 Вострить
 Востро
 Востровѡкий
 Вострохвѡстой
 Вѡстрый
 Востряк
 Восударевый
 Восударина
 Восударони
 Восудароня
 Восударский
 Восударственный
 Восударство
 Восударына
 Восударыпя
 Восударь

Вѡточка
 Вотчина
 Воченно
 Вѡинник
 Врать
 Вримѣ
 Всевды
 Всекий
 Всеца
 Всток
 Вѹлица
 Вѹлка
 Вѹлочка
 Вѹмный
 Вѹтка
 Вѹточка
 Входить
 Вцарась
 Вцарашной
 Вчарась
 Вчара
 Вшел

 Гарахвѣн
 Гѧрба
 Гаспник
 Гѣбля
 Гледпвчи
 Гледючи
 Глѣдя
 Глина
 Глубнѣка
 Глузданѹтъ
 Гнѣла
 Гнилка
 Голвѧшки
 Головѣшка
 Гѡльха
 Гонь
 Горѧзно
 Горазный
 Горевница
 Гѡресть
 Горечѣха
 Горечѣиный
 Горлопѧй
 Горповѣтый
 Горносталя
 Горностань
 Горностарь
 Гѡроб
 Горобей
 Горобѣц
 Горобѡк
 Горобѡчек
 Горѡд, гарѡд
 Горѡдик
 Горѡдина
 Горѡдинка
 Горѡдник
 Горѡдное

Горѡдный
 Горѡжа
 Гѡроп
 Горѡсточка
 Горчица
 Госпитатель
 Гостѣбнице, гостѣбнице
 Гостѣбник
 Гостѣбный
 Гостѣбнице
 Гостѣба
 Гостѣбье
 Гостроузый
 Гѡстрый
 Гох
 Грамѡнь
 Граном
 Гребѣлка
 Гребѣлочка
 Грѣства, грѣсва
 Гриня
 Гринина
 Гроздочек
 Гроздь
 Груст, грусти, грусти
 Губѧга
 Губно
 Губор
 Гувно
 Гумѧга
 Гумѧжкий
 Гумазея
 Гурѣц
 Гурѣчик
 Гурешки
 Гурешный
 Гурѡк
 Гурѡчны
 Гурцы
 Гѹрчик

 Давнѣиший
 Дѧмнииный
 Дамно
 Дамнѡиный, дамнѡиный
 Дарѧ
 Дверѣта
 Двоѣм
 Деда
 Дѣжа
 Дектар
 Деремня
 Дзекха
 Диверь
 Дни
 Дно
 Добѣр
 Доблѣнка
 Долголязый
 Долина
 Долог

Доложно	Еже	Жалёзка
Доложность	Екошечко	Жалёзница
Доложон	Екунь	Жалёзный
Долонка	Елеша	Жалёзо
Долонь	Елешинька	Жалётъ
Домошник	Емменимся	Жалудок
Доргать	Еи	Жамчуг
Доржать	Еиеть	Жанá
Доржаться	Еиочни	Жанáтый
Дорить	Ерда	Жанáч
Доспрашивать	Ерлак	Жанáло
Доспрашиваться	Ерлок	Жанáть
Доспрос	Ерлук	Жанáтьба
Доспросить	Ерша	Жанáться
Досток	Есержакотца	Жанáх
Дражнить	Есестъ, ёсел	Жарáв
Дражниться	Еслышаться	Жарать
Драфеева	Есобница	Жаргой
Дресла	Еставиць	Жаребецъ, жаребцы
Дромни	Естаться	Жáровель
Дружья	Етведать	Ждница
Дымволок и дымволók	Етвет	Жеволак
Дырватка	Етец	Жерёлки
Дядиль	Еткуль	Жарёлъе
Дядильный	Етмах	Жёстоко
Евленья	Етпереть	Жиравка
Едьма	Етиривляться	Жиравленочек
Ездáк	Етслышаться	Жиравушка
Езям	Еттуль	Жиралёнок
Ейца	Етцовский	Жорáть, жарáть
Елмаз	Ех	Жóрево
Елмазить	Ехпуть	Журавей
Елмазка	Ехнуться	Журавель
Енадей	Еченька	
Епарал	Ечи	Заболачье
Еперал	Ечунь	Заборновать
Еранка	Ешеньки	Зáгвины
Ерани	Ешкнуть	Зáдорга
Ермак		Зáдрога
Ермания, ерманья	Жабóта и жаботá	Заздреть
Ермик	Жабóтиться	Заздрить
Ермячок	Жавать	Зáзерье
Ерош	Жавролёнок	Залезá
Ерхалук	Жавроленочек	Залезина
Естинный	Жáвронок	Залёзка
Ет	Жавровушки	Залезко
Ешконуть	Жагучий	Залёзница
Ё	Жалáдной	Залезный
Ёбедни	Жалáпка	Залезняк
Ёбздориться	Жалáпник	Залёзо
Ёбрюшиться	Жалáнница	Залйзо
Ёбседлать	Жалáннушка	Замчуг
Ёбуздать	Жалáпный	Замчу́жка
Ёбъехать	Жалáнье	Замчу́жный
Ёвернуть	Жалáньеце	Запречь
Ёгленуться	Жалáтельно	Зароновиться
Ёгни	Жалáть	Заросел
Ёд	Жале	Зачапи́ла
Ёдна	Жалёза	Заюлка
Еж	Жалёзница	Заюлечка
	Жалезника	Заютрешний

Збесѣться
Звернуться
Звеселить
Звеселиться
Звести
Звоз
Звѣзье
Зволноваться
Зворачивать
Звысѣять
Звыть
Згласывать
Згляд
Зглянуть, зглянуть
Зголовье
Зголовьеце
Зголодаться
Згрустнуть
Здалекѣ
Здалѣи
Здвиженье
Здор
Здорить
Здорожать
Здох
Здренне
Здреть
Здрить
Здри
Здумать
Здѣматься
Здучѣть
Здымать
Зелѣзна
Зелѣзник
Зелѣзный, зелѣзной
Зелѣзо
Зелѣзы
Зелезячка
Земномѣр
Земцюк
Земчѣг
Земчужинка
Земчужок
Земчужочек
Зень
Зеро
Зеть
Злюбленный
Змахнуть
Змолиться
Зморье
Знайти
Знайтись
Золѣзный
Золѣзо
Золѣзино
Зрадоваться
Зреветь

Игде

Иглеб
Игруша
Иде
Изделаться
Издесь
Изосѣма
Икажинной
Икажнѣи
Илгать
Илгун
Иллить
Ильва
Ильвѣи
Ильгов
Ильготѣ
Ильдѣ
Ильѣтся, плется
Ильлѣть
Ильна, ильну
Ильнице
Ильны
Ильстѣц
Имга
Имгла
Имнѣ
Имхи
Имшаник
Имшара
Имшѣть
Ирвать
Ирвѣта
Иржѣ
Иржѣветь
Иржѣть
Иржѣи
Иржичка
Иржѣще
Ирта
Иртищев
Иртуть
Исерѣжи
Исерѣги, исерѣга
Иснамянем
Исруб
Истрѣб
Исть
Ишѣл

Лекономка
Јелементы
Јемназия
Јенерал
Јерань
Јероплан
Јива
Јидалы
Јистари
Јужѣ

Каврѣга
Каболик

Кадрѣль
Казати, казѣть
Казень
Калбук
Каленовый
Капостить
Карабель
Каравать, коровѣть
Каравул
Каравулѣть
Каравульнѣи
Каравульщик
Карамысел
Карашива
Карвай
Карвѣга
Кардѣи
Кашамѣр
Кашемѣрник
Кѣнв, Кѣев
Кѣин
Кѣйно
Клѣндерь
Клендерѣи
Ключавѣи
Клѣйни
Клѣжинна
Кнѣзинна
Кнѣзийюшка
Кнѣйина, кнѣяния
Ковдѣ
Ковдѣи
Коврега
Коверѣга
Ковната
Коворѣдник
Кожанѣка
Кожѣвник
Коллдор
Кѣлкол
Кѣльзѣть
Кѣльзко
Кѣлько
Кѣнбайн
Кѣнбала
Кѣнокол
Кѣноколѣчик
Кѣнпас
Кѣнфорка
Кѣрнѣк
Кѣром
Кѣсѣмка
Кѣшѣба
Крагод
Крашанѣина
Кренѣше
Крошанѣина
Крушѣчка
Кулѣпа
Куни
Кунация

Кураг	Мёсте	Обсчётычать
Курагю	Метлешить	Обуходачпк
Курагный	Меч	Оввалиться
Куреск	Мечпк	Овпарить
Кухальный	Миллион	Оввертывать
Кушерка	Минк	Овещать
Кушин	Модовый	Овдотья
Кынут	Мозгонуть	Овернуть
	Молкосос	Овернуться
Лавит	Молкососнишка	Овещать
Лавока	Молодня	Овторник
Ладать	Молонья, молонья, мо- ланья	Огворотень
Ладик	Молотельщик	Огвязанье
Ладка	Морзобина	Огмер
Ладки	Морзобой	Одва
Ладюшка	Морзобойный	Одновокный
Ладья	Моркотно	Ожарелок
Ланна	Моркотный	Озле
Ланпада	Мормотать	Озмью, озмьите
Ланаз	Мотница	Округ
Леванид	Мотреть	Ольняной
Левень	Мундер	Олюха
Левонтий	Муравель	Омховой
Лёготный	Муравельник	Омпаник
Лёгоше	Мысел	Омшений
Ледина	Мявукать	Омшпть
Лександр	Мякильница	Онбар
Лексёй		Оновда
Лемещ	Наверх	Опеть
Лесницы	Навука	Оплевуха
Лименты	Навучить	Опочев
Личко	Нагдысь	Орген
Лоботрёс	Надавумить	Орепей
Ловь	Надомно	Оржаветь
Ловяппый, ловяппой	Надражнить	Оржавый
Лодок	Наздорить	Оржаной
Лоточка	Налёвка	Осаранать
Лоточный	Налобй	Оспоть
Лопенька	Налмя	Осударство
Лопечка	Напёхано	Осударь
Луквенник	Нарав	Охабоцька
Луковца	Наравиться	Охлеви
Лучёна	Наскрозь	Очудиться
Льга	Начанеть, начанем	Ощё
Лягота	Ндрав	Ощоб
Лянуть	Ндравиться	
Ляхче	Не во што	Навбодаль
	Невож	Навосени
Макерия	Невуж	Наву́к
Маладёнец	Невук	Навутина
Маразь	Невушто	Напаравнтся
Маракосить, морокосить	Незла	Паргонуть
Марёя	Нельга	Парнёк
Марзануть	Петунйдец	Парнёчек
Маркосить, моркосить	Пивалид	Парняк
Мармер	Нимо	Парсёпок
Марменный	Ножанька	Парсюк
Мер	Нощёбный, нощобный	Пэхмурный
Мерикапец	Нощёбняк	Пашаница
Мериканка	Нощоба	Пашаничнька
		Пашанилный

Папано
 Пашено
 Папеничный
 Пёврой
 Пелескаться
 Пендицйт, пиндицыт
 Пер
 Первалить
 Первернуть
 Первизать
 Пердавать
 Перену́гаться
 Переде
 Переюлок
 Перкусить
 Персолить
 Петеро
 Петйт
 Пётна
 Петница
 Петь
 Плавйна
 Платёща
 Платио
 Племенник
 Племенница
 Племядепка
 Племядинца
 Плотют
 Но вочереди
 Повню, повнить
 Повочередно
 Повужинать
 Повутру
 Повартиваться
 Поднолоз
 Подуросток
 Подыни
 Пожалали
 По-жаланиенькому
 Поздбрить
 Поиблово
 Покаранулить
 Полев
 Полевка
 Пблым
 Польга
 Понаравиться
 Пондравиться
 Пбпел
 Пбпелнице
 Порозный
 Порхонбй
 Поувабрать
 Поцтавить
 Поцтавлиять
 Поцалкивать
 Правужтакая
 Прасёнок
 Прасук
 Прасята

Праход
 Пределить
 Предиво
 Прежге
 Преюдалый
 Прибалутки
 Прибаютка
 Привубратся
 Привукрашенный
 Прибсталь
 Приюдрогнуть
 Приюмолкнуть
 Приюпизить
 Приюстанется
 Приютиништься
 Прокиво
 Прблуб
 Прблуба
 Пролубка
 Пролубники
 Пролубно
 Пролубь
 Просвёрни
 Пу́гвица
 Путивель
 Пчала
 Пчалыный
 Ппана
 Ппаница
 Ппанийцной
 Ппавишшой
 Ппанб
 Ппавишцы
 Равзе
 Радиво
 Развиртывать
 Размакать
 Разобить
 Ракчей
 Ранжевый
 Расёя
 Ренда
 Рендавать
 Рендатель
 Рендатор
 Реста́нт
 Ренато
 Ренники
 Рентант
 Робйта
 Рогоза
 Родиво
 Рожаной
 Рбзные
 Ромно
 Рубель
 Руковятка
 Румёнай
 Румёнец
 Рихй

Рянбчнк
 Сабан
 Салап
 Салана
 Сарфан
 Свадебный
 Свальба
 Сварьба
 Светёт
 Святй
 Свящельник
 Сё
 Се равно
 Сё-таки
 Седь
 Сёживать
 Серен
 Сйверко
 Сипеть
 Сйить
 Скаварец, скаворец
 Скамелька
 Скамля
 Скатерётка
 Ска́тереть
 Скворода
 Сколыбаться
 Сколыхаться
 Ско́мьн,
 Скопаты
 Скрось
 Скрось
 Скус
 Скусный
 Скупётъ
 Слатость
 Слобода
 Слободный
 Смерёдушка
 Смеретнай
 Смерётное
 Смерётушка
 Смерная
 Смерно
 Снежанай
 Сиоровить
 Снур
 Собирывать
 Сovenчаться
 Совивать
 Совбднн
 Совыкаться
 Содержать
 Соежкаться
 Сожкть
 Сожекчч
 Сожечь
 Сожигать
 Соймить
 Сокатиться

Соковаты	Сположить	Тамабилнишко
Сокорь	Сполющ	Тамабиль
Сокочить	Сполюбить	Таман
Сокрутиться	Сполюбовница	Тварушка
Соладость	Спомереть	Тверёзной
Солезать	Спомянати	Тверёзой
Солетаться	Спобинить	Твернуть
Солбощик	Спомянути	Твечать
Солучиться	Спопневолить	Тевно
Сомешиться	Споправиться	Тежало
Сомеркаться	Спопалывать	Товда
Сомпываться	Спороть	Товды
Сомородинна	Спорусничка	Тонеме
Сомутиться	Спорхнути	Тороф
Соцлетаться	Спосуда	Тощут
Сополаяти	Спотешати	Травур
Соравняться	Спотешаться	Тращати
Сорастаться	Спотопляти	Трекий
Соронить	Спохакивать	Трелога
Сорядить	Спочивати	Треложити
Сорядиться	Спошибати	Трубин
Соряжбанный	Спреть	Тяжело
Соскинуть	Спроводины	
Состинуть	Спроводи́ть	У голвах
Сотельный	Спровождати	Увабйти
Сотереть	Спройти	Увабрати
Сотрати	Спыхнути	Увабратися
Соходить	Ставати	Увабу́ться
Соходиться	Станы	Увагнати, увагнаться
Сошнить	Стать	Увагну́ть
Спариться	Стёрка	Увагну́ться
Сплакать	Сток	Увагрети
Спобить	Столоб	Увагрети́ся
Спобуживать	Стопёться	Уваехати
Спобывать	Страженше	Увазнати
Сповадиться	Страм	Уваймати
Сповесть	Страмить	Увайматься
Сповидати	Стрета	Увайти
Сповырезати	Стретати	Увайтити
Сповянуть	Стретити	Увакрати
Споглядывать	Стреться	Увалити
Спогубить	Стреча	Увамри
Спогульливенькая	Стречати	Увапрети
Спогуляти	Строк	Увапру
Сподавать	Строчно	Увапхати
Сподвинуть	Струб	Уварвати
Сподеяться	Стучели	Увасну́ть
Сподивиться	Сугийлка	Уваснати
Сподломиться	Сумлеваться	Уваснети
Сподманивати	Сумленье	Увасно́й
Спожаловать	Су́нка	Уваткну́ть
Споженить	Суравежка	Уватняти
Спожениться	Сухмель	Уватру́сь, уватре́мся,
Спозабить	Спина	ува́трися
Спозвать	Сбвротка	Увачести
Спознати	Сбвротца	Увесь
Спознаться	Сыравежки	Увогнати
Споймати	Сышка	Увогрити
Спокаяться	Сякёра	Увойти
Спокидати		Увослати
Сполетывати	Таварог	Увсегда

Увторил	Шешна́дцать	Юслихал
Увягнуть	Шештой	Юспеть
Удба́	Шешток	Юставать
Удба́ка	Шкарлука	Юстань
Удба́на	Шлега	Юстраи́вать
Удба́ник		Юстраи́ться
Удба́ный	Щако́тать	Юсходи́ть
Удба́щик	Ща́тника	Юся
Урожда́й		Ютаи́вать
Уса́рьба	Ю	Ютвар
Усо́дится	Юбел	Ютеха
	Юби́ть	Ютреди
Фата́ть	Ювдову́шка	Ютро
Фо́рост	Ювезли	Ютром
Фост	Ювертливой	Юхарь
	Ювесь, ювсе	Юхват
Хаварост	Ювидать	Юхватить
Хватёра	Ювидеть	Юхну́ть
Хи́вус	Ювсе	Юхну́ться
Хо́дак	Юга́рин	Юхо, юши
Храбе́р	Юга́рище	Юход
	Югла́	Ючерп
Ца́ноги	Юго́ль	Ючи́нать
Ца́ра́й	Югрю́мый	Ючо́ра
Цёло́н	Юдалой	Юшат
Цетвереть	Юда́ль	Юшиб
Цетверик	Юда́рить	Юши́ца
	Юда́ча	
Ча́жечка	Юдивле́нье	Я
Чало́н	Юдивле́ньце	Яба́драна
Ча́ри́ща	Юдова́	Ябле́тать
Чатве́рк	Юдо́вушка	Яблва́цца
Чатве́ртый	Юдо́вка	Ябло́мить
Чати́ре	Ю́же	Ябни́мать
Че́й	Ю́жи	Ябойму
Чейни́к	Ю́жу	Ябо́рычка
Чело́вёк	Ю́здать	Ябу́ловь
Че́ра́шний	Ю́зко	Яви́н
Че́ре́мха	Ю́зла	Яго́нек
Че́ре́мховый, чере́мко- вый	Ю́зник	Яго́нь
Черемна	Юзо́лочник	Яго́р
Че́ре́мни́ша	Ю́зье́жать	Ягра́ст
Черемни́шка	Ю́зять, ю́зяли	Ягро́мный
Чере́не́ц	Ю́кать	Ягру́с, ягру́ст
Черямы́шничек	Ю́кнуть	Ядда́ть
Че́тве́реть	Ю́крыва́ться	Яди́ный
Чи́сма	Ю́лица	Ядна́
Чи́ще́бники	Ю́лочка	Яди́й, ядны́
Чи́щба́	Ю́льга	Яжи́на
Чи́щобник	Ю́м	Яко́шечка
Чи́щобны́й	Ю́местя	Яле́нький
Чи́щобь	Ю́мный	Ялта́рь
Чи́блон	Юмо́лить	Ялы́й
	Ю́н	Ямга́
Шало́ник	Юни́зить	Ямша́рина
Ша́мни́вон	Юна́дывать	Яна, яны
Ша́рстя́нка	Юна́сть	Яна́дан
Шастой	Юпе́р	Янге́л
Шасто́к	Юполо́вник	Янгиль
Шелся	Юра́нплать	Янгу́ль
Шерховаты́й	Юсе́	Янди́ль

Янтарь
Явюта
Явютачка
Япадала
Япасть
Япойковый
Япсмейна
Япустютца
Япуцаются

Ярёл
Ярест
Ярешевье
Ярмак
Ярмалка
Ярмия
Ярмак
Ярилав
Ясинничек

Ясдяк
Ясёкор
Яставаться
Яставлять
Ястрахань
Ясыпаться
Ят
Ятакована
Ятживушь

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН	— Библиотека Академии наук СССР
ВЯ	— Вопросы языкознания
ЖМШП	— Журнал министерства народного просвещения
ИРЯЗ	— Институт русского языка Академии наук СССР
ИЯ	— Институт языкознания Академии наук СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МДК	— Московская диалектологическая комиссия
ОЛЯ	— Отделение литературы и языка
ОРИС	— Отделение русского языка и словесности
РГО	— Русское географическое общество
РФВ	— Русский филологический вестник

Сокращения названий районов (уездов) и областей (губерний) соответствуют сокращениям, принятым в Словаре русских народных говоров (вып. 1).

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Первая глава. Перегулярные фонетические явления в говорах	13
1. Фонетическая система говоров и перегулярные явления	13
2. Понятие лексикализации. Лексикализация фонетических явлений в говорах	24
3. Отражение лексикализованных явлений в диалектной лексикографии и в описаниях говоров	28
4. Лексикализованные фонетические особенности говоров русского языка	33
Вторая глава. Лексикализованные особенности как результаты ста- рых фонетических явлений	48
1. Слова с протетическим <i>j</i>	48
2. Слова с <i>a</i> на месте <i>e</i> после шипящих	73
3. Отдельные лексикализованные случаи. Слово <i>черемха</i>	90
Третья глава. Лексикализованные особенности, возникшие на почве действующего фонетического явления	95
1. Слова с отпадением начальных гласных <i>a</i> и <i>o</i>	95
2. Слова с выпадением гласных в основе	109
Четвертая глава. Слова с диалектными суффиксами и префиксами	124
1. Глаголы с префиксом <i>ува-</i>	124
2. Слова с суффиксом <i>-'оба</i>	142
Заключение	150
Литература	154
Словник	171
Список сокращений	180

ОЛЬГА ДАНИЛОВНА КУЗНЕЦОВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА
(лексикализация фонетических явлений)

Утверждено к печати
Институтом русского языка
Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Н. Немнинова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Е. М. Черножукова*
Корректоры *Л. А. Привалова и К. С. Фридлянд*

ИБ № 21130

Сдано в набор 03.10.84. Подписано к печати 03.04.85.
М-18219. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 11,5. Усл. кр.-от. 11,68. Уч.-изд. л. 13,40. Тираж 1450.
Тип. зак. № 1955. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

Советские книги и учебники

SOVIETIME.RU

СКАЧАТЬ

